

A PARKER NOVEL

RICHARD
STARK

The Juggler

"DONALD E. WESTLAKE WRITES AS RICHARD STARK WHEN HE
WANTS TO SEE HOW FAR HE CAN PUSH IT."
—MARLYN STADIO, NEW YORK TIMES BOOK REVIEW

Ричард Старк
В зловещей тиши Сагамора
Серия «Паркер», книга 6

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120961

Ричард Старк. Охотник: Центрполиграф; Москва;

Оригинал: RichardStark, "The Jugger"

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	31
Глава 4	37
Глава 5	48
Глава 6	59
Глава 7	67
Часть вторая	85
Глава 1	85
Глава 2	96
Глава 3	101
Глава 4	114
Глава 5	122
Часть третья	134
Глава 1	134
Глава 2	146
Глава 3	150
Глава 4	155
Глава 5	159
Глава 6	164
Глава 7	169
Глава 8	174

Глава 9	181
Часть четвертая	188
Глава 1	188
Глава 2	197
Глава 3	206
Глава 4	214
Глава 5	220
Глава 6	228
Глава 7	235
Глава 8	241

Ричард Старк

В зловещей тиши Сагамора

Часть первая

Глава 1

Когда Паркер переставал следить за собой, он начал непроизвольно ощупывать собственное лицо, которым очень гордился после пластической операции. Вот и сейчас, внимательно просматривая местную, линбрукскую, газету, он легонько водил указательным пальцем по всем выпуклостям и впадинам своего нового лица. Он уже дошел до особенно зловеще-неприятного ему раздела “Некрологи”, когда в дверь его номера постучали. Паркер опустил газету и бегло оглядел комнату. Выглядела она вполне пристойно: нигде не валялось, не стояло и не лежало ничего высыпающего и предосудительного. Он с легкостью, неожиданной при столь массивном телосложении, подошел к двери и быстро распахнул ее.

За дверью оказался невысокий мужчина, одетый совершенно по-идиотски: изумрудно-зеленые брюки, апельсинового цвета рубашка, чернильного цвета галстук и комбини-

рованные, белые с черным, туфли... Клоунский наряд почему-то завершала спортивная твидовая куртка, в нагрудном кармане которой, для пущей пикантности, виднелся уголок лилового платка; на локтях модники были нашиты овальные заплатки из черной кожи. Левая рука вольно засунута в карман штанов, правая напряженно держалась под растянутой полой куртки, смешно копируя бессмертный жест Наполеона. Возраст незваного гостя, если судить по коричневому лицу, отмеченному печатью почти всех известных Паркеру пороков, колебался от сорока до семидесяти лет; все существо его, казалось, излучало дешевый и плоский лоск ипподромного “жучка” и человека, регулярно напивающегося до мертвецкого состояния...

Он обнажил прокуренные зубы:

– Ну ты воче, Паркер!.. И всегда-то не блистал красотой, а уж теперь на рыло без слез не взглянешь... С чем тебя и поздравляю!

Этого типа звали Тифтус, личность он был ничтожная, пиджон провинциального пошиба и весьма ненадежный партнер; себя называл туманно – “мастер запорных устройств”... Паркер никогда не работал с ним.

Тифтус, кажется, решил показать ему все свои неприглядные зубы:

– Может, хоть войти дашь?.. У меня к тебе разговор...

“Ну, начинается”, – подумал Паркер. Для него было ясно, что разговор пойдет о Джо Шире. Для проформы он все-таки

процедил:

– О чем мне с тобой говорить?..

– Ну уж конечно, в коридоре-то не о чем! Где ж твое замечательное воспитание?..

– Иди на фиг, – сказал Паркер.

Тифтус улыбался все более натянуто и напряженно. Наклонив голову, он слегка выдвинул из-под полы свою правую руку, совсем немного, совсем чуть-чуть, но так, чтобы Паркер разглядел темный, с маслянистым блеском ствол автоматического пистолета двадцать пятого калибра...

– Эй, мистер зомби, нельзя ли понежней? – все так же улыбаясь, но уже с угрозой проговорил Тифтус. – Посидим поговорим о прошлых днях, о старых друзьях...

Да, безусловно, он притащился сюда из-за Джо! Паркер отступил, приглашающе кивнул Тифтусу. Едва тот ступил за порог, как хозяин комнаты, сделав выпад правой, послал молниеносный и убийственно-точный удар каменным ребром своей тяжелой ладони прямо по печени. Дурацкая павлинья важность сошла с потрепанного лица Тифтуса, теперь оно напоминало сплошь изрезанную морщинами серую шкуру издохшего от старости в саванне слона.

Паркер подхватил своего назойливого посетителя под мышки и одновременно пинком ноги захлопнул дверь, втащивая Тифтуса в комнату.

Откуда-то из глубины Тифтуса раздавался сиплый, прерывистый звук, словно заунывно сигналила далекая пожар-

ная машина. Паркер дотащил гостя до кресла, вынул у него пистолет и, подойдя к окну, зорко оглядел улицу. Прямо перед отелем, словно гигантский черный лакированный жук, стоял “форд”, на капот его, изнывая от бездействия, облокотился толстый капитан Янгер в уже запыленной ковбойской шляпе. Соломенный свет сентябрьского солнца озарял весь этот бесконечно скучный, сонный, заштатный городишко, где пыль на улицах стояла, как в дикой прерии, а жителей было раз-два и обчелся. Золотился прямо напротив отеля вокзал железнодорожной станции Сагамор, штат Небраска. Подняв клубы пыли, по широкой, совсем деревенской улице, как рыдван, прогрохотала машина. И вновь все стихло, ни единой живой души, кроме растолстевшего на приволье капитана, больше не было в утреннем мире. Сообщники, коль они есть у Тифтуса, либо ждут в вестибюле, либо спрятались на этаже.

Паркер убрал в стол некрупный автоматический пистолет, вытащенный из-за пазухи посетителя, и без всякого интереса посмотрел на Тифтуса. Тот осел в кресло, как манекен из витрины деревенского магазина, – его вытащили, чтобы переодеть, продавщицы, да так и оставили, приткнув куда придется с безвольными, висящими, как плети, руками. Из недр Тифтуса все еще сигналила отдаленная пожарная машина.

У Паркера, по его разумению, было еще достаточно времени, чтобы найти интересующую его информацию. Он безмятежно устроился в кресле, бестрепетно пробегая рядок

фамилий в траурных рамках, и вскорости наткнулся на ту, что искал: ШАРДИН Джозеф Т. Живущих родственников не имеет. Похороны в среду, в десять часов утра. Отпевание у Бернарда Глиффа. Погребение на кладбище Гринлон.

Стало быть, в среду, в десять утра. Паркер отогнул манжету и посмотрел на часы. Большая стрелка подходила к одиннадцати. Наверное, там все уже закончилось, раз ни одна живая душа не пришла проводить старика Шира...

Паркер свернул газету и вновь стал внимательно просматривать границу за страницей, изучая все ее заголовки. Он рассчитывал получить хоть какую-то дополнительную информацию о смерти Джо, но имя его упоминалось единственный раз – в некрологе.

Зато на седьмой странице Паркер обнаружил фотографию: толстый капитан Эбнер Л. Янгер что-то назидательно вдвухает в уши трем деревенским амбалам. Подпись гласила: “Совещание по безопасности движения”... Паркер даже наклонил от себя газетную полосу, чтобы заглянуть капитану Янгеру в глаза, но и на снимке две трети лица было скрыто полями ковбойской шляпы и глубокой тенью от них.

Свернув газету, Паркер обернулся к Тифтусу, чье дыхание практически выровнялось, а лицо вновь поменяло цвет: оно стало цинково-белым, с коричневыми кругами у глаз и нездоровыми розовыми пятнами по центру отвислых щек. Теперь физиономия Тифтуса как никогда напоминала маску клоуна; боль исходила из приоткрывшихся щелочек глаз, он

некрасиво дышал ртом, а яркий, кричащий наряд выглядел еще нелепее.

Паркер нехотя пробормотал:

– Нечего тут отдыхать... Пришел говорить – говори...

Тифтус пошевелил губами, словно глухонемой; голос не слушался его; закрыв свой запекшийся рот, он громко сглотнул слюну и, наконец, проскрежетал:

– Не надо было так... – И с неожиданной детской обидой добавил: – Меня просто ужасно тошнило!..

– Послушай, мальчик, сколько тебе, интересно, лет? Пора бы знать, как обходиться с любимой игрушкой! Никогда не суй пистолет под нос тому человеку, которого убивать не думаешь. Ты болван, и еще раз болван, а теперь выкладывай, что тебе надо...

– Отвали от меня, ублюдок!.. – Тифтус лелеял и нянчил великую свою обиду.

– Как Шир отдал концы?

Тифтус вздрогнул, как от удара, и моментально забыл все свои обиды. Он ошарашенно уставился на Паркера:

– Ешь твой клёш! Ну ты крутой!.. Откуда ж мне знать?

– Тебя тут не было, что ли?

– Меня?!!

Паркеру надоел этот бессмысленный разговор. Наклонившись к Тифтусу, он постучал согнутым пальцем в его костлявую грудь. Тифтус поежился, а Паркер постучал сильнее.

– Слушай, фрей, не задавай лишних вопросов... Спраши-

ваю я, а ты отвечаешь! Но – не наоборот!.. Начнем сначала?

– Ох, Паркер... Ты себя ведешь как хунвейбин! Зачем-то ввел мне наркоз, а ведь я пришел вместе воздух понюхать...

– Ну, Тифтус, ты меня достал! Ты можешь хотя бы здесь, в приличном месте, в отеле, оставить свой тюремный жаргон?.. Стало быть, пришел ко мне поговорить с пистолетом?

– Ну все, все! Замнем для ясности! Прошу прощенья... – Он несколько оправился после удара, и вновь напоминал смехотворного и жалкого боевого петушка. – Мне, конечно, не надо было брать с собой хлопушку!..

– Ты не даешь мне новой информации. Расскажи о том, чего не знаю...

Тифтус поднял над собой свои хилые кисти; указательный и средний пальцы на правой руке были желты от никотина.

– Паркер, нам нечего делить, Паркер, – убедительно проговорил он. – Мы с тобой не мокрушники, никто из нас не собирается другого заделать, фиг ли нам враждовать?

– Да я вообще к тебе ничего не имею. Когда ты явился в эту дыру?

– А вот только что... Даже чемоданы так и кинул в номере. Слез с поезда, улицу перешел, увидел тебя, заходящего в отель, ну и вперед... Узнал внизу у портъе, какой у тебя номер... Мне дали комнату этажом выше. Бросил чемоданы и к тебе... Почему мы должны собачиться?

– Мы, вроде, никогда с тобой и не были особенно близки, во всяком случае, на пару не работали... Тифтус становился

все увереннее:

– Отчего бы нам не попробовать? Тем более, что цель у нас одна...

– Да? Вот новости! И какая же, если не секрет?..

– Ты ведь, в натуре, знаешь об этом деле не больше меня...

Но все время вынюхиваешь: вдруг мне что-то известно!

Паркеру и впрямь хотелось разведать, что, в представлении Тифтуса, он, Паркер, знает. Однако выяснить это надлежало аккуратно, чтобы незваный гость не понял того, что нелюбезный хозяин обладает сам нулевой информацией... Паркеру ничего не осталось, как затаиться и ждать, пока балаболка Тифтус нечаянно проговорится. Он молвил небрежно:

– Плевать мне на то, что ты где-то нащупал... И вообще, с какой стати ты взял, что я стану с тобой работать? Ты мне не напарник. Заметь себе это, пожалуйста! Репутация у тебя еще та...

– Что ты, что ты!.. – горячо и возбужденно залопотал Тифтус. – В этот раз все будет железно! Что один надывает, сразу скажет другому... Ты тоже поймей в виду, что я из этой пыльной дыры рвать когти раньше времени не намерен... И ты тут, и я тут... Оба здесь будем болтаться. Учти, народу в Сагаморе немного... подозрительно, если кой-кто начнет кой-кого хватать за жабры! Нам просто судьба работать на пару...

Паркер не стал упоминать о капитане Янгере, которому

он явно показался подозрительным, и лишь сдержанно поинтересовался:

– А если я и в самом деле не знаю, о чем ты?.. Тифтус весело рассмеялся, показывая все свои малопривлекательные зубы:

– Ой, да кончай ты, Паркер, травить!.. Сам-то зачем сюда примчался, газеты, что ли, читать в отеле, или хоронить старикашку Джо?

Паркер взвесил все “за” и “против”: разумеется, Тифтус глуп как пробка, но своего не упустит. Вытянуть что-то из него вряд ли удастся. А настаивать на расспросах никак нельзя – заподозрит, что у Паркера и взаправду информации – голый ноль...

Паркер интимно склонился к Тифтусу, облокотясь левой рукой на спинку кресла за его головой, и негромко сказал:

– Годится, Тифтус... Так и быть, придется выложить тебе всю правду, зачем я тут.

Тифтус даже подался ближе к его лицу, чтобы лучше слышать шепот...

Удар, посланный прямо в челюсть, был страшен: мотнувшись назад, голова Тифтуса безжизненно пала на грудь, он стал сползать с кресла, но Паркер коленом подтолкнул его обратно.

Паркер мгновенно обследовал Тифтусовы карманы. В твидовой куртке, кроме надушенного какими-то пошлыми духами лилового платка, не было ничего; в нагрудном карма-

не апельсиновой рубашки он обнаружил запечатанную пачку тонких сигарок с отвратительными фильтрами из пластика; в одном кармане изумрудных штанов сиротливо лежала плоская зажигалка, выгравированные на ней инициалы одаряемого и дарителя – “С. Ф. от Д. В.” к нынешнему владельцу зажигалки никак не подходили; в другом кармане, не иначе, как на счастье, обреталась кроличья лапка, а с нею – ключ от номера и мелочью – пятьдесят семь центов; бумажник был утоплен глубоко в заднем кармане этой замечательной по яркости одежды.

Паркер перебрал содержимое бумажника, обнаружив следующее: выданную Адольфу Тифтусу карту социального страхования; полученные им же в Неваде потрепанные водительские права; снимки четырех, вероятно, самых любимых Тифтусом, лошадей; моментальную фотографию самого Тифтуса, которую выплюнул ему фотоавтомат; в банкнотах – шестьдесят четыре доллара; истертую на сгибах вырезку из “Дейли телеграф”, где упоминался Тифтус на открытии ипподрома во Фригольде еще до войны; дырявую змейку перфоленты с двумя какими-то телефонами, записанными впопыхах; приторно-слащавую цветную фотографию двух субтильных китайнок, снятых в неприличных позах. Паркеру китайянки не понравились.

Вся эта дребедень не пролила ни лучика света на вопрос: почему в Сагаморе объявился незадачливый Тифтус... Телефоны начинались совсем с другого кода цифр, нежели в

Сагаморе, об ипподроме здесь иные обыватели и слыхом не слыхивали, да старик Джо Шир и появлялся-то на бегах несколько раз в своей жизни – только когда с изумительной дерзостью брал ипподромные кассы... “Джо, слава Богу, был не игрок, потому и сохранял в наших кругах реноме человека, которому верили”, – со вздохом подумал Паркер, и тут же засмеялся парадоксальности своей мысли.

Разложив все находки, кроме ключа от номера, вновь по карманам злополучного щеголя, Паркер аккуратно перекинул Тифтуса, словно жрец жертвенного козла, через плечо, вынес его в холл на этаже и примостил в ближайшее кресло.

Холл, как, впрочем, и весь этаж, был абсолютно безлюден. Подумав, Паркер вернулся в свой номер, взял из стола Тифтусов пистолет, сунул его в карман, вышел, закрыл свою дверь на ключ, вновь взвалил на плечо Тифтуса, жутковато смотревшегося в этом крашенном масляной краской холле, и, мерно ступая, прошествовал мимо красной лампочки у выхода на лестницу.

Тифтус был легкий, как мумия. Паркер без труда поднялся с ним на его пятый этаж, прошел по пустому холлу к номеру Тифтуса, и вставил ключ в замочную скважину.

В номере Тифтуса все было именно так, как он и рассказывал. Нераспакованный чемодан брошен на кровать. В кресло швырнули верблюжье пальто с замахрившимся воротником и манжетами... Тифтус не лгал, – он и впрямь, все кинув как попало, бросился к Паркеру...

Подойдя к застеленной голубым покрывалом кровати, Паркер опустил Тифтуса возле чемодана, потеснив последний. В то же мгновение дверь ванной рывком распахнулась, и резко обернувшийся Паркер увидел бронзовую от загара женщину, с белым махровым полотенцем через плечо явившуюся в дверях. Весь ее наряд состоял из розовых мягких туфель без задников, на каблучках. При виде незнакомца она не смутилась, а, непринужденно покачавшись на каблучках, отставила поэффектнее ногу, подражая кому-то. Пшеничная копна волос, черный треугольник внизу живота, два ослепительно белых треугольника – на груди и на бедрах...

Плотная и крепкая, как смуглое ядрышко ореха, она вовсе не была толста; высокие скулы, зоркие, чуть раскосые глаза, чувственный рот... “Глаза карманницы, а рот проститутки”, – деловито отметил для себя Паркер. Низким, хриловатым голосом она спросила:

– Интересно, какого шута вам здесь нужно?

Стало быть, Тифтус оставил в своем номере не только чемодан и пальто, а еще и девицу. Та, сообразуясь со своим новым положением дамы, обитающей в отеле, тут же поди достала бездну разноцветных нарядных флаконов и флакончиков и вальяжно принялась плескаться в ванной... Паркер внушительно сказал:

– Скройся с глаз и закрой рот!..

– Еще чего... Что ты сделал с моим дружкой?!

– С кем, с кем? – фыркнул Паркер.

– А что особенного? Он хоть и небольшой, но неутомимый...

“Да, – иронически подумал Паркер, – и, вдобавок раза в два старше тебя, детка, если ты и в самом деле тянешь на свои тридцать лет...” Вслух он сказал с максимальной свирепостью:

– А ну двигай отсюда! Мы с ним на пару работаем...

После некоторых раздумий девица все-таки задрапировалась полотенцем. Она напоминала теперь фотомоделю с низкопробного настенного календаря, висящего где-нибудь в пожарной части. Девица неуступчиво ответила:

– И не подумаю! Я должна знать, что такое стряслось с моим бедным Адольфом...

– Споткнулся о непомерное самомнение...

– Над шуткой смеяться или пока обождать?..

Подойдя к ней, он положил свою тяжелую ладонь примерно посередине белого махрового полотенца и молча оттеснил девицу в ванную. Паркер закрыл дверь на защелку и посмотрел на неподвижно лежащего Тифтуса. Девица несколько раз требовательно постучала, но, послушав в ответ тишину, решила не тратить усилий даром.

В том, что она не станет звать полицию, – Паркер не сомневался. У подобных особ своя нелегкая выучка, и не исключено, что Тифтус приоткрыл перед ней хотя бы часть своего плана, – следовательно, подружка его будет спокойно сидеть и ждать, когда ее вызволит горничная либо дежурная

по этажу.

Освободив чемодан из-под ноги Тифтуса, Паркер устроил его на туалетный столик и, открыв, принялся бегло просматривать содержимое, отбрасывая от себя вещи.

За пару минут он был окружен целой кучей разнообразно-унылого барахла: попугайские вещи Тифтуса, мятная зубная паста, мазь от геморроя, цинковая мазь, патроны для Тифтусова пистолета, масло для роста волос, три астрологических календаря, и все те же несексапильные, жалко-субтильные, пресные китайянки печально смотрели на Паркера с фотографии. И ни малейшего намека на то, зачем пожаловал в Сагамор потрепанный Тифтус...

Допросить с пристрастием девицу? Ну нет, каким бы остолопом ни был Тифтус, он вряд ли с нею говорил о чем-то серьезном. Он прихватил сюда подружку развлечься между дел, и не более того. Сам Паркер был консервативен в этом вопросе: женщины порой нужны после выполненной работы, но вовсе не во время оной...

Разумеется, можно подождать, когда очнется замечательный попугай Тифтус, и открыто спросить его о начатой игре... Паркер даже замотал головой – так претило ему это ожидание, вилянье из стороны в сторону, зависимость от какого-то жалкого типа... “Уходит время, японская мануфактура, – думал Паркер, – а спрашивать Тифтуса – окончательно засветить свою нуль-информацию...”

Он кинул ключ от номера в пустой теперь чемодан, хозяин

которого, говоря на тюремном жаргоне, все еще отдыхал от введенного наркоза... В ванной шумела вода.

Справа от номера Тифтуса располагалась лестница, далее – кабина лифта, но Паркеру отнюдь не улыбалось мелькать в вестибюле... Свернув влево, он сразу за углом обнаружил то, что искал: обшарпанную дверь с надписью “Пожарный выход”.

Дверь пошла тяжело, – она разбухла от испарений ваннных комнат; последний раз ее открывали не иначе, как под Новый год. Паркер с трудом пролез в образовавшийся проем на площадку за дверью, и оказался на старой широченной провинциальной лестнице, спускающейся вплотную к стене отеля несколькими маршами прямо на уличный асфальт. Ступени лестницы разноголосно скрипели, краска на перилах облупилась и пожухла. Миновав крошечный тамбур, в котором противно пахли мусорные бачки, мельком отметив выходящие сюда двери рабочих подсобок, Паркер вышел на улицу.

В этом сонном Сагаморе солнце уже вошло в свою полуденную силу. Свет был ярок и радостен; из кухни маленького ресторанчика при отеле упоительно пахло шкворчащими на огне свиными отбивными, жареным луком, подрумянивающимся в кипящем масле картофелем... Волна превосходного кофейного аромата дошла до ноздрей Паркера и заставила их вздрогнуть. Здесь, в провинциальной глуши, в ресторанчиках еще кормили с восхитительной сельской добросовестностью. Ах, не прав ли был старый Джо Шир, окончательно

кинув здесь якорь, обзаведясь уютным игрушечным домом, пестуя цветники и деревья в саду, вдыхая зимой морозный воздух диких прерий, а летом стряхивая со шляпы шоколадную пыль, приносимую ветром с великих просторов Америки?..

Перед тем, как ступить на открытую всем взорам мостовую, Паркер некоторое время поизучал ее из-за угла. Нет, слежки за ним не было; куда-то испарился капитан Янгер; никто в штатском не болтался с видом бесприютного дурачка у единственной в городке афишной тумбы, – все было чисто, и путь, несомненно, свободен.

Паркер дошел до полуоткрытого здания аптеки на углу: здесь он узнает, как добраться в похоронное бюро, упомянутое в некрологе линбрукской газеты.

Глава 2

В пустом зале одуряюще пахли увядшие белию розы. Полумрак скрадывал размеры помещения. Шафрановый свет исходил от ламп в форме перевернутых чашечек цветов и едва достигал тисненых коричневых обоев ближайшей стены. Темно-шоколадный, пушистый ковер под ногами заглушал шаги; плотные, из ворсистой материи шторы драпировали окна и двери. Шафрановый свет пропадал, терялся в этих густых, поглощающих его красках, которые так любили старинные живописцы. В центре, вокруг пустого наклонного подиума в плетеных ивовых корзинах теряли сознание розы. Белые лепестки осыпали зловещую и невыразимо-печальную поверхность подиума, на котором совсем недавно стоял катафалк; нежная шелковистая плоть цветов на глазах старела, словно бы подсыхала, сворачиваясь в дряблые старческие кулачки...

После яркого, ослепительного солнечного дня там, на улице, Паркер на мгновение помедчил у дверей, давая привыкнуть глазам к полумраку. Зал был безнадежно опустелый. Ни единой живой души не было, да и не могло, казалось, быть час назад у дверей, или рядом с катафалком, ни единый человек не присаживался в эти роскошные бархатные темно-шоколадные кресла.

Паркер для чего-то проверил, плотно ли закрыл за собой

уличную дверь, покосился на свои пыльные башмаки, пригладил волосы и; бесшумно ступая по толстому ворсу, направился через комнату.

Откинув плотные шторы, драпирующие дверь, и ступив в соседнее помещение, Паркер перевел дыхание. У него было такое ощущение, словно его переместили во времени. Из бархатной мглы эпохи королевы Виктории он оказался в пластиковом веке ЭВМ. Стены комнаты покрывал слой светло-серого пластика, весьма приблизительно “работающего” под штукатурку, потолок был отделан несерьезными, на взгляд Паркера, белыми звукоизолирующими плитками какой-то прессованной дряни, сплошь усеянной рядами черных, совершенно безуютных отверстий. Пол покрывал черный, мягко пружинящий под ногами линолеум. Внимательно оглядевшись, Паркер сообразил, что он находится в приемной похоронного бюро: две двери, одна против другой, расходились из нее; Паркер выбрал ту, что помассивнее. Закрыв ее за собой, он ступил в небольшую комнату, сработанную все в том же компьютерном стиле, и лишь старинный застекленный двустворчатый шкаф с темными кожаными переплетами в глубине его, – несколько оживлял обстановку... В бюро не раздавалось ни единого голоса, но массивная серая электрическая пишущая машинка была включена, и еле слышно стрекотала. В каретке ее торчал листок с каким-то текстом. Однако на письменном чистом столе ровным счетом ничего не лежало; никакой одежды не висело и на ве-

шалке. Паркер поежился и, пожав плечами, направился было в холл, как вдруг, словно бы неизвестно откуда взявшийся, смурной тяжеловесный малый образовался возле него. Он был в каком-то слишком тесном костюме, чрезмерно облегающем его полноватое тело, в шоферской кепке и грязно-серых нитяных перчатках.

Малый недружелюбно посмотрел на Паркера из-под густых бровей:

– Вы что тут делаете?

– Я Глиффа ищу...

– А? Кого?

– Я ищу Бернарда Глиффа, владельца вашей конторы. Это ведь твой босс, не так ли?..

– Я и сам знаю, кто такой Глифф, – сумрачно и обиженно ответил малый, горестно уставясь на башмаки Паркера.

– Ну-ну... Может, ты знаешь, как его найти?

Смурной малый в нитяных перчатках казался чрезвычайно обиженным, однако, как понял Паркер, не его скромная особа была тому причиной. У малого просто было такое лицо... Какая-то жестокая обида была ему нанесена, быть может, в детстве или отрочестве, но и теперь, за давностью лет та крошечная ранка в душе не заживает, все саднит, все ноет, и бедняга никак не может расправить брови и радостно и вольно вздохнуть... И, наверное, до самой смерти будет смотреть на белый свет исподлобья. Хмурясь еще пуще, малый все же уронил:

– Ну да, я знаю...

– Где?

– Они наверху отдыхают...

– Как то есть отдыхает?!

– Ну, если утром мы провожаем клиента, то потом мистер Глифф спит... Он, что ли, вам сильно нужен?

– Я хотел узнать о Джозефе Шардине, честно говоря...

– О ком, о ком?..

– Ну, клиент с гринлонского кладбища, утром вы его хоронили, – нетерпеливо пояснил Паркер.

– Ай, да ну их, – зевнул малый, – я их не запоминаю... Вот если кузен или деверь – тогда еще помню...

– Господи, да ты разбудишь наконец Глиффа?

– А то!.. Только вам тут быть нельзя, в смотровую идите! – Паркер отправился, по своему разумению, в темно-шоколадную комнату с цветами, осыпающимися на отшлифованный подиум. Пока он слонялся минут семь по густому ковру, он передумал все свои неотложные мысли: очнулся ли Тифтус, засек ли капитан Янгер его, Паркера, отлучку из отеля? Знать бы наверняка, сколько ему на все про все отпущено времени!..

Как ни прислушивался Паркер, Глифф материализовался из-за шторы пугающе неслышно. Высокий плотный человек шагал к нему, почему-то сутулясь, как полицейский. Владельцу похоронного бюро было где-то около пятидесяти лет; белое, тестообразное лицо обрамляли темные волосы,

поседевшие на висках; плоский, словно у индейца, нос, обвисающие, рыхлые щеки; размыто-голубые, слегка навыва-те, глаза... Глифф усердно тарасил их, крутя головой, чтобы стряхнуть остатки сна, и выглядел потешно и чуть виновато.

– Бернард Глифф, – предупредительно улыбнулся он и вложил в мощную пятерню Паркера свою пухлую, сложенную лодочкой, ладонь.

Паркера неоднократно выручал весьма идущий ему образ состоятельного бизнесмена, разъезжающего по своим надобностям, вот и теперь, небрежно наклонив голову, он веско сказал:

– Чарльз Виллис.

В прежние свои приезды в Сагамор Паркер пользовался этим вымышленным именем, и не видел причин придумать в этот раз иное...

Выглядел он действительно внушительно и несколько даже импозантно: недюжинный, хваткий и, вероятно, безжалостный к слабым конкурентам господин, торгующий игральными автоматами или, может, вышедшими из моды автомобилями...

– Бенни успел доложить, что вы были близки бедному, бедному мистеру Шардину, – заученно слезливо-слащаво проговорил Глифф.

Цепкие зрачки Паркера успели запечатлеть ту долю секунды, когда при упоминании имени Шардина в холодных рыбьих глазах Глиффа вспыхнул и погас огонь. Буквально до-

лю секунды...

– О да, потому я и здесь...

– Прощу вас в контору, там можно спокойно поговорить... Обиженного на весь свет малого по имени Бенни, как выяснилось, глиффовского шофера, не было видно нигде. Вслед за владельцем похоронного бюро Паркер вошел в контору и устроился на стуле для посетителей, Глифф плавно осел в свое глубокое кресло, как взятый на прикол серебристо-белый дирижабль.

– Весьма грустно, что умер мистер Шардин... Весьма грустно, – почему-то дважды произнес Глифф приличествующее моменту трафаретное сожаление.

– Газеты ничего не пишут, почему он умер...

– О, насколько помню, сердечная недостаточность... Вы ведь знали близко мистера Шардина? – В рыбьих глазах снова вспыхнул мгновенный жутковатый огонь.

– Более-менее, пока он еще был у дел...

– Ясненько, – кивнул Глифф, опуская глаза и домиком составляя ладони. – Я сам-то, знаете ли, не имел чести быть знакомым с мистером Шардиным, да и поселился он у нас недавно, – дружески доверительно поведал он.

Паркеру вовсе ни к чему была его не нужная никому доверительность, он жаждал информации...

– И вы никогда не встречались с ним? – подыграл он светски-любезной, ничего не значащей беседе двух чужих, случайных людей.

– К моему большому сожалению, – нет, хотя, по свидетельству тех, кто с ним знаком, это был весьма приятный и уступчивый человек...

“Уступчивый”, – написал Паркер у себя в голове высокими огненными буквами и невинно осведомился:

– Отчего, в таком случае, его хоронили вы? Глифф был несколько шокирован и даже чуть-чуть обиделся, но с достоинством произнес:

– Так принято, когда нет никаких родственников. Похороны берет на себя муниципалитет. Я получил заказ... – Глифф пожал плечами, словно говоря: да, смерть чудовищна, но деться некуда, ему приходится прислуживать ей, справляя погребальные обряды... Сделав приличествующую моменту паузу, он гораздо жизнерадостнее подошел к интересующему его вопросу:

– Вы ведь приехали из родных мест мистера Шардина?

– Нет, просто вместе работали... Кто уполномочен заниматься наследством?

– Вроде бы” городской банк. Да, вспомнил, именно он. Мистер Шардин там открыл счет, но умер, не оставив завещания, так что суд поручил банку всем распоряжаться... Стало быть, вы работали вместе? – спросил он с таким видом, точно впервые задавал вопрос.

– Да, совсем немного, – подтвердил Паркер.

Глифф совершенно определенно имел в этом деле свой интерес. Паркер все время был начеку, лихорадочно сообра-

жая о подоплеке происходящего, но отвечал так, будто чем-то озабочен и опечален.

Он рассеянно и словно бы между прочим спросил:

– Интересно, а кто был его лечащим врачом?

– Врачом? – удивился Глифф. – По-моему, доктор Рейборн. А почему вы задали этот вопрос?

– Не исключено, что я повидаюсь с доктором... Хоть мы и расстались с Джо довольно давно, хотелось бы просто чисто по-человечески выяснить, что с ним случилось...

– Ну, что там могло с ним случиться... Все мы болеем, старимся, наконец, умираем, обычная история... По документам, кажется, мистеру Шардину шел семьдесят первый год? Нечего Бога гневить, он прожил долгую жизнь и, я надеюсь, – тут Глифф испытующе уставился на собеседника, несколько даже игриво наклонив голову, – счастливую? Да вы-то ведь знаете лучше меня...

– Ну, конечно, – вяло кивнул Паркер, – жизнь он прожил интересную... Скажите, как мне отыскать мистера Рейборна?

– Это буквально в квартале отсюда, Лейн-авеню; но, честно говоря, мистер Виллис, я бы на вашем месте не стал встречаться с врачом, лишний раз травить себе душу... Кто умер, того не воскресить, а живым – жить дальше...

– Я, собственно, воскрешать его не собираюсь, – сухо заметил Паркер, – а вот узнать обстоятельства смерти – хочу!

– Послушайте, но вы ведь, надеюсь, далеки от мысли, что ваш приятель умер, кхм, как бы это поделикатнее выразить-

ся, – с чьей-то помощью?

– Да нет, конечно, у него и прежде сердце пошаливало, – удрученно солгал Паркер. – Оттого-то и выбрал, наверное, ваш городок, уютную, милую гавань... И кому, собственно, нужен был тихий старик, мирно живущий на пенсию в своем домике?

– Вот-вот, – живо согласился Глифф, улыбаясь каким-то своим мыслям. – Золотое времечко, сам сплю и вижу, когда выйду на пенсию, буду предоставлен самому себе... Ох, простите, я как-то заболтался и прослушал, чем же, собственно, занимался-то мистер Шардин?

“Внимание, – сказал себе Паркер, – вот главное, что мучает этого хмыря”.

– Да ничем особым не занимался, просто жил, как многие, в свое удовольствие, – глазом не моргнув, отрезал Паркер и, предвосхищая очередной вопрос, решительно встал. – Не смею больше отнимать у вас время...

– О, вы меня вовсе ни от чего не отвлекаете! – На Глиффа было жалко смотреть. Если бы мог, он, верно, схватил бы Паркера за руку и не отпустил до тех пор, пока все не выпытал... Но он все же овладел собой и, фальшиво улыбаясь, поднялся из своего глубокого кресла.

Старательно улыбаясь, собеседники обменялись прощальным рукопожатием, причем Глифф и тут был однообразен.

– Бесконечно рад познакомиться с приятелем мистера

Шардина; как жаль, что вы так мало поведали об этом, несомненно, замечательном человеке!.. Хотелось бы знать о нем больше: как и чем он жил, с кем дружил, что думал о жизни...

– Для него уж все кончено, – не в тон ему брякнул Паркер.

– Да, все кончено, – эхом ответил Глифф, удивительно быстро переходя с элегически приподнятого тона к тону оскорбительно-раздраженному...

Глава 3

На зеленом газоне, в аккурат под вывеской “Похоронное бюро” в позе терпеливого ожидания сидел Тифтус. Как только Паркер миновал темно-сиреневую тень здания и, шурясь, ступил под солнце, Тифтус подошел, смущенно улыбаясь.

– Ну, варит мой котелок?! – без всякого перехода горделиво спросил он, постучав костяшками пальцев по темени.

– Что такое?

– У тебя в номере почему-то валялась местная газета. Я и спросил себя: на фиг, в натуре, Паркеру задрипанные здешние новости? Ясно дело, – чтобы найти гробовщика по некрологу. Ну так варит?

Паркер смотрел на него тяжелым взглядом сверху вниз:

– Я влил тебе нынче дважды. Первый раз – под дых, второй раз был чистый нокаут. Но ты, видно, ждешь не дождешься третьего раза... И котелок у тебя варит только в этом направлении...

– Зря ты так, Паркер. Я ж тебе сказал, что сильно изменился... Ты мог бы, не пижоня, на меня положиться. Хочешь, будем работать на пару?.. Ну, а не хочешь – твое дело, я и к этому готов. В общем, решай! – Тифтус улыбался вполне нахально и независимо, но что-то новое, не свойственное ему появилось в улыбке...

– Всего хорошего, – сказал Паркер и зашагал прочь. Но

Тифтус был не из тех, кто принимает в расчет словесные увещевания. Он тут же засеменил следом, несмело посмеиваясь, все норовя подравняться и ступить с Паркером нога в ногу.

– Ты, воче, напугал Ронду до потери пульса, – с некоторым даже восхищением вспомнил он вдруг, точно Паркер сыграл с ней ужасно забавную, хоть и нелепую шутку.

Стало быть, Ронда... Имя, наверное, выбрала, полагая, что оно безумно идет к загару...

– Запомни, Паркер, – после непродолжительного молчания возобновил атаку Тифтус, – в этом деле и ты и я, – как лошади на ипподроме, идем по кругу на равных основаниях... Я лично отступить не собираюсь.

Паркер шагал, не обращая на него внимания. Тифтус, задыхаясь, уже почти бежал за Паркером, словно некрупная собака.

– Куда ты, в натуре, так чешешь-то, Паркер?.. Ты, что ли, знаешь, где дом Джо?..

Паркер непроницаемо молчал. Тифтус, обливаясь потом, еще и задавал на бегу вопросы:

– Ты, значит, у него и раньше бывал?.. Вы ведь были кореша, да, Паркер?..

Его спутник по-прежнему не считал нужным ему отвечать.

– Ох, я ведь все знаю, Паркер, все знаю! Ты к нему даже и в гости ездил. Мне говорили... Ну постой хоть минутку, дай отдышаться... Все-таки ты очень самоуверенный фраер...

Думаешь, надыбал об этом деле больше меня?.. Фу, не могу больше... Ты ж меня знаешь, Паркер, я мужик веселый, легкий, не жадный. Всегда шикавал, когда мог... Давай договоримся, а?..

Рассчитывая, что Тифтус в конце концов вольно или невольно проболтается, Паркер, не сбавляя шагу, бросил:

– О чем, собственно, договоримся?

– Да о дележке, – упоенно завопил Тифтус, точно это слово было для него магическим, и повторил: – Всего-навсего о дележке... Ведь я, в натуре, не прошу у тебя половину, – с потешным самодовольством, крайне гордый своей широтой и щедростью, проговорил он. – Ясное дело, Джо был тебе ближе, у тебя и прав на его бабки больше... Я понимаю... но я, Паркер, тоже здесь, и ты меня не можешь просто так, за здорово живешь, отстегнуть... У меня есть свой, хоть и небольшой, интерес. Мою долю все же надо по совести обговорить...

– Сколько?..

– Да уж как скажешь...

Идиотский Тифтус! Тараторил он без усталости, вел себя так, словно на руках у него – карты-козыри, но при этом исходил от него все тот же ноль информации. Треп, треп, и ничего существенного... Ясно лишь одно: он примчался в Сагамор, учуяв запах денег, и денег немалых, уповая на заначку старого Джо Ширы. Пребывание Паркера в городке Тифтус расценил соответственно... Но вот нет ли связи между ны-

нешней прытью Тифтуса и предсмертными, судя по всему, просто чудовищными неприятностями Джо Шира? А может быть, и самой смертью старика? Да и капитан Янгер в своей дурацкой ковбойской шляпе все торчит у отеля, караулит кого-то... Чересчур много вопросов, практически нет ответов и катастрофически мало времени...

Грустно, что сюда заявился именно Тифтус – хронический неудачник, очень плохой партнер, редкостный промах и ляп расточительной матушки-природы. Был бы вместо него другой, с которым можно хоть нормально работать, – Сале или, скажем, Генди Мак-Кей, – Паркер уж давно бы имел информацию и стал хозяином положения... С любым другим напарником – пожалуйста, но только не с Тифтусом!..

Никогда в жизни Паркер не станет с таким иметь дело! Эта вечная пошлость, дурной пошиб, вульгарные ходы и поступки! Надо же было додуматься привезти с собою на дело девицу! Натурально, у Паркера имелась женщина, но она осталась там, где ей и положено, – в Майами. Он же не “радостный” – как говорят в тюрьме о психах, – чтобы везти ее с собой-. Если кто-то, взять хоть их волчью породу, карабкается к добыче, но не в силах бросить на время изящную жизнь, – пиши пропало!..

Тифтус дышал ему в плечо:

– Скажи свое слово, Паркер!..

Да, иного выхода нет, от него так просто не отделаться: ли-

пуч, как пластырь. Паркер внезапно стал, повернулся к жалкому своему преследователю и захватил в кулак его апельсиновую рубашку.

– Ну, держись. Это будет в третий раз, как обещано...

– Не бей меня, – затравленно дернулся Тифтус.

Паркер ударил, но так, чтобы Тифтус, получая свое, честно им заработанное, не потерял сознания.

Тифтус от удара осел, да так и остался сидеть, потерянно глядя перед собой, – старообразный, нелепый в своей разноцветной одежде.

Паркер склонился к нему, остывая от гнева:

– Не рекомендую больше привязываться ко мне, следующий раз для тебя будет последним... Надеюсь, ты успел изучить меня за это время: если я сказал – сделаю...

Тифтус безмолвствовал. Он просто понуро сидел на газоне, не смел двинуться с места.

Паркер осмотрелся. Обычная захолустная улица, тихая, широкая, превосходно заасфальтированная, с жилыми коттеджами типовой постройки, с цветниками, множеством деревьев, малахитовыми газонами. Несколько автомобилей проехало мимо них, они притормаживали, видимо, в машинах с интересом наблюдали своеобразное общение двух незнакомцев. Впрочем, ни один из водителей не решился остановиться. Праздных горожан, гуляющих перед обедом, не было видно.

– Пока, Тифтус, – бросил, уходя, Паркер. Тифтус все

так же безучастно и неподвижно глядел перед собой. Местные автомобилисты, проезжающие по своим надобностям, некоторое время пялились на безвкусно одетого небольшого незнакомого человека, почему-то облюбовавшего их сагаморский ухоженный малахитовый газон. Наконец Тифтус неуверенно поднялся и тронулся своим путем в сторону, противоположную той, куда уходил от него Паркер.

Глава 4

За увитой плющом чугунной оградой возвышался двухэтажный коттедж с двумя флигелями, каждый из которых имел самостоятельный вход. Медная табличка у парадной двери отсвечивала на солнце. Лишь подойдя вплотную, Паркер смог прочесть: “Доктор А. Д. Рейборн”.

Паркер ступил на просторную террасу, у дверей которой была табличка с надписью: “Приемная”. Он понюхал воздух – того противного медицинского запаха, которым пахнут даже волосы медсестер, не говоря уж о их руках, халатах, сумках и чулках, – того мерзкого запаха слышно пока не было... От руки нарисованная на картоне стрелка показывала направо. Паркер двинулся в соответствии с обозначением по дощатым половицам, краска с которых была стерта подошвами многочисленных посетителей доктора. Стены и оконные переплеты застекленной террасы недавно покрасили сияющей голубой масляной краской, мебель отсюда вынесли, эхо шагов Паркера гулко отдавалось в пустом, словно бы нежилом, помещении. Терраса примыкала к внутренней комнате, над дверью которой красовалась табличка: “Позвонив, пожалуйста, входите!” Паркер поступил, как ему предлагали, но войти не смог – дверь оказалась заперта. Паркер уже с некоторым раздражением позвонил вновь – длительно и настойчиво.

Он уже собирался отправляться ко входу в коттедж, на поиски хоть какой-то живой души, но ручка повернулась, дверь отворилась, и разгневанная женщина в белом, видимо, медсестра, и абсолютно не в его вкусе, встала на пороге, загораживая вход:

– Мы принимаем лишь с двух часов! Паркер сурово объяснил:

– Мне по личному делу. Я не пациент.

– Очень жаль, но мы принимаем с двух.

– Тогда я сам его поищу! – Паркер спокойно повернулся и направился к выходу на пахнущую краской террасу.

– Да не примет он вас, – как заведенная крикнула зану-да-медсестра вдогонку. – Мы с двух работаем...

Паркер проследовал по все тем же сбитым ногами половицам к еще одной двери, выходящей в эту застекленную, наполненную сентябрьским солнцем террасу и вновь позвонил. Из глубины дома послышались тяжелые шаги, и грузный человек в заляпанных краской рабочих брюках и нечистой футболке вышел к нему.

– Слушаю. Что вам угодно?

– Я хотел бы видеть доктора Рейборна.

– А это я, как ни странно, – доверительно глянул на него грузный мужчина, почесывая на груди седые волосы, приоткрытые вырезом футболки. Иронически указывая на испачканные краской брюки, он сообщил: – Решил вот собственноручно сделать кой-какой ремонт...

Было ему где-то под пятьдесят. Иронически-доверительная, профессиональная манера общения казалась даже симпатичной.

– Коли вы пациент – я обычно веду прием от двух до пяти... Конечно, когда случай не из ряда вон выходящий, – сказал он весьма хладнокровно.

И Паркер мгновенно представил себе эти экстраординарные случаи: какого-нибудь малыша, проглотившего пуговицу и захлебывающегося от рева на руках у помертвелой от ужаса мамы, или обильную телом городскую матрону, решившую родить “птенчика” на радость себе и мужу, и чуть не падающую в обморок от внезапно открывшегося кровотечения... Паркер сумрачно проговорил:

– Я не лечиться пришел. Мне надо узнать о Джо Шардине...

– Джозеф Шардин!.. – доктор вскричал это таким тоном, словно большей радости Паркер просто не мог ему доставить. – Так вы его знали, голубчик?

– Мы старые приятели, – все так же сумрачно сказал “голубчик” и представился: – Чарльз Виллис.

– О, милости прошу, проходите!.. С громадным удовольствием поговорю с вами. – Рейборн радушно похлопал Паркера по предплечью и, закрывая дверь, выходящую на террасу, пригласил, мотнув головой в сторону расположенных в глубине дома апартаментов:

– Пожалуйста сюда, в гостиную...

Грузный доктор двигался впереди. Они оказались в просторной комнате с высокими потолками, заполненной антикварной мебелью; в окна лился роскошный солнечный свет; боковая стена была расписана по штукатурке изысканным растительным узором, глаз выхватил темно-зеленые стебли, лимонные пятна, белые лилии...

Рейборн возбужденно говорил:

– Джозеф Шардин был превосходнейшим человеком. Такое существо горько и больно терять, вы меня понимаете...
Прошу садиться.

Паркер не исключал, что Глифф уже позвонил Рейборну о своем посетителе. В тихих провинциальных городках, где все знают друг друга с лица, и из поколения в поколение дружат семьями, владелец похоронного бюро в любом случае позвонил бы доктору, лечившего умершего пациента, узнав, что кто-то интересуется последним... Стало быть, доктор весьма артистично играет в свою неосведомленность, и ему для чего-то нужно казаться таким радушным и общительным говоруном...

Усевшись в полотняный шезлонг, явно принесенный с террасы (доктор не хотел рабочей одеждой пачкать свою драгоценную мебель), Рейборн увлеченно продолжал:

– Так вы, по всей видимости, были другом Джозефа Шардина?

– Мы вместе работали, – уклончиво ответил Паркер, глядя на парусину шезлонга, провисшую под тяжестью доктора

почти до самого паркета. – И это было много лет назад...

Паркер не то чтобы уходил от расспросов о Джо Шире, он просто не знал толком, какую легенду тот выбрал для себя, обретаясь в Сагаморе, и от каких, соответственно ей, дел, ушел на покой; Паркер элементарно боялся попасть впросак.

– Давно ли, по вашим сведениям, Джозеф Шардин оставил работу? – любезно спросил доктор, все более в своем парусиновом кресле приближаясь к наборному паркету.

– Как вам сказать... Лет пять-шесть назад...

– Когда он здесь объявился, – доктор значительно кивнул, словно только что заключил с Паркером весьма важное соглашение, – ходили какие-то разговоры о его родственниках, кажется, живущих в тридцати пяти милях отсюда, в Омахе... Послушайте, а может, я все напутал? Или у другого моего пациента родственники в Омахе? Ах, память, память... С другой стороны: передо мной проходит такая уйма разного народу... Так что же родственники? На похоронах никого не было...

Ситуация становилась критической, и Паркер лихорадочно соображал, как ему поступить. Джо, поселившись в Сагаморе, периодически навещал Омаху, и вот там-то, в своей квартире, в недрах многолюдного города, словно зверь в родном убежище глухого и темного леса, жил в свое удовольствие. Иногда встречался с друзьями, изредка консультировал разработчиков какого-нибудь крупного дела... А вот здесь, в Сагаморе, это был ничем не примечательный по-

жилой господин, страстный рыболов, любящий, к тому же, сыграть с каким-нибудь соседом в шахматы, поговорить на вечерней заре на крылечке, покуривая трубочку... И ежели свои отъезды в Омаху он объяснял, рассказывая тут сказки о родственниках, – после его смерти эти сказки развеялись как дым, потому что ни одна живая душа не приехала из Омахи на похороны старика и никто не предъявлял прав на его наследство...

Лучше всего, безусловно, притвориться незнающим.

– Я, честно говоря, не имел особых сведений о его родственниках... – неопределенно прищурился на дымчатую люстру Паркер.

– Он не был одинок, – высокопарно проговорил доктор, – хоть и любил одиночество... Мне, во всяком случае, не верилось, что он заброшен, как многие старики, сохнет от тоски, стоит в могиле одной ногой... Все это вздор, он был подтянут и бодр, он жадно любил жизнь... или я не прав?..

– Долго вы наблюдали его как пациента?

– Три последних года, – мгновенно ответил Рейборн и поощрительно кивнул сам себе.

– А давно ли?.. – начал Паркер, но вопрос задать не удалось – в соседней комнате прозвучала резкая трель телефонного звонка. Предостерегающе подняв руку, доктор чутко вслушивался в плохо различимый тихий женский голос, отвечающий на звонок.

Паркер слушал вместе с доктором, храня полное молча-

ние; он вглядывался в Рейборна – тот напоминал охотничью собаку – весь напряженившийся, устремленный вдаль, только что не дрожали крупные ноздри носа...

Послышались шаги в коридоре, и давешняя медсестра-зануда вошла в комнату. Она значительно взглянула на доктора, предварительно смерив негодующим взглядом Паркера, который все же пробрался в комнаты, и кротко сказала:

– Доктор, вас!..

– Благодарю, я поговорю из этой комнаты... – Медсестра-зануда удалилась, а Рейборн с усилием выбрался из шезлонга.

– Прошу извинить, я быстро...

– Ну разумеется...

Доктор прошел к высокому и узкому окну, перегородив своей грузной фигурой поток меловых солнечных лучей, и устроился из весьма неудобным для сидения, на взгляд Паркера, резном антикварном стуле, стоящем у пестрого инкрустированного столика. Телефон на нем не был виден Паркеру то ли из-за лакированного разноцветного дерева, то ли из-за сложного сплетения растительных узоров на занавесях, на фоне которых он стоял.

Взяв трубку, доктор приглушенно сказал:

– Рейборн у телефона.

На фоне ослепительного светового потока он был впол оборота повернут к Паркеру, и тому, не видящему выражения лица доктора, оставалось только гадать о сути телефон-

ного разговора по интонации да обмолвкам.

Доктор, между тем, ворковал в трубку:

– ...То, о чем мы говорили? Да, он звонил мне! – Рейборн чуть повернулся к Паркеру и покивал головой, давая понять, что вот-вот завершит разговор; затем продолжил: – Да, это именно он. Разумеется, нет. – Доктор некоторое время выслушивал какой-то треск в трубке, потом безрадостно сказал: – Постараюсь, но обещать не могу. – Ему вновь что-то протрещали, на что он с неудовольствием повысил голос: – Знаешь что, сам занимайся!.. Привет... – На этом доктор аккуратно опустил трубку.

Из всего услышанного нельзя было заключить доподлинно, что разговор велся о нем, Паркере, но если предположить, что это так, то восстановить таинственный диалог труда не составляло. В случае, если Глифф, Рейборн и Янгер связаны между собой, Глифф не только позвонит доктору, но поставит в известность и капитана полиции... Чтобы найти капитана Янгера, вероятно, понадобилось время: не исключено, что он, разинув рот, долго торчал перед отелем, наконец какой-нибудь нарочный из полицейских доложил ему о звонке Глиффа, Янгер обследовал номер Паркера, понял, что он пуст, и вот теперь позвонил Рейборну.

Итак, Паркер мысленно прокрутил весь разговор сначала. Когда Рейборн отвечал: “Да, он звонил мне”, – он имел в виду Глиффа. Когда повернулся, покивал Паркеру, зорко оглядев его залитое светом из окна лицо и подтвердил: “Да,

это именно он”, – сие означало, что доктору сказали приметы именно его, Паркера, и Паркер собственной персоной эти приметы продемонстрировал. Когда он уверил кого-то: “Разумеется, нет”, – надо было понимать, что он ничего не сказал своему незваному гостю. Когда же безрадостно промолвил: “Постараюсь, но обещать не могу”, – стало быть, подтверждал, что постарается задержать Паркера до появления Янгера. Такой расклад реален, если верно, что речь шла о Паркере, а Янгер, Глифф и Рейборн орудуют вместе.

Между тем, Рейборн вернулся в свой отвисший до пола шезлонг.

– Пациент звонил, – искательно улыбаясь Паркеру и пожимая плечами, заметил он. – У врачей это вечная история... Так на чем нас прервали, простите?

– Года три, если не больше, я не имел известий от Джо, – солгал Паркер. – Когда у него стало болеть сердце?

– Последние года два началась аритмия, – в свою очередь солгал доктор. – Но поначалу его беспокоило только высокое давление...

Сердце у Джо Шира забарахлило лишь месяца за три до смерти, и Паркер на все сто процентов уверен в этом... Он прекрасно был осведомлен, что в Омахе Джо Шир посещал своего лечащего врача, но по другим поводам. Стало быть, шквальная, кинжальная боль сердечного приступа настигла старика внезапно, без всяких предупредительных звонков, если он доверился здешнему эскулапу, а не своему высоко-

оплачиваемому медицинскому светилу в Омахе... Итак, это объяснение, и объяснение единственно верное, так же как очевидно, что доктор городит явную ерунду, в то время, как полицейский капитан Янгер находится на пути сюда.

Что ж, Паркер и сам не прочь поговорить с капитаном, выяснить и явные, и потенциальные его возможности, но время тому пока не пришло. Ему, Паркеру, предстояло еще поработать материал для этой встречи.

Он легко поднялся.

– Не смею больше занимать ваше время... Я и так его отнял у вас предостаточно...

– Что вы, ради Бога... – Доктор с трудом выбрался из своего обвислого шезлонга и, стремясь замаскировать некоторую свою нервозность, стал говорить, что придет в голову: – У нас еще есть время... Я принимаю с двух...

– Мне нужно в отель, – твердо сказал Паркер.

Рейборн растерянно следовал за ним, продолжая уговаривать:

– Я и кофе не успел вам предложить, старый я болтун... А может, хотите чего покрепче? Господи, ну десять-то минут роли не играют... Я бы с такой отрадой поговорил с вами об этом достойнейшем человеке, так рано покинувшем нас... Чудный, редкий господин... Куда вы так бежите, вы ведь только зашли... Давайте по рюмочке, а?..

Паркер открыл дверь и, стоя на пороге, окинул доктора серьезным, внимательным взглядом. Тот заморгал совсем ис-

пуганно, куда девалась его профессиональная ироническая невозмутимость.

– Не исключаю, что я загляну, когда будет время, – пообещал Паркер и, выйдя на крыльцо, закрыл за собой дверь.

Он почти прошел квартал, когда, оглянувшись, увидел, что возле увитой плющом ограды остановился черный, похожий на лакированного гигантского жука “форд”.

Не убыстряя шаг, Паркер свернул за угол, предоставив событиям в коттедже доктора развиваться своим чередом.

Глава 5

Ближе к окраине городка, между двумя роскошными коттеджами, затесался игрушечный белый панельный дом, за ним виднелись огороженные участки земли, на которых шло полным ходом строительство. Со стороны пустырей к дому вела еще одна дорожка. На заднем дворе шелестела подсыхающей листвой единственная кривая яблонька.

Паркер подходил к дому не далее, как нынче ночью, и через парадный вход, со стороны роскошных коттеджей. Теперь же он шел днем, со стороны заднего двора. Он ступал по коричнево-бурой почве пустырей, поросших бурьяном, сунув руки в карманы пальто, поеживаясь от неожиданно холодного при ярком солнце осеннего ветра.

Он шел и видел искривленную яблоню во дворе, поблескивающие окна дома, голубовато-серый асфальт подъездной дороги, ярко-зеленый газон на обочине. Зеркально отсвечивающие стекла не позволяли рассмотреть комнаты, но, что самое отрадное, на обочине не было припаркованных автомобилей...

Да, старина Джо так вжился за эти годы в роль увлеченного садоводством и земледелием господина, что и в самом деле, живя на покое в свое удовольствие, – стал делать успехи... От лиловато-серой, сплошь состоящей из сучьев яблоньки в палевой крапчатой листве, к узкому заднему крыльцу в три

ступени, вела дорожка из буро-красной черепицы, впаянной в землю. На верхней площадке крыльца приютилась коробка с пустыми, хорошо вымытыми молочными бутылками, стояла метла, лежала мотыга, ветер трепал два картонных ящика из-под пива. В стойку крыльца был вбит крюк, на нем висело складное устройство, не доступное для понимания Паркера. Он знал только, что оно для натягивания бельевых веревок при сушке белья. Но бельевого шнура в этом приспособлении не было.

Наружная дверь была не заперта, но внутренняя оказалась закрыта. Повернув ручку, Паркер налег на дверное полотно. Оно держалось хорошо. Крепкие двери заказал Джо Шир для своего домика – стариковской своей игрушки... Паркер на мгновение задумался: инструмента при нем не было, он как-то не рассчитывал, что сразу придется идти на взлом. Медлить, однако же, было нельзя ни в коем случае.

Широко распахнув наружную дверь, он с разбегу подпрыгнул и нанес страшный удар правой ногой в полотно внутренней двери немного выше замка. От удара жалобно задребезжало стекло в окошке над дверью.

После второго чудовищного пинка взламываемая дверь подалась и, хряснув, из всех сил ударила в прилегающую стену. Паркер затворил за собой наружную дверь, внутреннюю теперь удалось только притворить, замок был безнадежно испорчен. Паркер вошел в жилье Джо Ширы.

Он оказался в небольшой, странно уютной квадратной

кухне, с полом из линолеума цвета морской волны и пестрыми ситцевыми (“канареечными” – подумал Паркер) занавесками на окнах. Занавески были отделаны оборочками или рюшечками – и то и другое было труднодоступно для понимания Паркера. В углу стоял не слишком большой старомодный холодильник, недавно покрашенный белой эмалью, Паркер, и не присматриваясь, увидел неровные полосы от малярной кисти. На старинном трехъярусном буфете и на ореховой столешнице деревянного кухонного стола ничего лишнего не было, но в раковину сгрузили одну тонкую фарфоровую тарелку, серебряные нож и вилку, почти просвечивающего фарфора кофейную чашку и два простецких стеклянных стакана. Открыв холодильник, Паркер был немало удивлен, что тот работает, – стало быть, никто не отключал электричество... Холодильник до отказа заполняли всевозможные замороженные полуфабрикаты, снизу стоял серебряный подносик с гамбургерами и хот-догами, сливки, шоколадного цвета бутылки с пивом, в золотой фольге на полочке лежал нераспечатанный брикет масла. Он заглянул в морозильник – там в крупных кристаллах инея кроваво краснела клубника...

Паркер задумчиво закрыл холодильник и медленно осмотрелся кругом. Что собирался он сыскать в этой уютной кухоньке закоренелого холостяка, жившего всласть в глухомани, по-детски {или по-стариковски) радовавшегося вкусной еде и своей отгороженности от целого мира? Паркер хо-

тел бы сыскать ответы на вопросы, неожиданно вставшие перед ним здесь, в такой мирной, на первый взгляд, и все-таки подспудно зловещей, словно сгущающейся вокруг него, тиши Сагамора.

Во-первых, что произошло? Во-вторых, как умер Джо Шир? Убит ли он? Если убит, кто убийца? И, в-третьих, – что за роль в этой истории у капитана Янгера?

Как бы там ни было, Паркер интуитивно начал свое исследование с кухни.

Здесь, кроме разнообразных кулинарных снастей и принадлежностей, да следов хоть и рачительного, но все же мужского хозяйствования, не было ничего примечательного.

Завершив обследование, Паркер уже собирался было перейти в комнаты, как вдруг вспомнил одну существенную вещь.

Вынув из ящика стола кухонный нож, он снял с полки жестяную, желтую, в белый горошек банку с мукой, поднял откидную крышку, и два-три раза погрузил нож, так, что тот поскреб о самое дно. Кроме муки, в банке ничего не было.

Все это было весьма странно. В банке всегда лежал неприкосновенный запас Джо Ширы – тщательно запаянный утюгом целлофановый пакетик с двадцатью банкнотами по пятьдесят долларов. Легендарный специалист по сейфам, старый медвежатник, Джо Шир, подобно тривиальной домохозяйке, прятал деньги таким образом на случай непредвиденный, экстраординарный – например, если придется срочно бежать

из Сагамора, а деньги со счета в банке по каким-то причинам снять нельзя. Два года назад, в последний наезд к нему Паркера, Джо рассказал о записке и показал, где она спрятана.

Денег в кухонном тайнике не было, и Паркер никак не мог объяснить себе их исчезновение. Ничто не говорило о том, что на кухоньке орудовал грабитель, – если бы таковой был, он бы непременно прихватил лежащие на видном месте серебряные столовые приборы...

Следовательно, деньги взял некто, знающий об этом наивном, но по обывательским понятиям, надежном хранилище. И, кроме самого Джо Шира, сделать это было некому. Но, с другой стороны, если Джо взял деньги – он должен был тут же через десяток минут выехать из Сагамора, поскольку банкноты из банки с мукой раз и навсегда предназначались для бегства из Сагамора, и более ни для чего...

Паркер задумчиво поставил эту цыплячью банку на полку, смыл с лезвия ножа муку, и сунул нож обратно в ящик стола. После этого он вышел в недлинный коридор, куда выходили двери всех комнат этого игрушечного дома – двух спален и гостиной; там, дальше, в конце коридора, ступени лестницы, снабженной перилами, спускались в подвал, а другая скрипучая лестница, завивающаяся винтом, вела к люку в чердаке, на котором Джо все мечтал со временем обустроить мансарду...

Первой на пути была гостиная. Он ступил в комнату, казавшуюся небольшой из-за старомодной превосходной ме-

бели темного дерева. Джо Шир питал страсть к этим горкам, буфетам, комодам, шифоньерам, кушеткам с округлыми формами, к которым очень подходили оранжевые абажуры не менее волнующих форм и пикейные или плюшевые покрывала. Паркер внимательно осмотрелся. Все до единой вещи из упрямой консервативности старого человека были до конца дней обречены находиться в раз и навсегда отведенных местах... Что все они успешно и осуществляли, невзирая на ушедшего в небытие хозяина. Новый телевизор помещался в овальной старинной вальяжной горке, и не раздражал глаз своей чужеродностью этому миру.

Взгляд Паркера наткнулся на термостат, прикрепленный у двери. Паркер недоуменно поднял брови. В доме стояла теплынь, по меркам Паркера даже несколько чрезмерная. Войдя в дом, он сначала как-то не почувствовал феноменальности этого факта, поскольку для человека нет ничего более естественного, нежели теплое жилье... Но здесь... В этом доме никто не жил, он опустел три дня назад...

Паркер специально подошел посмотреть на шкалу термостата. Регулятор стоял на делении в тридцать три градуса по Цельсию, ртуть в комнатном термостате поднялась до такой же риски... Стало быть, и электричество не отключено, и обогреватель работает...

Ну а телефон?

Возле плюшевой кушетки на невысоком овальном столике стоял телефон. Паркер снял трубку и через долю секунды

услышал гудок. Аппарат работал...

Опустив трубку, Паркер недоуменно осмотрелся вокруг. Кто-то зачем-то поддерживал здесь все режимы, необходимые для жизни. Паркеру стало слегка не по себе.

Эту тайну разгадать он пока не умел. Подстегиваемый собственным неприятным холодком между лопаток, он стал скурпулезно осматривать гостиную, надеясь найти хоть малую улику, которая заставит работать разум и даст выход на версию... Но – тщетно. Все, что было подозрительного в гостиной, – работающий термостат, включенный телефон – и только. Паркер обыскал всю комнату, перетряс все накидки, покрывало, скатерть, салфетки – бесполезно. Ни под стульями, ни под валиками кушетки, ни под хорошего письма акварелями, развешанными по стенам, – ему не удалось обнаружить ровным счетом ничего. Паркер томик за томиком по-снимал в полки над кушеткой все книги, перелистал их – ни многозначительных отчеркиваний, ни закладок в них не было.

Естественно, он занимался лишь внешним осмотром. Не исключено, что в круглые валики кушетки были встроены выдвижные пеналы с алмазами, за панелью телевизора прикреплено три килограмма героина, нельзя было сбрасывать со счетов, что на оранжевом шелке абажура могли написать симпатическими чернилами завещание, но Паркер, хмыкнув, отмел все эти бульварные детективные бредни. Махнув рукой на подозрительную, но совершенно невинную гости-

ную, он перешел к ванной.

Шкафчик аптечки в кафельной, цвета слоновой кости ванной красноречиво поведал ему о многом. Джо Шира и впрямь посещали в последние годы некоторые недуги, но они не имели никакого отношения к сердечной недостаточности. Тюбики мазей, пузырьки настоек, таблетки, капсулы, порошки свидетельствовали о бессоннице, запорах, геморрое, о распространенных болезнях типа простуды... Паркер исследовал сигнатуру на склянках и скляночках: все без исключения лекарства приготавливались в Омахе, в аптеке “Файвкорнер”, по прописям доктора Квилли. Все содержимое аптечки в ванной, как на судебном процессе, показывало, что доктор Рейборн никогда не выписывал ни одного лекарства Джозефу Шардину.

Но, прежде чем покинуть ванную, Паркер поднял крышку сливного бачка. Иные господа прятали свои ценности непосредственно в бачке, естественно, запечатав их в целлофановую пленку, или же прикрепляли пакет к исподу крышки скотчем... Паркер не отыскал ничего.

На очереди была спальня для гостей. Она выглядела попроще парадной гостиной и напоминала недорогой номер в отеле средней руки: платяной шкаф с зеркалом, кровать, покрытая коричневым, в белую клетку пледом, персиковый ковер на лакированном желтом полу, туалетный столик... Явно случайным казался здесь кухонный стул – его, вероятно, хозяин намеревался водворить на место, да не успел. К Джо

Ширу иногда приезжали приятели, он оставлял их ночевать, как, например, Паркера. Хотя Джо охотнее принимал гостей из своей глубоко сокровенной, тайной жизни в холостяцкой квартире в Омахе, он, тем не менее, любил щегольнуть тишиной и покоем своего захолустья и приглашал друзей в Сагамор, как выражался, “подышать чистым воздухом”...

В гостевой спальне кровать была тщательно заправлена, а платяной шкаф, кроме пакетика с нафталином, пяти пустых треугольных плечиков для одежды и платяной щетки не имел в данный период времени иного содержимого. Пусто было и в туалетном столике.

Уютная, отлично прибранная комната с кремовыми шелковыми шторами, и вновь – ноль информации, за исключением свидетельства того, что Джо не принимал в последнее время приезжих гостей.

Спальня Джо Ширы могла потрясти непосвященного. Она являла поистине разительный контраст с остальными чинными и заботливо убранными помещениями.

Разгневанные хозяйки, заставая такую картину, характеризуют ее выражениями типа “кавардак”, “кабак”, даже почему-то “бардак”, но в данном случае у них вышло бы и бесцветно и бледно...

Можно было, кстати, предположить, что стая грабителей перетряхнула спальню три-четыре раза, и все, не имея времени, – на скорую руку, но Паркер твердо знал, что этот разгром – в порядке вещей, сие – нормальное состояние спаль-

ни Джо Шира.

Да, во всем доме царили почти корабельные чистота и порядок, но в спальне все вечно стояло вверх дном... И это лишь потому, что Джо Шир, будучи молодым и неосторожным, единственный раз в жизни загремел за решетку и целых четыре года провел в непререкаемо-железном порядке тюремной камеры...

Паркер мучительно-долго, старательно и, в конце концов, в итоге бессмысленно обыскивал спальню Джо Шира. Утомясь, он вышел в коридор, подводя итоги скупуплезного осмотра дома. Все, что изъято здесь, – целлофановый пакет с тысячью долларов из банки с мукой. Работающее отопление, включенный телефон – свидетельства того, что дом после смерти хозяина служил кому-то пристанищем. Но кому именно, Паркер не мог разгадать.

Следовало проверить под конец подвал и чердак. Паркер еще постоял в коридоре, раздумывая и посматривая на люк чердака. Отчего-то он сказал себе, что оставит чердак на потом. Приняв решение, он повернулся и едва отворил тяжелую, массивную дверь в неосвещенный подвал... вдруг человек в мешке, надетом на голову, внезапно бросился на него из тьмы... Паркер успел зафиксировать какой-то страшный, тяжкий замах руки, успел услышать тихий свист рассекаемого воздуха – и на голову его обрушился чудовищной силы удар. Пальцы левой руки Паркера еще успели скользнуть по выпуклым волокнам лохматящейся остистой мешкови-

ны... Глаза еще успели увидеть веер лестничных ступенек, со страшной скоростью летящих навстречу, но тут мозг взорвался ослепительной вспышкой, словно перегорела электрическая лампочка... Паркер потерял сознание.

Глава 6

Это был не человеческий голос, а длиннотелая противная гусеница, блуждающая по левой половине его лица. Ее наждачное тело царапало ушную раковину, двигалось по надбровной дуге от виска в глазницу, и там вспыхивало огненными кругами. Но гусеница вновь оживала и вновь начинала свое путешествие по его бедному, истерзанному ее пальчатым брюхом лицу. Голос – нет, все-таки гусеница! – он или она были неразрывно связаны с болью, и Паркер мотал головой, чтобы избавиться от этой нестерпимой, неотвязной от него пилы...

Он шевельнулся, и сознание его стало возвращаться от огненных кругов и бугристых присосок мерзкой твари – к действительности. Он разделил этот голос, словно гусеница, блуждающий в ушной раковине, – и боль, что свела всю левую часть лица... Он стал медленно осознавать, что они – не едины, а просто два разных ощущения... Он сделал усилие – и стал вникать в человеческую речь, звучащую где-то, как ему показалось, очень высоко над его головой.

– ...Не дури, Виллис, пора оклематься... Мне тут некогда болтаться, вставай! Давай, давай, поднимайся! Нечего тут валяться, нашел тоже место...

Паркер почувствовал, что кто-то схватил его за левое плечо, застонал от боли, повернулся на правый бок и вдруг, об-

ретья ясность сознания, открыл глаза. Он увидел над собой физиономию капитана Янгера и, с трудом собрав имеющиеся в наличии силы, уселся на твердом полу.

Подвал, в который он упал, был теперь ярко освещен цепью лампочек, идущих по центральной балке пологого перекрытия, бетонный пол Джо выкрасил в идиотский серо-голубой цвет.

Капитан Янгер теперь присел на вторую ступеньку ведущей в дом лестницы. Он был все в той же ковбойской шляпе, но вид имел озадаченный.

Он спросил так, словно сто лет знаком с Паркером:

– Ну, ты как, теперь в норме?

Паркер ответил каким-то заржавелым голосом:

– Кто-то меня оглушил...

– А не сам ли ты, голубь, навернулся в потемках? Паркер не удостоил его ответом. Сознание было зыбким, дробящимся, концы с концами трудно сводились. Вероятно, разумней всего давать минимум информации, неровен час, ляпнешь не то, потом расхлебывай кашу...

Капитан Янгер навел на него указательный палец:

– Порядочно ты подпортил себе витрину...

Паркер смолчал; закрыв глаза, он пережилал головокружение.

Но капитан Янгер не унимался:

– Не вырубайся, слышишь? Надо перекинуться парой слов... На кой шут ты там взялся копать?

Паркер разлепил веки и впервые осмысленно уставился на Янгера:

– Что-что?

Янгер ткнул пальцем в угол.

– Вон там зачем ты рыл, как боров? Что, интересно, ты думал найти?..

Паркер осторожно повернул голову в указанном направлении. Когда-то у Джо в подвале был закут из широких плах, там он держал угольные брикеты. Но к дому подвели стационарный газ, переоборудовали печь, поставив газовую горелку, и отпала надобность в твердом топливе. Пол на месте угольного закута так и не залили бетоном, и сейчас в этом месте была вырыта яма, а рядом – внушительный холмик извлеченной земли.

– Так зачем? – повторил капитан.

– Я этим не занимался.

– Так я тебе и поверил... Ты что, Виллис, всерьез думаешь, что я осел?..

Паркер искоса взглянул на Янгера. Выходит, капитан и впрямь убежден, что Паркера обуял археологический зуд... Стало быть, ни Янгер, ни его гипотетический подручный к тому, чтобы оглушить Паркера, рук не прикладывали... “Японская мануфактура!” – мысленно произнес Паркер свое любимое ругательство. Значит, еще кто-то орудовал поблизости, и этого неизвестного Янгер пока что не вычислил...

Тифтус? Да навряд ли этот остолоп мог опередить Парке-

ра и затаиться под домом Джо Шира.

Сдобная слоеная физиономия Янгера приблизилась почти вплотную к лицу Паркера. Хриплым, свистящим шепотом полицейский торжественно произнес:

– Виллис, я прекрасно понял, что ты надумал тут откопать. Я это усек сразу, как только увидел тебя в Сагаморе. Тебе стукнули, что старый хрен откинул копыта, и ты быстро подсуетился, раскатал губы на его денежки...

Паркер покрутил головой, не понимая, что говорит ему Янгер.

– До меня как-то не доходит, что ты имеешь в виду. Посторонись, пожалуйста, дай мне подняться...

– Да пожалуйста!..

Янгер выпрямился и чуть отошел в сторону, чтобы не мешать Паркеру. Тот дотянулся до перил и, ухватившись, поднялся, пробормотав:

– Давай-ка наверх!..

– Так зачем ты все-таки рыл яму, а. Виллис?

– Тренировал мускулы... – Паркер, опираясь на перила, аккуратно одолевал ступеньку за ступенькой. Янгер тащился вослед, по-бабьи причитая:

– Запомни, ты мне выложишь все, Виллис!.. – Видно, тайное раздражение на весь белый свет мешалось в нем с преувеличенным чувством собственного достоинства; он был похож на индюка, у которого из хвоста озорник только что выдернул перо...

Паркер, поднявшись, направился прямо в джошировскую ванную цвета слоновой кости.

Физиономия, увиденная им в овальном зеркале над раковиной, могла бы вдохновить гримера из фильма ужасов. Вся левая половина его замечательного нового лица (которым он в глубине души тайно гордился), от крутой скулы до корней светлых волос состояла из мелких кровоподтеков, левое веко напухло и побагровело, и, если срочно не сделать примочки, фингал будет просто шикарный...

Янгер, стоящий в дверях ванной, не преминул усугубить и без того нерадостную картину в зеркале.

– Классно ты шваркнулся, милый друг, ничего не скажешь...

– Лучше позвони своему марионетке-доктору, без него не обойтись, – пробурчал Паркер.

О докторе Паркер проговорился исключительно в приступе раздражения и в сумеречном состоянии души... Делать этого не следовало, но сознание было рваным и зыбким, Паркер никак не мог прийти в норму после удара лопатой. Он повернулся к Янгеру всей левой, малиново расцветающей стороной лица.

– Но ты ведь и так все прекрасно знаешь! Во-первых, что я вырыл такую ямину без лопаты... Во-вторых, я сам, из наклонностей к мазохизму, разбил себе физиономию... В-третьих, ты совершенно определенно знаешь, что именно я в подвале искал. Так чего тебе надо еще?

– Постой-постой, что ты мне лепишь тут о лопате? – обескураженно вытаращился капитан.

Паркер позволил себе усмехнуться:

– А где, интересно, ты видел в подвале лопату? Это ведь ею меня так отделали, ничем иным...

В то же мгновение в руке капитана Янгера возник пистолет.

– Лопату нашел ты, – неуступчиво бросил полицейский и, подумав секунду, торжественно объявил: – А вообще, ты был с напарником, он потом и забрал лопату...

– Господи, какая ерунда! Подумай, что ты говоришь... Янгер вкрадчиво начал, прищутив глаза:

– Виллис, куда он делся? Давай играть в открытую... Поделись со мной информацией: его приметы, кличка, явочная квартира, куда он в конце концов приткнется... Это с твоей стороны. А с моей – сразу будет объявлен розыск, мы сыщем его, мы это умеем делать... Один ты не справишься, а вдвоем со мной – запросто... Ну, и доля твоя от тебя не уйдет.

Паркеру было смешно, однако он сдержался.

– Некоторых, кхм, чудаков, видно, хлебом не корми, дай им наставить пушку на человека... Сначала мне нужен доктор, а поговорим потом.

Янгер, после минутного раздумья, глубокомысленно изрек:

– Вот-вот... Поскольку для тебя не важно время, которое мы упускаем, я делаю вывод, что тебе точно известно, где

теперь твой напарник.

Паркер скучающе разглядывал в зеркале собственное ухо. В конце концов Янгер начитался бульварных детективных романов, и ему можно только посочувствовать. Надо подождать, когда к нему вернется трезвый и будничныи взгляд на вещи.

Капитан полиции, некоторое время побарабанив пальцами по дверному косяку, убрал пистолет.

– Ладно, Виллис, годится. Пошли в гостиную, я звякну доктору, пускай поставит тебе свинцовые примочки... Потом обсудим наши дела. В участок я тебя, так и быть, не повезу. Побудем тут, но учти: от разговора со мной ты не отвертишься, пусть только доктор обработает твои фингалы!..

В гостиную Паркер вошел первым. Он тут же занял старомодное глубокое кожаное кресло у самого окна, расположившись так, чтобы мощный световой поток, облегающий голову и плечи, не давал Янгеру рассмотреть выражение его, притемненного на ярком оконном фоне, лица. Капитан Янгер, лаконично переговорив по телефону с доктором, похозяйски устроился на кушетке, зачем-то положил на колени пистолет. Паркер бросил на него бесстрастный взгляд. Обвисшие на коленях брюки, весь его давно не глаженный костюм, дурно сидевший на нем, залихватская ковбойская шляпа, съехавшая назад, – придавали ему вид нерасторопного и мешковатого деревенского увальня, попавшего в большой город и не знающего толком, как себя вести...

Они помолчали. Янгер сказал вдруг:

– Спорим, угадаю твои мысли! Вот, ты думаешь, сидит передо мной неразвитый захолустный полицейский... Думай, милый друг, Виллис, что угодно. Мне, в сущности, плевать... Ты, Виллис, можешь поразмышлять о чем угодно до того, как явится доктор Рейборн. Вот он помажет все твои фингалы, и тогда ты поступишь в мое полное распоряжение. И я с большим интересом послушаю твои сказки и лично о тебе, и то, что ты сочинишь мне о Джо Шире.

Лишь мгновение спустя до Паркера дошло то сверхъестественное, что было в речи капитана. Янгер, абсолютно легко и спокойно, словно бы обмолвившись, обронил подлинное имя умершего, а вовсе не то, что выбито на скромной муниципальной надгробной плите... Паркер все так же бесстрастно взглянул на капитана и узрел его торжествующую, самодовольную ухмылку, претендующую на то, чтобы называться загадочной...

Глава 7

Стоило Паркеру захотеть, он, несомненно, утолил бы жадный интерес капитана Янгера и к своей скромной персоне, и к незаурядной личности Джо Шира. В том волчьем логове, где обретался и Джо Шир, и он сам, все подчинялись на редкость примитивным законам. Паркер, собственно, и прибыл-то в тишайшее захолустье, истязаемый одной мыслью: следует ли немедленно покончить с явно задурившим, утратившим нюх, позорно ослабевшим старым волком, или переложить решение на плечи судьбы и отойти в сторону. О себе самом Паркеру пришлось бы говорить совсем кратко: он был грабителем.

Пару-тройку раз в год он брал какой-нибудь банк, ювелирный магазин, крупную состоятельную фирму, богатую компанию... Мелкую работу с отдельным обывателем он презирал. И вовсе не тайное сострадание к частным лицам двигало им, но пронизательная догадка: у мощного финансового объединения капитала неизмеримо больше, нежели у индивидуального лица; нравились ему и те организации, что все еще выдавали своим служащим зарплату натуральными, живыми деньгами, а не занимались всякой ерундой с безличным расчетом.

Паркер, как правило, не работал один. На всякое дело тщательно подбирались высококвалифицированные специ-

алисты, в группе придерживались обязательного разграничения деятельности каждого участника. К примеру, Паркер всегда блистал в наиболее близких ему отраслях: разработке хитроумной идеи ограбления и обеспечении силовой поддержки. Напарники его взваливали на свои плечи всю остальную, порой черновую, работу. Она была весьма разнообразна: сообщники Паркера умели не только, обойдя здание снаружи, начертить довольно точный план расположения комнат в нем, они ухитрялись, словно летучие мыши, карабкаться по стенам домов, вскрывать внутренние перекрытия, обнажая доступ к сейфам, взрезать автогенном этих хваленых бронированных чудовищ, этих идолов, которым поклонялись вечно прилизанные служащие всемирно известных банков, где шифры сейфов знали лишь два-три облеченных высоким доверием, безупречных господина.

Паркер не только детально продумывал остроумные способы изъятия лишних, на его взгляд, денег, но олицетворял собой весь карающий государственный институт: ему иногда приходилось убирать коррумпированного подельщика, или того, кто вдруг начинал строить полиции глазки...

Больше всего времени отнимала подготовительная работа – сама операция по взлому совершалась порой за считанные минуты. Таким образом, Паркер если и бывал плотно занят – то, в общей сложности, – не более месяца в году. Одиннадцать оставшихся месяцев были в полном его распоряжении, и Паркер вполне безбедно существовал на шикарных оке-

анских курортах, не особо, впрочем, разрушая свое здоровье, но стараясь всячески тренировать и развивать неукротимый, деятельный, спартанский ум. Последние годы он легально обретался под именем Чарльза Виллиса, который был бизнесменом, владельцем то ли платных стоянок автомобилей, то ли чего-то в этом роде... Все то, чем он владел, никогда не давало ему дохода, но вполне оправдывало его налоговые декларации, так что к Чарльзу Виллису, существу отнюдь не экстравагантному, да еще с безупречными документами, подкопаться было не так-то просто.

Как Чарльз Виллис он и в этот раз вполне счастливо проживал в Майами-Бич, после того, как славно потрудился в Северной Дакоте, взяв банк в Коппер-Каньоне... Он даже позволил себе, в качестве поощрения, завести роман с новой женщиной, как вдруг, словно больной голубь, порхнуло к нему в отель письмоцо Джо Ширы.

“Паркер,

у меня тут сложности, но думаю уладить их сам. На всякий случай, пока все не образуется, держись от меня подальше. Я практически не бываю в Омахе, все время живу в Сагаморе, в своем доме, известном тебе... Хочу предупредить тебя: если люди, которым ты нужен, будут связываться с тобой через меня, – пусть минуют меня и выходят на тебя напрямую... Я как передаточное звено временно пока не действую. Писем писать тоже не буду, черкну, если все обойдется.

Твой Джо”.

Джо Шир считался в их кругах личностью почти легендарной. Он в первый раз взял сейф еще до начала первой мировой войны. Всю сознательную жизнь он посвятил своей оригинальной профессии и достиг в ней таких высот, которые и не снились рядовому взломщику сейфов. В мире, кажется, не существовало бронированного чудовища, перед которым Джо спасовал бы. Что любопытно, осознавая себя мастером высокого класса, он постоянно стремился к совершенствованию своего искусства. Желая быть в курсе всех технических новинок, он без конца штудировал, принимал к сведению или отбраковывал тот гигантский материал, что услужливо предоставляли заинтересованным лицам фирмы-производители банковских сейфов. Все их рекламные проспекты, якобы секретные руководства по эксплуатации, все справочные брошюры сходились к нему через сеть подставных абонентов, год за годом усердно выписывающих на свои адреса это море щеголеватых изданий на глянцево́й бумаге.

Джо захватывал шире: он имел разные там банковские вестники и банковские бюллетени, сводки частных сыскных агентств, к нему стекались сведения от фирм-изготовителей замков, от многочисленных служб по охране и сигнализации... Джо отнюдь не принадлежал к тому весьма распространенному отряду взломщиков сейфов, в котором каждого медвежатника полиция легко вычисляет по оригинальному, устоявшемуся, навсегда опробированному почерку... Ничего подобного не происходило с Джо Широм. Он не боялся ло-

мать надоевшие штампы, приевшиеся стереотипы, и в каждом новом деле не желал использовать, как другие, только лишь сверло, или лом, или автоген, или нитроглицерин, — он был личностью творческой, ищущей, а изобретательности его поистине не было предела. В годы его нешумной славы не один высокий полицейский чин мысленно рвал на себе волосы при одном упоминании дерзкого и неуловимого преступника.

Но пришло время и Джо Ширу отложить в сторону орудия труда. Как и у многих солидных людей, подвизавшихся на первых ролях в преступном мире, у Джо имелись безупречные поддельные документы на вымышленное имя, была куча бумаг и бумажек, удовлетворивших бы любого, самого въедливого налогового инспектора, иронически улыбаясь, Джо обзавелся картой социального страхования: играть так играть! Но самое невероятное — это пенсионные чеки, которые стали поступать регулярно, едва Джо Ширу исполнилось шестьдесят пять! Джо как безумный хохотал над этим курьезом, однако с тех самых дней перестал играть с государством в опасные игры, присмирел и практически отошел от активной деятельности на своем поприще. К нему, правда, иногда разлетались по старой памяти посланцы от групп, разрабатывающих новые дела, и Джо чисто из спортивного интереса консультировал некоторые мероприятия; в основном же он был теперь всего лишь передаточным звеном, тем, через кого могли связаться между собой нужные друг другу

люди. В этом качестве немало послужил он и Паркеру.

Отношение к пенсии у Джо было двойственное. С одной стороны – он смеялся над мизерностью (на его взгляд) сумм, приходящих на вымышленное имя – “Без-слез-не-взглянешь” – так именовал он про себя пенсионные чеки, привыкнув жить на широкую ногу и не имея нужды считать десятки и сотни тысяч, протекавших сквозь его артистически тонкие пальцы. Кое-что он, впрочем, отложил себе на старость, и этого, как понял Паркер в свой последний визит к старику, ему должно было хватить до самой смерти.

С другой стороны, Джо стал бы, вероятно, бурно протестовать, перестань к нему поступать эти бедняцкие, на его взгляд, деньги. Дело в том, что пенсия, какая бы она ни была, волшебным образом приравнивала Джо ко всем остальным гражданам великой страны, он начинал чувствовать себя честным и достойным стариком и даже, смущенно кряхтя, признался Паркеру, что так называемые пенсионные дни отмечает как праздники небольшим стариковским загулом – с пивом, с пышным тортом (безе с орехами), – он почему-то с детским постоянством жадно любил всю жизнь именно такие торты...

Паркеру, честно говоря, все сладости были как-то без надобности.

Сделавшись Чарльзом Виллисом, наш герой, как чумы, сторонился всякого, кто пытался идентифицировать его как Паркера, – ведь поистине бесценным было для него это alter

его, – по крохам, год за годом нарабатывался имидж бизнесмена, человека широких взглядов, надежного, но жесткого партнера...

Да и безупречные документы, положим, на имя Чарльза Виллиса, стоили в свое время безумных денег... Впрочем, подобную двойную игру вели очень многие люди его круга, аналогичной двойной жизнью жило подавляющее большинство знакомцев Паркера, имеющих на плечах голову, а не ночную посудину, как, например, болтун и гуляка Тифтус.

В такой ситуации некий нейтральный человек, служащий передаточным звеном, или, если угодно, “почтовым ящиком”, между желающими установить контакт партнерами, – такой человек был особенно важен и нужен. Долгие годы услуги именно такого рода Джо Шир и оказывал Паркеру.

Два года назад Паркер обитал у Джо на квартире в Омахе, – дело в том, что фотогеничное и мужественное лицо Паркера как-то слишком примелькалось в полицейских отчетах о хитроумно и отчаянно ограбленных банковских сейфах. Паркер смотрел, смотрел с кислой улыбкой на все растущую популярность выразительных черт своего лица, нервы у него не выдержали, и он решился на крайний шаг: пластическую операцию.

Джо, там, в Омахе, подыскал ему отличного хирурга, дело было сделано прекрасно; с тех пор Паркер не видел Джо Ширы.

Получив письмоцо от него, Паркер, помнится, слабо и рас-

сеянно поудивлялся, что там такое стряслось с обычно осторожным Джо, но за приятными хлопотами, связанными с проживанием шальных денег и с новой женщиной, как-то забыл о Джо; он, впрочем, был уверен, что тот сам справится со своими невзгодами. Времененно не действующее передаточное звено его пока мало беспокоило – деньги из Северной Дакоты все не кончались, новых дел он пока не планировал.

Второе письмо было словно гром среди ясного неба; пришло оно через месяц после первого.

“Паркер,

прости меня, старика. Ты знаешь, я никогда никого ни о чем не просил. Всю жизнь был гордым и независимым. Да, видно, стар сделался.. Мне нужна твоя помощь. Ты человек молодой, сильный, сможешь мне помочь не особенно и рискуя, а потом будешь у меня отдыхать; попивая пивко... Я бы лет десять назад и сам справился, да теперь я не тот. Со всем не обижусь, коли ты не захочешь приехать помочь мне, но если решишь – выезжай немедленно. Вот только денег я тебе не смогу дать. Сумею правда оплатить железнодорожные билеты в оба конца. Если тебе одному скучно, Паркер, возьми свою женщину, я и ей оплачу все дорожные расходы, ты не сомневайся. Но в любой ситуации, Паркер, умоляю тебя, ради Бога, не звони мне!

Твой постаревший Джо”.

Паркер перечитал письмо трижды, так он был ошарашен им. Ясно, что аккуратные строки выведены рукой Джо Ши-

ра, стиль послания свойствен старику несомненно, но содержание! Люди их круга, бывало, обращались друг к другу за помощью, но свои личные проб темы каждый был обязан решать сам! Можно попросить о предоставлении тайного убежища, чтобы пересидеть там всплеск полицейской активности, можно попросить займы денег под “навар” от предстоящего дела, но – только...

Ни один из тех, кого знал Паркер, никогда не стал бы писать жалкие слова об оплате, о каком-то возмещении денег, тьфу! за железнодорожные билеты в оба конца... Все это означало, что у старика либо начался форменный сдвиг по фазе, либо – что гораздо хуже! – ему кто-то так наседает на пятки – дальше ехать некуда. И с деньгами у него полный аут, ясное дело, раз пишет такие пошлости в письме. Господи, куда же делся весь его солидный денежный запас? Не на приют же для омахских детей-сирот он всю эту громадную сумму анонимно зафутболил, как однажды размечтался в припадке старческого сумасшествия в присутствии Паркера?.. Правда они тогда крепко поддали...

Ругаясь про себя на чем свет стоит, Паркер побросал в чемодан необходимые вещи и позвонил в агентство воздушных сообщений, бронируя билет на рейс до Омахи.

Мысли его лихорадочно кружили около последнего письма старенького и, видно, вконец ослабевшего старого приятеля.

Из эгоизма, свойственного молодости, Паркер вначале ду-

мал вовсе не о сложностях, посетивших Джо Шира. Старик был где-то далеко за глазами, отсюда, из Майами-Бич представлялся бесплотным, нереальным, его зыбкий и призрачный образ не задевал ни одной струны в душе Паркера. Но вот о себе в связи в Джо Широ Паркер задумался крепко.

У Джо была превосходная память на адреса, цифровые коды телефонов, он знал о Паркере всю подноготную, помнил его лицо еще до пластической операции, мог перечислить десятка два продуманных и осуществленных Паркером денежных экспроприации, – в общем, мог, да-да, мог по старческой своей немощи заложить Паркера со всеми потрохами, и засадить милого дружка в клетчато-полосатые интерьеры на долгие годы, а то и на веки вечные!..

До получения тревожного письма Паркер как-то не думал о таких перспективах, поскольку Джо не внушал опасений: это был старый, но мудрый волк, смотревший на мир трезвым, тяжелым холодным взором, не покупающийся на отравленные приманки, за милую не подходящий к замаскированным капканам, чужавший по ветру, где затаились охотники со своими вонючими стволами, из которых вылетает огонь. В общем, Джо реально и трезво осознавал мир, себя и свое место в нем.

Но сейчас все, к сожалению, разительно изменилось. Картина мира исказилась, стала неверной и зыбкой в слезящихся глазах потерявшего нюх, ослабевшего с голоду старого зверя. Выгрызая из кровоточащей лапы льдинки, оставляя крас-

ный след на снегу, он поковыляет прямо на красные флажки охотников, а то, еще хуже, – потрусит рысцой прямо к святая святых – волчьему логову, где блестят голодными глазами волчата, и лежит, положив голову на тяжелые лапы, волчица...

За выжившим из ума зверем охотники подойдут к самому логову...

Паркер летел высоко над землей, полузакрыв глаза, но сон так и не опустил свои прохладные ладони ему на веки. Самолет шел курсом на северо-запад, через весь материк, с дикими наводнениями на его могучих реках; с чудовищными лесными пожарами, с муравьиным копошением людей в городах; с океанским ветром, треплющим флаги и полосатую парусину над зеркальными стеклами магазинов; с ветром горных долин, несущим кофейную пыль и сдувающим соломенную шляпу с большими полями с прелестного, в крупных золотистых локонах затылка какой-нибудь незнакомки в розовом платье, летящей по серебристо-серому шоссе в своем белом открытом автомобиле где-то там, под кучевыми облаками, далеко внизу...

Хотя, честно говоря, Паркеру было не до незнакомок. Он даже не поднял глаза на стюардессу, уже несколько раз настойчиво предлагавшую ему как алкогольные, так и другие напитки...

В Омаху Паркер прилетел на склоне дня во вторник, а поздно вечером уже выходил из поезда в Сагаморе; здесь он

снял номер в отеле.

В этот раз он не рассчитывал останавливаться у Джо, помня его письмо, полное смятения и страха.

Он, как всегда, зарегистрировался в местном отеле под уже ставшим ему привычным именем Чарльза Виллиса. Теперь, задним числом вспоминая свои действия, Паркер угрюмо думал о том, что знай он, как повернутся дела, – никогда бы не стал понапрасну трепать безупречное, никаким криминалом не запятнанное имя Чарльза Виллиса... Тем более, если в игру вступил этот, ползущий, как на дрожжах, полицейский капитан в дурацкой ковбойской шляпе.

А тогда, вечером, Паркер, мигая бессонными глазами, вошел в отель “Сагамор”, и ночной портье, окинув взором чуть ли не единственного за сутки постояльца, от нечего делать спросил себя о роде его занятий. Под утро портье все же решил, что, если новый постоялец чем и торгует, – либо оружием, либо спиртным... Дело в том, что Сагамор находился вдали от излюбленных праздными туристами маршрутов, достопримечательностей в городе не было никаких, лишь дымили по окраинам несколько заводиков, перерабатывающих мясо, молоко, овощи и фрукты; продукты переработки поставлялись на стол горожан.

Отель “Сагамор”, с его скрипучими лестницами, проржавелыми кранами, желтоватыми ваннами, прожженными покрывалами на ревматических кроватях, существовал исключительно за счет заезжих коммивояжеров...

Дождавшись полной темноты, Паркер направился к Джо, чтобы получить исчерпывающие ответы на ряд интригующих вопросов.

Он опасливо пошел пешком, передвигаясь с большой осторожностью, хоронясь от редких прохожих, дабы никто не засвидетельствовал, что видел приезжего незнакомца у дома старика, пораженного некими таинственными напастями...

Уже при звездах он подошел к парадному входу, позволил, и, пока слушал, как скатывается ветер по черепичной кровле, еще поразмышлял, почему это старые люди так любят сидеть в потемках, как вдруг с крыльца соседнего коттеджа молодой мужской ломающийся голос крикнул ему, что мистер Шардин умер вчера и хоронить его будут завтра поутру...

К такой новости Паркер готов не был.

Он еще постоял под звездами, послушал ветер, шелестящий в подсыхающих лианках каких-нибудь повилик и плющей, оплетающих крыльцо, и в состоянии смятения вернулся в отель. Стало быть, старый Джо был уже мертв, когда Паркер получил от него тревожное письмо... Что же с ним было, какие скоты обложили его, так взволновав и напугав?! И не грозят ли неприятности Паркеру? Джо отстранял его от себя еще в первом письме, все ставил между собой и Паркером запретительные знаки, некие шлагбаумы, – следовательно, не хотел навести своих преследователей на старого

приятеля...

Теперь Джо не стало, свои тайны он унес за пределы жизни, и Паркеру их не откроет никто, кроме Паркера. Следует разузнать – как умер старик, не помог ли кто ему отправиться на тот свет, и есть ли в этом задрипанном городишке живая душа, знающая о существовании Паркера и могущая сделать гадость пусть не ему, но Чарльзу Виллису...

Выяснить все это следовало как можно скорее, чтобы обязательно успеть самому нанести упреждающий удар.

Он плохо спал в отеле в эту ночь, все слышалось: под кем-то скрипел разошедшийся паркет в его номере; все чудилось: озаряется смоляная бездна зеркала, и чье-то мученически искаженное лицо высветляется из глубины.

Рано утром, спустившись в холл. Паркер спросил у нового, только что заступившего портье газету, но печаталась она здесь единожды в неделю, в четверг; впрочем, все местные новости можно было почерпнуть из газеты округа, в Линбруке, милях семи от Сагамора.

У пышного железнодорожного вокзальчика, с колоннами и лепниной по фасаду, томился без всякой надежды на пассажира водитель единственного на стоянке такси. Паркер нанял его старомодный, запыленный “шевроле” до Линбрука и обратно.

В соседнем городке, выходя из редакции со вчерашней газетой в руках, Паркер обнаружил впритык стоящий за “шевроле” черный “форд”, похожий на лакированного гигантско-

го жука.

Располневший господин в коричневом, выдавшем виды костюме, и комической шляпе цвета кофе с молоком, наклонясь к таксисту в “шевроле”, о чем-то говорил с ним, но, завидя Паркера, тут же прервал беседу, тяжело забрался в свой “форд” и выжидательно замер, пристроив подбородок на скрещенные руки, лежащие на руле.

Весь обратный путь этот тип в ковбойской шляпе неотступно гнал свой “форд” за “шевроле”, так что Паркер спросил таксиста, мотнув головой в сторону бурого облака пыли за их машиной:

– Кто это, если не секрет?

– Вы имеете в виду того, кто со мной говорил? – переспросил таксист так, словно старался уйти от прямого ответа. Паркер внимательнее оглядел сбоку высокие скулы нервного, недовольного чем-то лица, длинные светлые волосы, старую армейскую куртку, до такой степени выгоревшую на солнце, что недавно отпоротая нашивка рядового, напоминающая раздвинутые под углом два пальца, явственно просматривалась на рукаве, словно нанесенная темной краской по трафарету. Таксисту было около тридцати.

– Явно полицейский, – продолжил Паркер, так и не дождавшись ответа.

– Предположение годится, – пробормотал парень, краем глаза взглянув на пассажира.

– А какого рода?

– Да самого гнуснейшего...

– Я не о том, – засмеялся Паркер. – Я спрашиваю – местный он или из округа?

– Здешний, глава сагаморской полиции...

– А сколько их, полицейских, всего-то у вас? – снисходительно осведомился Паркер, щелчком выстрелив в открытое окошечко окурка.

– Может, двенадцать, а может и пятнадцать, кто их пересчитывал! – лениво ответил шофер, следя за дорогой.

– Да, штат у него внушительный... В каком он чине – комиссар?

– Нет, капитан. Там у него еще несколько лейтенантов, а все остальные сержанты...

Паркер приподнял брови. Таксист, кажется, и не прочь был перемыть косточки шефу полиции, но что-то ему явно мешало. Вообще дорожный треп шел как-то принужденно, со скрипом, не было в нем легкости и небрежности... Паркер, хмыкнув, поинтересовался:

– Ну а имя-то хоть есть у вашего капитана?

– А как же! Янгер. Капитан Янгер...

– Что он выпытывал обо мне?

– Мы о вас вообще не говорили. Болтали о своем.

– Ну-ну, – усмехнулся Паркер и поглядел в заднее окно: “форд” неотвязно тащился следом. Паркер откинулся на сиденье, закуривая новую сигарету, и насмешливо спросил:

– Что ж ты не пополнил собой численность полицейских

сержантов?

Таксист, потемнев, согнулся за рулем, и “шевроле” набрал хорошую скорость. Теперь “форд” позади был почти не виден, а шофер, убирая газ, вымолвил со значением, но очень тихо:

– У меня ведь есть работа...

– Ясненько, – сказал Паркер и больше не проронил ни слова. Уже возле отеля “Сагамор”, получив от Паркера щедрые чаевые, шофер доверительно зашептал:

– Он выспрашивал меня обо всем: ваше имя, видел ли я вас раньше и о чем мы говорили, для чего вам газета и не назывались ли вами какие люди...

– Спасибо. Вот тебе сверх всей платы...

– Да если б и знал, в жизнь бы не сказал этому подонку... Выйдя из такси, Паркер проводил глазами теперь еще более запыленный “шевроле”, который выруливал на стоянку у вокзала, пышностью напоминающего сливочный торт.

Черный “форд” притормозил буквально в пяти метрах от Паркера. Капитан Янгер с видимым усилием выбрался из автомобиля, достал из заднего кармана мятых коричневых брюк мокрый комочек носового платка, столкнул назад ковбойскую шляпу, повисшую за плечами на резинке, вытер влажно блестящий под солнцем лоб, протер зубчатую кожаную ленту внутри шляпы, надернул свой экстравагантный головной убор на лоб и засунул значительно потемневший платок на прежнее место. Затем из внутреннею кармана сво-

его лоснящегося коричневого пиджака он достал сигару и проделал с ней манипуляции, явно доставляющие ему удовольствие: развернул сигару, откусил и выплюнул ее кончик, поднес к ней бледный на солнце огонек спички.

На Паркера он не смотрел.

Пройдя стеклянные двери отеля, Паркер миновал вестибюль, переходящий в грандиозный, слишком несоразмерный со всем небольшим четырехэтажным зданием холл: на коврах, цветом напоминающих перезрелые персики, паслось стадо диванов, обитых зеленым кожезаменителем. Портье сиротливо торчал за своей пустой необъятной стойкой.

Паркер легко взбежал вверх по лестнице, и капитану Янгеру, курящему у входа, новый постоялец отеля больше виден не был.

И вот теперь, во время визита в дом к Джо Ширу, судьба вновь свела их, Паркера и Янгера, Янгера и Паркера, повернула лицом друг к другу и выжидательно остановилась рядом, скрестив на груди прекрасные руки...

Паркер пока не умел ничего отчетливо сформулировать, но явственно сознавал, что влип в какую-то крупную передрягу.

Часть вторая

Глава 1

Доктор Рейборн, так неискусно и слабо умеющий притворяться, оказался весьма недурным специалистом-практиком. Ни капитану, ни Паркеру он не задал ни единого вопроса, а сразу же молча принялся за дело. Смочив спиртом вату, он обработал кровоподтеки, помазал их какой-то душистой, но очень жгучей мазью, а потом пофыркал по всему пораженному болю участку аэрозолем из бирюзового баллончика. Лекарство, проникая в поры, тут же словно замораживало лицо, как новокаин, снимая боль.

Все трое молчали. Янгер наблюдал за Паркером, Паркер за доктором, а доктор все внимание сосредоточил на своих внешне грубоватых, но предельно чутких пальцах. Хмурое лицо его было замкнутым и сосредоточенным.

Закончив процедуру, доктор все так же молча сложил пинцеты, вату, баллончик и мазь в свою черную клеенчатую сумку.

Янгер не смог удержаться от наставлений:

- Имей в виду, Ларри, все строго между нами... Доктор, не поднимая глаз и еще ниже опуская голову, отрезал в сердцах:
- Все, Эбнер, с меня хватит. Пришел конец моему терпе-

нию!.. И не звони больше...

– Да я тут ни при чем, он сам навернулся с лестницы, – горячо заоправдывался Янгер. – Ну подтвердите же. Виллис!.. Паркер счел нужным смолчать.

– Знаешь что, Эбнер, хоть мне-то не надо морочить голову! Такой картины не бывает от обычного падения со ступенек. Не делай, пожалуйста, из меня идиота...

– Говорю тебе, я к нему не притрагивался. Виллис, холера тебя возьми, почему ты молчишь? Ответь ему – я хоть пальцем к тебе прикоснулся?

Паркер безмолвствовал, бесстрастно переводя глаза с доктора на капитана. О, придет в конце концов время поговорить начистоту с доктором Рейборном, и тогда Паркер вытянет из него всю правду, теперь это очевидно...

– Мне плевать на твои подробности, – строптиво говорил между тем доктор. – Этот случай, Эбнер, в отличие от прошлого...

– Закрой пасть! – заорал капитан, прерывая его на полуслове.

Доктор дернулся, захлопнул свою сумку и отчаянными, затравленными глазами впился в Паркера. Паркер с непроходимым видом глядел ему прямо в зрачки.

Капитан Янгер счел необходимым для острстки еще прикрикнуть на Рейборна:

– Ты, я гляжу, допрыгаешься со своим языком... Сам пропадешь и других потащишь... Не будь болтливой бабой, ты

понял меня?

– Но прости, я...

– Ларри, довольно трепать! Возвращайся к себе. Я потом звякну.

– Так, – сипло сказал доктор, беря сумку, – прекрасно... С меня достаточно. Запомни, Эбнер, я это делал в последний раз...

– Я звякну потом!

– Ты слышишь, Эбнер? Я не шучу!

– Тебе сказано – я звякну потом!

Доктор, помешкав несколько мгновений, опустил плечи и вышел, неуверенно передвигая ноги, тихо закрыв за собой дверь гостиной.

Янгер пустил клуб синеватого сигарного дыма и как впечатал:

– Слюнтяй и рохля!

Углом глаза, не поворачивая головы, Паркер следил за капитаном, ожидая новых всплесков эмоций. Он совсем не чувствовал обработанной доктором стороны лица, там все словно заморозилось и онемело.

Янгер с некоторой долей театральной торжественности, держа в левой руке сигару, а в правой револьвер, вздохнул, как бегемот, и поднялся с кушетки.

Ковбойская шляпа его съехала на затылок, пропотевший темный ворот рубашки расстегнулся, галстук сбился на сторону, а полосатые подтяжки, огибающие выпуклое брюхо,

стали видны меж бортами небрежно распахнутого коричневого пиджака. В нем появились теперь какая-то наглая уверенность и превосходство недалекого человека, убежденно-го, что уж ему-то не занимать терпения и цели своей он добьется любой ценой.

Ставя ноги, как на параде, он прошествовал по гостиной, но не поворачиваясь затылком к Паркеру и аккуратно его обходя. Произнес он следующее:

– Поставим вопрос ребром: известен ли тебе тайник? Паркер, не имея ответов на вопросы, элементарно блефовал: он сидел с непроницаемым, насмешливо-надменным лицом и холодно молчал.

– Да, голубь, я ведь сперва думал, что ты владеешь ситуацией, имеешь сведения и, если за тобой внимательно приглядывать, ты меня выведешь на то, что мне интересно, – прямой наводкой и по полной схеме... Но теперь я понял, что заблуждался. Тут ничего нет, старик был не такой дурак, чтобы прятать в доме... А вот ты стал в доме рыться, – и это значит, что у тебя просто нет никакой информации... Верно?

Паркер продолжал вести свою игру, хотя сидеть, прищурясь, с высокомерным выражением лица, в то время, как один глаз заплыл, а вся щека распухла, – сидеть так, по меньшей мере, смешно и глупо, да и бессмысленная игра эта стала ему порядком надоедать.

Янгер попробовал прибегнуть к своему, надо полагать, фирменному способу ведения допроса:

– А может, все же в пределах дома? У тебя ведь это было первое побуждение! Ответь, отчего ты начал копать именно в подвале?

Паркер отрицательно покачал головой, все так же не проронив ни слова.

– Ладно, пусть копал не ты, а твой напарник, тот, похабного вида, павлин... Народ у нас внимательный, люди заметили, как ты его зверски ударил прямо на улице. Вот так-то вот, прямой наводкой по полной схеме... Что скажешь?

– Ничего не скажу. – Но он твой партнер?

– Ничего подобного. – А в подвале копал он?

– Может, он, а может, и нет. У того, кто оттянул меня лопатой, был мешок на голове.

– Кончай мне врать! Ты был с ним рядом! За кого ты меня, собственно, принимаешь?

Паркера словно прорвало:

– За того, кем ты и являешься, остолоп, деревянный чурбан, индюк болтливый...

Янгер стал на полном ходу как вкопанный, багровая краска мгновенно залила лицо и короткую толстую шею; в дикой ярости воззрившись на Паркера, он так сжал пистолет, что побелели суставы пальцев. Как сом, вытасченный из воды, он несколько раз беззвучно открывал рот, пока воздуху в голосовых связках удалось кое-как озвучить его речевые потуги:

– Я прикончу тебя прямо здесь, как собаку, без суда и следствия... Этот город и не пикнет, он у меня в кармане, а я

шеф полиции... Я могу тебя кокнуть вот прямо здесь, через минуту, никто мне и слова не скажет. Ты – явно криминальный тип, и раз ты дружок Джо Шира – само собой, числишься в розыске... Я тебя взял при ограблении, ну а ты при аресте сопротивлялся, и я, защищаясь, выпустил в тебя заряд вот из этой игрушки... Подходит такой расклад?

– Тебе совсем невыгодно меня убивать, – задумчиво и очень спокойно сказал Паркер, – потому что тогда ты останешься при своих интересах.

– Вот оно что! – Станным образом это невинное замечание только подлило масла в огонь. Капитан буквально дымился от ярости. – А ну растолкуй! Если ты, тварь такая, не растолкуешь, почему это мне тебя невыгодно пристрелить, – вот мой палец, а вот курок, гляди, я нажимаю...

– Потому что я был у Глиффа, – сказал Паркер, со значением посмотрев на Янгера.

Капитан вытаращился на него, ожидая продолжения объяснения, но Паркер, достав свой тончайший, аккуратно сложенный носовой платок (он закупил у китайца в Майами несколько дюжин), придирчиво поизучал его снежную белизну и сунул платок в карман.

Янгер нетерпеливо спросил:

– И что же? Что это означает?

– Ты догадливый, вот и догадайся...

– Что ты имеешь в виду, говори!

– Все очень просто. Ты не умеешь связывать концы с кон-

цами. Теория-то у тебя есть, но в ней дыра на дыре, как в проеденном молью свитере. Смотри. Имеется в наличии потрепанный типчик, по твоей теории мой напарник. Твои люди видели, как я отвесил ему прямо на улице такую плюху, что он долго от нее отдыхал.

По твоей же теории он, со своей стороны, так приласкал меня в подвале лопатой, что я не знаю сколько валялся без памяти... Ты хоть бы предупреждал, что именно такие отношения считаешь партнерскими... Далее. Как вписываются в твою теорию мои визиты к Глиффу и Рейборну, моя поездка в Линбрук?

– Да ты за газетой мотался в Линбрук, коню понятно...

– Развивай, развивай свою мысль, не рви ее!.. Для чего мне газета?

Физиономия капитана являла собой форменный полигон для чувств, в этот момент его особу обуревающих: ярость, раздражение, нетерпение, недовольство и, наконец, растерянность – последовательно сменяли друг друга на сдобном, дрожжевом лице Янгера.

В крайнем смятении он стал беспорядочно жестикулировать, выкрикивая:

– Наплетать на газету! Не морочь мне, голову... Слышишь, не сбивай меня с толку... При чем тут газета? У меня есть свое мнение, я просек, зачем ты приехал в Сага...

Резкая трель телефонного звонка оборвала Янгера на полуслове. В мертвой тишине оба они поражение слушали от-

чаянный трезвон, причем у Янгера округлились от удивления глаза, Паркер же выглядел несколько заинтригованным.

Телефонная трель возобновилась. Янгер, словно очнувшись, пробормотал:

– Не иначе, как твой напарник... Я отвечу, коли не возражаешь, – и быстро цапнул трубку. Откашлявшись, он старательно выговорил, словно пользовался телефоном первый раз в жизни:

– Алло! Алло?

С интересом следящий за ним Паркер отметил, что капитан после первого своего боязливого “алло” с облегчением перевел дух.

– Ага. Он. Естественно, – говорил Янгер уже деловым тоном, потом, пристроив трубку, словно скрипку, куда-то к подбородку и прижимая ее щекой, одеревенело прослушал в ней какой-то длительный потрескивающий шорох и шелест и, сведя брови, стал неотрывно смотреть на Паркера. – Не здешний? – Он все не отводил своего сверлящего взора, но вот переместил его на собственные полные колени и спросил еле слышно:

– Давно ли?

Что-тостряслось, Паркер это сразу почувствовал всей кожей, но не мог угадать что, и конкретно с кем. Но это “что-то”, несомненно, связано с ним, Паркером... Не спуская с Янгера глаз, он мучался теперь одним вопросом: как изловчиться, прыгнуть на Янгера пружинящим львиным прыж-

ком, чтобы враз пережать стальными пальцами глупое толстое горло, и как лучше потом бежать. Да, не забыть про отель...

Дело его все явственней, все отвратительней пахло керосином, а противней всего – что он использовал, можно сказать, выбросил псу под хвост безупречно чистое имя Чарльза Виллиса. И, если он окажется в полиции, его ожидает там уж никак не букетик фиалок... Очевидно одно: придется детально продумывать и обживать новую легенду.

Он незаметно оглядел подушечки своих многострадальных пальцев. Отпечатки этих неповторимых рисунков, отчасти напоминающих линии годовых колец на половинках древесных спилов, – уже имелись в досье на имя Рональда Каспера в Вашингтоне. Розыск был объявлен, когда Р. Каспер бежал, прикончив, под горячую руку, охранника исправительной колонии в Калифорнии.

Под собственным своим именем Паркер, к сожалению, тоже разыскивался в связи с чередой грабежей крупных банков, но там не фигурировали отпечатки пальцев... И только Чарльз Виллис, средней руки бизнесмен и любимец женщин, до сих пор избегал пристального и заинтересованного внимания полиции...

В такой ситуации – абсолютно недопустимая роскошь дать этому Янгеру любой, пусть самый ничтожный, повод сунуть его за решетку... ни в коем случае! Ведь в двух подставных именах – Рональда Каспера и Чарльза Виллиса, –

как в двух боковых зеркалах трельяжа с двух разных сторон отразится реальное, многогрешное, страшное и опасное для общества человеческое существо по фамилии Паркер...

Он весь звенел, как натянутая струна, дожидаясь итогов разговора, а в голове лихорадочно выстраивались самые невероятные и чудовищные планы: предстоит избавиться не только от Янгера, но от Глиффа и Рейборна, – ведь они посвящены...

Уладить дела в отеле, потом поезд, потом самолет на Майами, а там уж – подстроить, купить, создать, из-под земли выкопать алиби... Планы были фантастические, но при невероятном напряжении всех существующих усилий – вполне выполнимые.

Янгер заканчивал свой разговор:

– Все, выезжаю. Не нужно нам вызывать полицию штата, у нас своя голова на плечах.

Паркер, закурив, наклонился в сторону кушетки, чтобы легче и как можно внезапнее вскочить с места.

Янгер, опустив трубку, с растерянным лицом глядел на Паркера.

– Что ж, – обреченно сказал он, – ты, видимо, прав...

– В каком смысле? – ошарашенно спросил Паркер, забыв свои кровожадные устремления и намерения.

– В том смысле, что у меня теория рваная, дыра на дыре...

Паркер зачарованно и несколько ошалело глядел на Янгера.

– Нашли твоего напарника. Он убит. Лопатой. – Янгер

нервно зевнул и добавил с некоторым воодушевлением: – У тебя в номере.

– У меня?

– Ну да, – буднично сказал Янгер и, оглядев револьвер, все еще зажатый в правой руке, сунул его в свой висящий на подлокотнике кресла, плащ. – Иди забирайся в машину. Надо его поглядеть.

Глава 2

В номере Паркера было полно народу. Кто-то из бестолковых подчиненных Янгера, несмотря на его указания, все-таки вызвал полицию штата, и теперь несколько человек с фотоаппаратами, лампами-вспышками, порошком, блокнотами, мелками, метром, и виде ленты, раскручивающимся из катушки, уймой специальных конвертов – точная, слаженная, понимающая друг друга с полуслова выездная бригада, разительно отличалась от простудушных и пышнотелых здешних трех полицейских в выдавшей виды давно не глаженной форме.

Паркер обзрел с порога поверх чьей-то головы номер, в котором он сегодня ночевал. Янгер вошел внутрь, на ходу бросив Паркеру:

– Жди здесь и не болтай ни с кем...

Он был крайне раздосадован появлением выскочек и задавак из полиции штата и теперь шел через весь номер к окну, где блестел золотыми очками главный из приехавших – высокий, спортивного склада человек, с лицом университетского преподавателя и очень коротко стриженными волосами.

Злополучный Тифтус лежал на полу близ кровати, являя собой картину бесконечно печальную. Он упал ничком, когда его ударили в затылок лопатой или каким-то другим ост-

рым и плоским орудием убийства; от темной запекшейся крови слиплись волосы бедняги, а руки были раскинутаы в стороны, точно в полете.

Приезжие криминалисты суетились над ним; при жизни Тифтусу не перепало и сотой доли столь пристального всеобщего внимания...

Янгер с надутой физиономией продолжал разговор с главным из группы экспертов, надеясь перехватить инициативу и взять в свои руки следствие, но высокий человек в золотых очках был, бесспорно, столь же корректен, сколь неколебим.

Капитан, окончательно уверившись, что на криминальное дело накладывают лапы заезжие ферты, вернулся к Паркеру и хмуро пробурчал:

– Надо поговорить. Перейдем в холл, тут, на этаже... Паркер прекрасно сознавал, что хочет того или нет, он пока в руках капитана и надо примеряться к обстоятельствам. Поэтому, провожаемый цепкими взглядами приезжих полицейских, он проследовал за Янгером в окрашенный блестящей масляной краской холл.

Там, подпирая стену своей плотной спиной, капитан объявил ему свое сенсационное открытие:

– К этому убийству ты не причастен.

– Да что ты говоришь?!

– Это ясно мне, – важно продолжил Янгер, – но не ясно им, – он мотнул головой в сторону номера.

– Почему, интересно?

Янгер подержал паузу: только что получив щелчок по носу вышестоящего, он хотел теперь немного потоптать того, кто от него зависел. Он ответил неопределенно-туманно:

– Минут через двадцать там, наверное, вычислят время убийства. Они могут привязаться к тебе. Но вся штука в том, что с тобой в предполагаемый период как раз был я, а я – сам знаешь, кто в этом городе. Так что считай меня своим неопровержимым алиби...

– Да и я не останусь в долгу, могу оказать тебе аналогичную услугу, – бойко парировал подневольный Янгеров собеседник. Янгер был поражен до глубины души:

– Ты, наверное, спятил. Мне-то зачем алиби? Ты же знаешь, кто я такой...

– Да знаю, знаю... Но ведь и ты, как Тифтус, тоже кое в чем заинтересован после смерти старика...

– Ох, не тебе бы это говорить...

Паркер вместо ответа философски пожал плечами.

– Ну, слушай. Учти, времени у нас мало, давай не будем болтать впустую. Я твое единственное алиби. Виллис, но это в случае, если стану себя утруждать твоими делишками. А не захочу – тебе кранты. Прямой наводкой и по полной схеме...

– Ты об этом еще не говорил там?

– Пока нет. Но этот, в золотых очках, Риган, выразил желание с тобой побеседовать.

– Зачем?

– Ну здравствуй! Убили человека в твоём номере; ты знал

убитого; и ты и он – приезжие... Тебе мало доводов? Паркер прищурился и ответил, как робот:

– Ты меня убедил. Я тебе благодарен. Я готов к сотрудничеству.

– Предлагаю паритет: пятьдесят на пятьдесят, – быстро и тихо проговорил Янгер.

– Где тайник, я не знаю, – чистосердечно признался Паркер, глядя незаплывшим правым глазом прямо в душу полицейского капитана.

– Вместе найдем, – пылко ответил Янгер. – Того, в номере, кто-то убил, – но ведь не ты, и уж, конечно, не я... Нам с тобой против убийцы куда сподручней действовать вместе.

Благоразумнее всего было подыграть Янгеру, на что Паркер с легкостью и пошел.

– Годится, – сказал он.

– Чудненько, – обрадованно выдохнул капитан. – Пускай Риган допрашивает тебя, это произойдет в моем присутствии. Паркер безмятежно посмотрел на собеседника:

– Но учти, сразу после допроса я из отеля исчезну.

– Куда это? – с подозрением воззрился на него Янгер.

– Я смоюсь в дом Джо.

– А ты не забыл, что мы ищем все-таки на пару?

– Да я ничего не собираюсь искать, буду просто там жить...

– Но почему, ответь, мне интересно?!

– Потому что там нет, кхм, чудаков-полицейских... – А может, ты, голубок, наострил лыжи, а?

– Ну да. Сбегу, и все подарю твоей милости... Расчет на алчность Янгера был безошибочен. Он теперь совершенно успокоился.

– Замечательно!.. Однако скажу тебе больше: в доме не спрятано ничего. Я все там прошел сантиметр за сантиметром. В подвале, правда, не копал... Странно, как же я-то не заметил, если он все-таки спрятал в подвале, старый волчара... – Янгер пожевал губами, какая-то тень пробежала по серьезному его лицу, он широко улыбнулся. – Нет сомнений, мы все отыщем...

– Естественно, – сказал Паркер.

Призрак шального, дурного богатства кружил Янгеру голову, это было видно невооруженным глазом.

– Все, – подвел он итог стратегическим переговорам. – Пойдем к Ригану.

Глава 3

Расположившись у края необъятного стола в кабинете управляющего, Паркер с наслаждением выкурил сигарету, глядя на зеленоватое, вечеряющее небо. Янгер ходил по кабинету за его спиной, сопя, недовольно бурча, окутываясь облаками сигарного дыма.

Это помещение Риган временно занял для проведения допросов. Он позвонил управляющему из бывшего паркеровского номера и, получив согласие, даже изволил сопроводить приглашенных – Паркера и Янгера, к лифту. Причем, судя по его рассеянному-любезному обхождению с Янгером, тот ему был на дух не нужен; к Паркеру же он испытывал пока что не совсем оформившийся профессиональный интерес.

Направив парочку сюда, Риган отчего-то замешкался, ссылаясь на необходимость личного присутствия в номере, где еще находился убитый.

В ожидании Ригана Паркер, выкулив сигарету, от нечего делать спросил капитана:

- Капитан, а эти стены прослушиваются?
- Что? С ума сошел! Нет, конечно...

Паркер пожал плечами. Этого Ригана он не понимал: ведь тот явно почувствовал, что Янгер с Паркером успели обо всем условиться во время отлучки в холл и сейчас почему-то притазились на допрос вдвоем, но тем не менее... Что за

фрукт этот очкастый криминалист?

Он, Паркер, скорее уж примкнул бы к Ригану, чтобы действовать против Янгера, но никак не наоборот... Да и бедолагу Тифтуса Паркер теперь предпочел бы Янгеру, но увы и ах... Он безрадостно посмотрел на подельщика, навязавшегося ему совсем некстати.

– Без надобности не встревай в разговор, лишней информации не давай, когда этот тип станет меня выпытывать. Я буду сам говорить с ним.

– Попрошу не забываться! – гаркнул было Янгер, как на учебном плацу, но несколько сбавил тон и сухо отчеканил: – Обо мне не тревожься.

– Как не тревожиться, – наставлял его Паркер, словно репетитор ученика перед экзаменом. – Отвечай только на прямой вопрос. Развернутых ответов не давай. Чем короче и четче – тем лучше.

– Ты не обо мне беспокойся. Виллис, а думай, как самому отвечать. – Янгер опять был на взводе, он снова топал по кабинету, окутавшись дымом сигары, пепел с нее он ухитрился натрясти в кресло управляющего, в раскрытый настольный календарь, на дорогую тяжелую портьеру...

Паркер благоразумно умолк: капитан чувствует себя затравленным, он может в любой момент взорваться и тяжелой своей глупостью все погубить.

Риган вернулся в сопровождении бесцветной девушки, скромно усевшейся в уголок с толстым блокнотом на худых

коленях. Ноги ее Паркеру не понравились.

Человек в золотых очках начал с извинения:

– Прошу простить, мистер Виллис, задержали эксперты...

Я правильно произношу вашу фамилию?

– Совершенно верно. Меня зовут Чарльз Виллис.

– Прошу садиться, Эбнер, – любезно пригласил Риган, глядя куда-то поверх головы Янгера и расселся в кресле с видом ревизора, который решил вывести на чистую воду запутавшуюся в финансовых махинациях фирму.

– Разрешите посмотреть ваши документы, мистер Виллис, это маленькая формальность для протокола...

Паркер вынул из пиджака солидного вида бумажник и распластал его кожаные карманы прямо перед Риганом.

– Пожалуйста, проверьте...

Риган отчего-то с улыбкой чуть отодвинул от себя пухлый бумажник и, остро поглядев Паркеру в глаза, весело заметил:

– Благодарю, вы чрезмерно любезны... – Он повернул голову к Янгеру, кивнув на бесцветную девушку в углу кабинета, строчившую время от времени в блокноте. – О стенографистке не тревожься, Эбнер, я привез сюда свою... Естественно, не забуду потом переслать и копию допроса...

Паркер краем глаза посмотрел на Янгера: капитан и в уме не держал вызывать какую-то стенографистку... Риган своим покровительственным замечанием поставил его в крайне оскорбительное положение нерасторопного провинциала, принимающего у себя предусмотрительного богача, столич-

ную штучку... Слава Богу, у Янгера хватило ума сдержаться и не вспылить.

Риган теперь обращался уже к Паркеру:

– По моим сведениям, вы с мистером Тифтусом были партнерами?

Паркер вежливо отклонил его досужие домыслы:

– О нет, ваши сведения неточны...

– Да? – Риган протянул ухоженную руку к Паркерову бумажнику и похлопал по темной, лоснящейся коже. – Странно, странно, – рассеянно проговорил он. – А вы тем не менее мистера Тифтуса знали?

– Пару раз виделись мимоходом.

– Где же?

– На собачьих бегах, в Майами; он был страстный любитель их...

– О, как любопытно! Так он профессионально занимался этим? А вы?

– Нет-нет, у меня интересы более прозаичные, и мой бизнес совсем иного рода...

– И какого же?

– Ну, перепродажа недвижимости, платные автостоянки, недавно добавились прачечные... Довольно широкая сеть по стране, да там... – Паркер придвинул бумажник Ригану, – имеются все документы...

Риган опять в упор не видел лежащий перед ним Паркеров бумажник. Его уже интересовало иное:

– Так вы решили посетить город не с мистером Тифтусом?

– Нет. Я сам по себе.

– Стало быть, просто случайно тут свиделись? Паркер упрямо покачал головой.

– Вовсе даже не случайно.

Риган вновь остро глянул ему в глаза.

– Вы, значит, условились свидетелься в Сагаморе?

– Да нет же. Я вовсе не предполагал его встретить. Лично я прибыл проводить в последний путь Джозефа Шардина. Тифтус приехал по этому же грустному поводу. Иногда, знаете, встречаются на похоронах общих знакомых те, кто едва знаком был друг с другом. Можно ли это все назвать случайностью? Думаю, нет.

Риган повернул свою коротко стриженную голову, блеснув золотыми очками. Он поглядел на Янгера, как на настольную лампу.

– Кто это Шардин?

– Пенсионер. Умер на днях. Хоронили нынче утром, – металлическим голосом ответил Янгер.

– Он здешний?

– Приехал пять лет назад.

Риган вновь блеснул стеклами на Паркера:

– Вы прибыли оба на похороны?

– Тут я не смею быть категоричным. Лично я – только по этому невеселому поводу, за него расписываться не имею возможности...

– А нет ли у вас каких-то умозаключений насчет его убийства? Паркер печально и виновато покачал головой. Риган удовлетворенно улыбнулся:

– Больше не стану отнимать у вас время, мистер Виллис. Было приятно познакомиться. Я по достоинству оценил вашу откровенность.

Паркер в ответ и рта раскрыть не успел, как последовал новый вопрос:

– Все-таки загадка, отчего он убит именно в вашем номере? Вы что, дали ему свой ключ?

– Ничего подобного.

– Кхм, ну тогда, он, значит... проник к вам... проник...

– Ограбить решил, вот и проник, – без всякого политеса отрезал Паркер. Янгер одобительно хмыкнул.

Университетское лицо Ригана отражало искреннее изумление. Подняв брови, он переспросил, точно ослышался:

– Ограбить, говорите? Если я вас правильно понял, мистер... э... Тифтус промышлял грабежом?..

– Да поговаривали в Майами... За руку-то я его правда не держал...

Ясно... ясно...

Дверь, как на сцене, растворилась, и Ронда, женщина Тифтуса, рыдаючи вбежала в кабинет. За ней следовали двое местных полицейских. Не успел один из стражей порядка открыть рот, намереваясь что-то доложить приезшему начальству, как Ронда увидела Паркера и низким, трагическим го-

лосом с силой произнесла:

– Вот он. Я узнала его...

Стоило мельком глянуть на любовницу убитого, чтобы понять, как поспешно и схематично объяснили ей ее роль, в самый последний момент введя в эту пьесу... Риган испытывал терпение Паркера, так подставляя его. Но зачем? Паркер зорко глянул на сидящего за столом человека в золотых очках, пытаясь вникнуть в эту Плохую игру, да еще к тому же краплеными картами.

Риган между тем разыгрался вовсю. Привстав из-за стола, он для вида нахмурился и якобы негодуя стал распекать вошедших:

– Ну что ты будешь делать с ними, такими бестолковыми! Я ведь ясно сказал: ожидайте в коридоре!..

Женщина продолжала твердить своим низким голосом одно и то же, видимо, не отходя от текста, подсказанного ей:

– Это он. Это он. Он. Я узнала. Риган взялся за виски.

– Сплошной кошмар. Уведите даму. Да не стойте столбами, ну!.. Полицейские совсем не обладали артистическими способностями. Им следовало якобы по оплошности не вовремя ввести свидетельницу, а потом переминаясь, бормотать извинения, понуро стоять у дверей, – они же вместо всего этого дружно развернулись и, как пожарные лошади, утонули в коридор, увлекая за собой Ронду.

– Тысячу извинений! – сказал Риган, глядя на Паркера ласковой родного брата. Янгер фыркнул.

Паркер не любил попадать в мышеловки, но, когда это случилось, шел ва-банк:

– Вот как, мистер Риган? Значит, я на подозрении?.. Всего ожидал, но не этого...

– Ну что вы, мистер Виллис! Я не стал бы говорить так категорично. Мы сейчас проигрываем каждую версию. Такая у нас профессия... Простите за бестактный вопрос, а что с вашим лицом?

Паркер слегка коснулся пальцами скулы и чуть не взвыл от острой боли.

– Скатился впотьмах со ступенек, – поведал он.

– И давно?

– Днем.

– А к доктору обращались?

– Разумеется. Доктор Рейборн оказал мне первую помощь. – Риган повернул голову к Янгеру:

– Вам что-нибудь говорит такая фамилия?

– Это врач, практикующий в Сагаморе. Я сам за ним и посылал... Удивление Ригана возрастало. Он правда превосходно владел своим лицом, и лишь небольшая заминка в его плавной и гладкой речи свидетельствовала, что он несколько выбит из колеи.

– Ты присутствовал при этом, Эбнер?

– А что особенного? Мы навестили с Виллисом дом покойного, а оступиться в темноте может любой, хоть бы и меня взять, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить...

– А не было ли с вами, в таком случае, Адольфа Тифтуса?

– Что-что? – переспросил Янгер с таким изумлением и возмущением, точно его спросили, а не было ли в их компании Адольфа Гитлера.

– А мне подумалось, что вам, трем знакомцам Шардина, был резон сойтись в его доме... – Паркер перебил говорившего:

– Лично я не особенно жаждал общения с Тифтусом, честно говоря. Он, правда, пробовал утром со мной повидаться, но я был в угнетенном состоянии духа, – вы можете это понять! – и он удалился.

– Итак, вы видели его последний раз нынешним утром?

– Нет-нет. Через какое-то время мы еще раз столкнулись в городе, но перебросились парой незначущих фраз, только и всего.

– Все ясно. А вот особа, только что случайно попавшая сюда, почему-то думает, что у вас были какие-то счеты с ее другом... Или не так?

– Нет, не так.

Риган ожидал обстоятельного объяснения, но Паркер умолк, словно уйдя в свои мысли. Янгер порывался что-то вставить, однако благоразумие взяло верх, и он, поскрипев креслом, так и не проронил ни слова.

Риган, ничего не дождавшись, явно поскущнел.

– Ну что ж, надеюсь, все прояснится после допроса этой дамы. А ты, – повернулся он к Янгеру, – давно ли знаешь

мистера Виллиса?

– Уже несколько лет, – не моргнув глазом, солгал Янгер. – Джозеф Шардин был человек общительный, и вот в один из наездов Виллиса я оказался приглашен на коньячок...

– Ну да, ну да, – пробарабанил Риган по Паркерову бумажнику. – Превосходно. Я думаю, на сегодня довольно, мистер Виллис. Однако, если понадобится, я непременно отыщу вас. Вы ведь не собираетесь быстро уехать в Майами?

– Не собираюсь. Независимо от вашего пожелания еще пробуду в Сагаморе какое-то время.

– Прелестно. Благодарю вас за помощь, оказанную следствию...

Паркер встал и забрал свой, лежащий перед Риганом, бумажник.

– Отель я покидаю, – уведомил он, – а если понадобится, буду в доме Шардина, адрес у капитана.

– Чудесно. Было приятно познакомиться с вами, мистер Виллис. Риган ослепительно улыбался, но глаза его, настроенные и недоверчивые, как собаки-ищейки, неутомимо обследовали Паркера. Он и на дюйм не привстал из кресла; прощаясь, не думал протягивать руку, и Паркер понял, что Риган почувствовал в нем опасного преступника, точно так же как он сам открыл в Ригане опасного для себя противника. Риган пока только чувствовал нечто, у него не было никаких доказательств, но собачье чутье редко подводило его. Паркер знал этот тип полицейских – терпеливо, не мытьем,

так катаньем, достигающих цели, расследующих дело скрупулезно и настойчиво, буквально как в поговорке “Капля камень точит”...

Поднялся было и Янгер, но Риган тут же осадил его:

– Послушай, Эбнер, а что же ты не хочешь поприсутствовать у меня на допросе? Это ведь твой город, тебе и карты в руки, будешь меня корректировать, а то пойду еще по ложному пути...

Янгеру вовсе не улыбалось торчать здесь на последних ролях, но выхода у него не было. Надувшись, он сел и, доставая сигару, подозрительным и мрачным взором проводил выходящего Паркера.

В приемной управляющего Паркер застал давешних незадачливых статистов: свидетельница курила, положив ногу на ногу, полицейские мирно обсуждали какие-то свои домашние дела.

Паркер, подойдя к осиротевшей любовнице Тифтуса, наклонился к ней, и негромко сказал:

– Давай не будем ссориться. Твоего несчастного Адольфа я не убивал, я в это время был с тем толстым капитаном, так что претензии – не по адресу...

Полицейские замолчали, но лица их были безучастны. Из-под копны пшеничных волос на Паркера недоверчиво смотрели серые, чуть раскосые глаза. Никакой косметики на бронзовом лице не было. Она прищурилась, выпустив неровное колечко дыма.

– Не верю тебе. Кто же его тогда?.. – Паркер поднес руку к разбитой скуле.

– Тот же, кто и меня... И одним орудием. – Полицейский заметил:

– А по-моему, вы не должны разговаривать...

– Найди на окраине дом Джозефа Шардина. Я буду тебя ждать. Приезжай ко мне после допроса.

– Ничего себе предложение на ночь глядя от незнакомого мужчины, – усмехнулась она, поправляя на ослепительных бронзовых коленях короткую серую узкую юбку. Она сидела все так же, нога на ногу, только теперь вдобавок ритмично покачивала висящей над полом дорогой туфелькой.

Паркер посмотрел на нее долгим взглядом и так же негромко сказал, подчеркивая каждое слово и делая глубокие паузы:

– Твой Тифтус буквально атаковал меня все утро. Я отделялся от него как мог. Но я абсолютно чист перед ним. А тебя я видел единственный раз – ты стояла там, у стойки портье, когда вы вселялись, в таком белом плащике, очень тебе идущем...

Она коснулась его руки длинными тонкими пальцами с прозрачным нежно-розовым лаком на крепких овальных ногтях:

– Я совершенно тебе не верю, но слова твои обдумую... – Руки у нее были такие же красивые, как ноги. Полицейский сказал, теряя терпение:

– Вы кончите наконец трепаться, или вас разводить силой? Паркер повернулся к нему.

– Скажи, пожалуйста, ты ведь работаешь на Янгера, ты здешний?

– Отстань от меня, я при исполнении... Да, Янгер – мой начальник. Но ее вон велел привести Риган, – кивнул полицейский на сероглазую.

– Так вот, Янгеру и доложи о нашем с ней разговоре...

– Для чего это? – насупился полицейский.

– А ты разве еще не понял, как твой капитан относится к этому Ригану? Думаю, он совсем не рвется снабжать залетную пташку дополнительной информацией...

– Ладно. Доложу Янгеру, – подумав, сказал полицейский. Его напарник все это время старательно связывал порвавшийся в ботинке шнурок.

– Превосходно... Так я жду, Ронда... Серые, чуть раскосые глаза глянули на него с веселым изумлением: так он, оказывается, знает и помнит ее имя?

Глава 4

Над пустырями уже догорала малиновая – к ветру! – заря; перистые облака фантастически розовели в совсем зеленом на западе небе.

Паркер галантно отворил дверь:

– Милости прошу, Ронда...

Она успела переодеться и что-то сделала со своим лицом. Бирюзовые, с серебряной пыльцой веки, словно крылья тропических бабочек, чудесно подчеркивали серый цвет глаз, придавая им призрачную, обманчивую синеву. Свои хорошего и точного рисунка губы она чуть тронула нежно-розовой помадой; румянец на щеках был естественный, от быстрой ходьбы и волнения. Серый костюм Ронда сменила на строгий черный.

Она явно смущалась и от неуверенности старалась вести себя лихо и независимо, поэтому сказала немного невпопад:

– Интересно, что за дела у тебя с этим Янгером? Ведь он, между прочим, полицейский...

– Именно так! – Затворив дверь, Паркер провел Ронду в гостиную. – Располагайся, пожалуйста.

– Я бы, пожалуй, чего-нибудь выпила после всех этих допросов... – У нее был вид школьницы, свалившей наконец с плеч экзамены.

– Прости, но похозяйничай на кухне сама...

– Ничего себе! Сам пригласил в гости и сам не уделяет внимания!.. – Она стояла перед ним, чуть покачиваясь на каблуках. Духи у нее были просто шикарные...

Паркер снисходительно посмотрел сверху вниз в ее меняющиеся цвет глаза и еле заметно улыбнулся.

– У меня совсем нет времени. Я не лукавлю. Вот-вот подойдет Янгер. Он должен буквально прибежать сюда.

– Зачем это?

Паркер укоризненно покачал головой.

– Будь умной девочкой. Вернее, будь наконец деловой дамочкой... В любом случае – ты наследница доли Тифтуса. Это тебе интересно?

– О, даже так?.. У тебя что, ко всем вдовам трогательная слабость?

– Перестань смеяться... Ты у нас, что ли, Ронда Тифтус?

– Избави Боже... Я только не пойму, зачем тебе нужна... –

Она стояла под люстрой, опустив бирюзовые перламутровые веки, так, что на щеки упала зубчатая тень от черных длинных ресниц. – Ты, может, захотел заместить этого бедного Тифтуса?

– Нет, – почти не солгал Паркер. Во-первых, он не мог так, сразу, переключиться на нее, – в Майами у него остался любовный роман в полном разгаре; во-вторых, и это, честно говоря, было самое главное, — женщины страстно волновали его только по завершении дела. В ходе операции он не позволял себе никаких расслаблений... Сейчас он включился в

дело – хоть и не напрямую относящееся к его специализации.

Паркер бережно поправил чуть завернувшийся бархатный воротничок Рондиного траурного костюма.

– Пока нет! – Улыбаться ему было все еще больно. Ронда отошла от него и присела в стоящее у окна кресло, не забыв при этом положить одну свою бронзовую ножку на другую. Она запустила руку в свои пшеничные волосы, немилосердно взбивая и растрепывая их. Впрочем, это ей шло еще больше.

– Значит, так... – произнесла она, в раздумье склонив голову и чертя своим нежно-розовым ноготком по колену, словно обсуждала с подругой какой-нибудь выходящий за рамки разумных мечтаний наряд. – Ты видел меня выходящей из душа. Но сейчас на такие вещи не клонешь. Ты, стало быть, деловой мужик. Зачем же меня позвал?

– Прости за немислимое сейчас для тебя занудство, но мне надо узнать расклад... Я честно тебе скажу все, как есть: Тифтус ведь явился сюда не затем, чтобы здесь погулять и отдохнуть с тобой, – для этого существуют места пошикарнее... Янгер тут рыщет не хуже сыскного пса, все что-то вынюхивает. Убийца Тифтуса ведет со своей стороны неустанные поиски... И все почему-то считали или считают, что информация сходится ко мне, но я ей не владею, понимаешь?

– Отчего же?

– А я просто не знаю, что все ищут...

Ронда воззрилась на него с детским изумлением.

– Да ты что? – Она откинулась на кресло и, забыв, что должна держать осанку и позу фотомодели, заливисто расхохоталась, мотая головой и болтая в воздухе ногами.

Паркер нетерпеливо смотрел на нее; впрочем, самому ему улыбаться было решительно больно.

– Послушай, прекрати... Мне известно лишь, что все ниточки ведут в Джо Ширу...

– А кто это – Джо Шир? Паркер обвел рукой гостиную.

– Ты сейчас в его доме.

– Да? А я-то думала, что дом принадлежал Джозефу Шардину, я и адрес этот, между прочим, нашла в телефонном справочнике против такого имени...

– Ну не важно... Он сменил недавно фамилию... Не в этом дело. Тебе Тифтус хоть намекал, зачем он сюда приехал?

– Ага.

– Зачем?

– Да за деньгами, – сказала она так, словно речь шла об английских булавках или бананах.

– За какими? Что он искал, если точнее: наличные, бриллианты, золото?

Ронда, подняв плечи, поглядела вдруг на него с грустью, чуть ли не с материнской улыбкой; впрочем, она тут же снова превратилась в шаловливую школьницу.

– А мне без разницы. Деньги и деньги. Он мне все твердил, что у нас будет сто тысяч, а то и больше.

– Деньги от Джо Ширы? Или деньги от Джо Шардина? –

спросил ее Паркер.

– Да понятия не имею... Я и так тебе сказала все, что знаю.

– Хорошо. А Тифтус хоть называл такое имя: “Джо”? – Ни разу. Он ничегошеньки не рассказывал о делах, только вот все твердил про сто тысяч. А так – ни одну фамилию не называл. О тебе только сказал, когда мы стояли с ним у стойки портье: “Надо же! Посмотри вон на того, высокого, который вошел в вестибюль, – это мой старый знакомый...” Мы едва успели вселиться, как он побежал к тебе... Паркер посмотрел на часы.

– Ты хотела похозяйничать на кухне... Бутылки в буфете.

– Очень мило с твоей стороны. – Она легко поднялась и простучала каблуками в святилище старого Джо, с полом цвета морской волны и канареечным ситчиком занавесок.

Паркер посмотрел в окно гостиной. В сгущающихся сумерках он увидел неотрывно глядящее на него лицо соседского малого лет восемнадцати – девятнадцати. Малый, видимо, уже давно занимал наблюдательный пост на крыльце своего роскошного, по сравнению с Джошировским, коттеджа. Паркер почувствовал себя неудобно.

Посторонние люди, зачем-то посещающие дом умершего, несомненно, уже взбудоражили всех соседей. Паркера вовсе не устраивала перспектива быть объектом вечного заинтересованного внимания обывателей. Тем более, что ноль информации, который Паркер мысленно нарисовал перед собой в воздухе, как был, так и остался овальным и правиль-

ным ноле, не претерпев никаких превращений.

Как выглядят сто тысяч: может, это кирпичики наличных в банковских упаковках; может, какое-нибудь вспыхивающее радужными огоньками кольцо в черном бархатном футляре; меньше всего шансов – что это музейные вещи, какие-нибудь бесцветные полотна – для хранения их необходимы специальные условия...

И уж не эта ли женщина-девочка, простучавшая каблучками сейчас мимо него на кухню, убила доверчивого Тифтуса; она совсем не так проста, как показалась на первый взгляд; она может знать тайну, но скрывает ее, вооруженная всей тысячелетней хитростью и мудростью лукавой своей породы...

Ведь в подвале напал на него не Тифтус. Но и не женщина. И не Янгер. Напал на него некто, явно неизвестный, готовый охранять этот дом от любого вторжения, нацеленный на то, что надо; пусть торопясь и промахиваясь, – но убивать...

И это был не профессиональный убийца. В который раз прокручивая в голове удар из подвальной темноты, Паркер все более утверждался в догадке, что работал именно любитель. Ведь и убийство Тифтуса, по сути, абсолютно бесцельное и бессмысленное, ничего не смогло дать убийце, кроме того, что вызвало переполох полиции, и теперь тому же убийце надо держать ухо востро... Этот, с мешком на голове и лопатой, явно из местных. А может, Глифф? Или доктор Рейборн? Ведь Паркер о каждом из них имел самые смутные

и поверхностные представления. Надо спросить о них Янгера...

Но сейчас ему надо было пойти поглядеть на Бронзовую Ронду, как он назвал ее про себя, посмеиваясь над величавостью сошедшихся в этом сочетании созвучий.

Он прикрыл окно непроницаемой для взгляда с улицы кружевной шторой, и тихо вошел на кухню.

Бронзовая Ронда увлеченно перерывала всю кухню, как девочка, которая знает, что где-то здесь спрятана карамель, но где именно – непонятно. Она сначала испугалась, потом смутилась, потом, тряхнув головой, засмеялась. Он взял ее за плечи и подержал секунд сорок. Пшеничный локон, спадающий на шею, был светлее остальных, – она поправляла его пальцами, испачканными в муке. Он осторожно подул на этот упрямый локон.

Но улыбаться было все-таки больно. Паркер шутливо погрозил Бронзовой Ронде пальцем.

– Ай-я-яй!.. Тут я сам разберусь...

– Никак не могу найти для коктейлей соломинки, – лукаво посетовала она.

– Лучше ступай последи за улицей. Не отодвигай шторы на окне в гостиной – смотри сквозь нее, чтобы тебя не было видно снаружи. Скажешь мне, когда увидишь Янгера, а сама быстро выйдешь вот здесь, через заднее крыльцо. Поезжай в отель, сиди в номере, никуда не суй свой хорошенький нос. Я позвоню тебе ночью.

– А ты что будешь делать? Все тут обыскивать?

– Я продолжу поиск соломинок для коктейлей.

– И ты, что ли, правда отдашь мне деньги, если найдешь? –

Ну конечно...

– О, я бы тогда стала богатая дама! – Она повернулась на одном каблучке и чуть ли не вприпрыжку побежала в гостиную.

Глава 5

Совсем стемнело. Янгер был мрачнее тучи, когда Паркер открыл ему парадную дверь.

– Этот Риган мне – вот как в горле кость! – с отчаянием сказал он, поднимая к потолку покрасневшие от табачного дыма глаза. – Господи, я рапорт на него напишу!

– Какого он мнения о нас? – спросил Паркер, запирая входную дверь.

– Плевать на его мнение! Хозяин в городе – я...

– Правильно, – одобрил Паркер. – Пойдем в гостиную. Янгер спросил на ходу:

– Что за переговоры ты ведешь с этой Сэмуэльс?

– С кем, с кем?

– Ну, с любовницей убитого, Рондой Сэмуэльс, она ведь отеклась на допросе от всего, что говорила прежде. Чем ты ее обольстил?

– Да ничем особенным, – слукавил Паркер. Он еще слышал в гостиной запах ее страшно дорогих французских духов.

Усевшись, как и в прошлый раз на облюбованной кушетке, Янгер опять сделал сенсационное сообщение:

– Я вот немного подумал...

– Ну-ну!

– ...и пришел к выводу, что один и тот же хмырь копал в

подвале, а потом убил твоего Типуса, тьфу, то есть Тифтуса...

Предположить это мог даже книжный шкаф, умей он разговаривать. Паркер подошел к окну и незаметно отогнул уголок тяжелой портьеры, – он занавесил ею ту, непроницаемую кружевную штору, когда включил в доме свет. Молодой человек больше не маячил на соседнем крыльце. Паркер поправил портьеру и закурил сигарету. Бронзовая Ронда была сейчас на пути в отель.

Янгер все воздвигал свои восхитительные словесные цельнометаллические конструкции:

– ...и этот убийца не нашел ничего. Если бы копал в подвале и нашел, навряд ли он бы помчался в отель убивать твоего, э-э, тьфу, напарника ни за понюх табака...

Паркер пустил ровное, голубовато-серое колечко дыма, – оно все расходилось концентрическими оборками, редело и расточилось совсем в старомодном тепле и уюте освещенного светом жилья.

– А что будет, если Риган отыщет убийцу?

– Думаешь, этот козел в очках сумеет? Знаешь, Виллис, Риган может наезжать сюда на гастроли сколько захочет, но главный хозяин в городе все-таки я. Пусть он даже арестует кого-нибудь, потешит душеньку. Но дело все равно висит на моей шее. И убийцу я найду сам, и посажу в здешнюю тюрьму, так что все концы в воду...

– А Глифф? А доктор Рейборн? Их не подозреваешь?

– При чем тут они? Им-то как раз ничего не известно.

– Но они в курсе дела... Когда я появился у Глиффа – он позвонил тебе; Рейборну ты сам велел меня задержать. Так?

– Ну так... Но они ничего не знают о деньгах старика, это я тебе говорю...

Зная идиотскую самонадеянность Янгера, Паркер счел нужным подстраховаться:

– Все же прошу-кай их. Где, например, были тот и другой, когда меня свалили с ног в подвале и когда убили Тифтуса...

– Да ладно тебе. Я могу их проверить, пожалуйста, но в этом нет смысла.

– Все. Покончили со второстепенным. Давай о деле. – Паркер сел в кресло у круглого стола в центре гостиной. Он ждал информацию. – Как думаешь, где стариков тайник? Здесь, в доме?

Он прекрасно знал, что в доме ничего нет, потому что в ожидании Янгера завершил обследование, начатое нынешним утром.

Он побывал в подвале, не найдя там ничего, кроме вырытой в земле ямы; поднимался он и на засыпанный чередующимися слоями опилок и шлака чердак. Там было пыльно, сумрачно и абсолютно пусто. Паркер спустился оттуда, стряхивая с себя приставшую пыль и обирая налипшую паутину.

С Янгером он продолжал играть роль ничего не знающего дурачка. Капитан был настроен энергичней и решительней обычного.

– Нет, и еще раз нет! В доме нет ни цента. Была тысяча

долларов в желтой банке с мукой, но это все, что я нашел. Паркер и бровью не повел.

– А как ты узнал?

– Виллис, может я, конечно, произвожу впечатление идиота, но я им не являюсь... Распространенная ошибка людей, плохо знающих меня: думать обо мне хуже, чем я есть на самом деле. Джо Шир вот как раз так и думал...

– Ну хорошо... Думаешь, сто тысяч долларов где-то за пределами дома?

– Что-что? Мальчик, что за детские представления о крупных суммах? Не смей меня, пожалуйста. Ничего-то ты, оказывается, не знаешь...

– Да? – растерянно спросил Паркер, забыв стряхнуть вовремя со своей сигареты рыхлый белесый столбик пепла. – А сколько?

– Сколько? – Янгер поднялся с кушетки и, подойдя к столу, поставил локти на вязаную скатерть напротив Паркера, чтобы иметь удовольствие увидеть его потрясенное лицо в момент своего торжества. – Сколько, ты спрашиваешь? По моим сведениям, – полмиллиона. Не исключено, что больше...

Паркер оторопело смотрел на сдобное, подсвеченное сверху люстрой лицо капитана. Полмиллиона! Да еще наличными! Нет, Янгер положительно сошел с ума. Полмиллиона долларов сразу – такой пай Джо Шир и в руках не держал. Но если бы держал... Что он, осел, как этот капитан, чтобы

хранить наличные в чулке? Это старый-то грабитель банков, взломщик сейфов! Он лучше других знал способы безопасного и прибыльного хранения денег.

Нет, ну это, конечно, сказка... Шалость разгоряченного воображения... Фата-моргана. Кочующий мираж пустыни... Тифтус, Янгер и кто-то еще преследовали радужный мыльный шар. Тифтус, мир его душе, был все-таки недалек, Янгер паталогически алчен, а третий, судя по всему, дилетант. И самое обидное, что все события, как снежный ком, выросли из пустяка, из горсти сжатого в горячей ладони снега, к ней прилип еще снег, и еще, и вот покатился шар...

Паркер неверяще покачал головой. Однако кто-то сжимал снег в горячей горсти, кто-то катил снежный ком, кто-то подсчитывал эту сверхъестественную по меркам простого обывателя сумму. Паркер должен был знать!

– Я умираю от любопытства, Янгер. Бога ради, подробности! Откуда такая цифра?

– Так сделалось, – смиренно ответил Янгер с интонацией верующего, которого просят привести доказательства существования божества, а он лишь твердит: “Так сделалось...” – Так сосчиталось; вот и все тут. Но я перепроверял – меньше не получается.

– И ты мне покажешь расчеты?

Янгеру не следовало в этот момент смотреть на Паркера, да он и не смотрел. Он; не задумываясь, сказал:

– Покажу, – и достал из внутреннего кармана своего ко-

ричневого пиджака узенький тонкий конверт. – Вот все цифровые выкладки, с общим итогом. Верно, как в аптеке!

В конверте было два листа бумаги. Один из них Янгер развернул на вязаной скатерти, другой аккуратно спрятал назад в конверт. Обращался он с бумагами крайне бережно.

– Посмотри сам!

Паркер придвинул к себе лист, и, словно кто-то хлестнул по глазам, на мгновение прикрыл их: весь лист, сверху до низу, был исписан характерным, угловатым почерком Джо Шира. Это оказался длинный перечень, разбитый на три колонст.: год, название города, цифра. Он пробежал глазами начало:

“1915 Луисвилль 12000

1915 Сакраменто 14500

1916 Нью-Йорк 9000...”

Перечень шел до самого низа страницы. Там, под чертой, была выставлена итоговая цифра 1 876 000. Эту сумму, нацарапанную иным почерком и другими, отличными от предыдущих, чернилами, подсчитал, вероятно, на досуге лично капитан Янгер.

Тот горделиво спросил:

– Ну, теперь видишь? Это тебе не хухры-мухры, тут полный послужной список Джо Шира, с девятьсот пятнадцатого, когда у него был, кхм, дебют, и до того времени, как он завязал. Каждая строчка – год, город, сумма... А внизу – мой подсчет – бешеное количество денег, почти два миллиона

долларов. Вот оно: пятьдесят семь ограблений – и это все за сорок три года; можно сойти с ума – почти два миллиона долларов...

– И что? – спросил Паркер. Капитан все же был, вероятно, со сдвигом.

На Янгера было страшно смотреть. Он заговорил как в бреду:

– Я вывел сумму его расходов за год. Среднестатистическую. Деньги у него были бешеные, но тратить много он не мог из осторожности. Кто он был, так сказать, легально? Нормальный обыватель, жил тихо, неприхотливо, в последние годы стал получать пенсию... Он не должен был шиковать, чтобы не вызвать подозрения, поэтому я рассчитал – старик мог от силы тратить двадцать пять тысяч в год. А может, и того меньше. А вдруг больше?

– Ты что? Куда это можно ухнуть такие деньжищи? Это совершенно исключено! – Категоричность и ограниченность Янгера в сочетании были очаровательны. – Конечно, если ты натуральный миллионер, все можно... Но у Джо Ширы в его положении рука бы не поднялась отстегнуть лишнюю тысячу.

Паркер мысленно фыркнул. У него самого рука довольно часто поднималась отстегнуть сумму в несколько раз большую, чем двадцать пять тысяч. То же самое можно было сказать и о старом ветренике Джо. Но Янгер никогда не имел двадцать пять тысяч в год, и думал об этой сумме с благого-

вейным ужасом мелкого скопидома и домашнего скряги. Но его можно было понять и простить.

Между тем, Янгер, как некую драгоценность, достал из конверта второй листок.

– Погляди теперь сюда...

По левую сторону листа шел столбик цифр, но не цифры; а список фамилий сразу бросился Паркеру в глаза. Он прочел: Лумис, Мак-Кей, Паркер, Литтлфилд, Клипер – примерно тридцать сообщников, участвовавших в разные годы в операциях, разработанных Джо Широм... Весь этот второй лист – колонка цифр и столбец имен (а суммы были те же самые, что и на первом листе, но здесь откинули за ненужностью города и годы), – так вот, весь второй лист был испи-сан той рукой, что выводила итоговую сумму на первом...

Янгер с гигантской гордостью кивнул на расправленную бумагу.

– Ну и как тебе? Кстати, между нами, в этом списке фамилий может быть и твоя настоящая, ты ведь не думаешь, что я поверил в Чарльза Виллиса...

В этот самый момент Паркер впервые глянул на него как на окончательно приговоренного к смертной казни.

– Слушаю тебя, – негромко сказал он.

Янгер поднял глаза от бумаги, и с его лица сошла улыбка. Торжество в его взгляде сменилось растерянностью, а растерянность – паникой. Он закашлялся и опустил глаза.

– Вот, – хрипло сказал он. – Все тут. Все основное тут.

Паркер выжидательно скрестил руки на груди и откинулся в кресле. Больше он Янгера не перебивал.

Янгер торопливо закурил сигару, снова склонился к листу и начал объяснять, постепенно воодушевляясь от собственных выкладок:

– Итак, за сорок три года к Ширу сошлось почти два миллиона, а точнее – миллион восемьсот семьдесят шесть тысяч долларов. Я определил, что двадцать пять тысяч в год он расходовал. И вот этот среднегодовой доход я умножаю на сорок три года, и получаю миллион семьдесят пять тысяч. Что осталось от общей суммы при вычете? Восемьсот одна тысяча долларов!.. Ну, округлю – пусть будет восемьсот тысяч, это неистраченная сумма, ты слышишь, Виллис, и она больше, чем полмиллиона...

Паркер, сидя все так же, молча кивнул. Янгер бешено возводил постройку из мыльных пузырей, и мешать ему теперь не следовало. Янгер испытывал поистине наркотическое возбуждение, манипулируя на бумаге сотнями тысяч долларов, никогда не принадлежавших ему и принадлежать уже явно не могущих.

– Джо Шир мне представил документы – у него были ценные бумаги где-то на сто двадцать тысяч, официально они, якобы и приносили доход. Остаток в шестьсот восемьдесят тысяч он припрятал, боясь разоблачений. И если даже он пять лет назад ухлопал какие-то денежки на этот дом, все равно у него осталось полмиллиона. Но это по меньшей ме-

ре! И по самым грубым, приблизительным моим выкладками: ведь в свои молодые годы он просто не тратил на себя такую уйму денег... Так что по всем резонам мы с тобой должны рассчитывать на сумму, более, чем полмиллиона...

Паркер поднялся из-за стола. Да, Тифтус, при всей своей недалекости, более точно оценил гипотетическое наследство Джо Шира. Но ею фантазия не шла дальше наличных, – уж сам-то он хранил бы деньги б чулке, либо закопал под вязом... А вот Джо Шир, стреляный воробей, догадался купить все время растущие в цене акции какой-нибудь нефтяной компании. Паркер закурил сигарету.

– Со стариком ты обо всем этом говорил?

– . А то... Что ж, с потолка, я, по-твоему, взял эти суммы? – Янгер аккуратно сложил оба листа и засунул в конверт. – И суммы, и фамилии... Все из первых рук, от самого Джо Шира.

– Но сам-то он что тебе говорил про эти полмиллиона?

– А!.. Он мне такую лапшу стал вешать на уши, хоть стой, хоть падай. Примерно то же, что лепишь сейчас мне ты...

– Нельзя ли конкретнее?..

– Ну, он чуть ли не бил себя в грудь, убеждая меня, что истратил все. Мол, не привык считать деньги, жил в свое удовольствие, не думал о завтрашнем дне, потакал своим слабостям. Всякую такую лабуду... И, мол, все, что осталось, – это сто двадцать тысяч в ценных бумагах...

– А почему ты не поверил?

– Ох, Виллис, не будь наивным... Я знаю, что говорю. Когда я немного прижал старика, он рысью побежал и принес тысячу долларов из банки с мукой. И еще говорил, что вот свяжется со своими акционерными обществами, продаст ценные бумаги и выложит мне эти сто двадцать тысяч до последнего цента... Ты сам подумай, разве отдают все подчистую, когда нет в тайнике ничего про запас?

Паркер похоронно кивнул. Он все понял теперь.

– Да если бы он не отдал концы, я сыскал бы и эту заначку, – с явной досадой обмолвился Янгер.

Стоп! Вон оно что! Вот на какие сложности намекал в письме старик, вот что его подкосило!

Джо все бросил в ненасытную пасть этого чудовища – последние, из неприкосновенного стариковского запаса, деньги, фамилии друзей... Еще добро, хоть не их адреса... Смерть ему не дала. А у этого дракона лишь возрастали аппетиты...

– Ну, сознайся, все же, я не такой идиот, каким тебе представлялся?

Паркер посмотрел на него долгим взглядом и бесцветно ответил:

– Нет, ты не такой идиот...

– И полмиллиона где-то нас ждет, просто вот где-то томится... – как детскую песенку-считалку проскандировал Янгер; к нему вновь вернулось отличное настроение, он был счастлив. – Эх, Виллис, признай хоть теперь, прав я в своих догадках?

– Да. Мы найдем конец нитки и распутаем весь клубок, – как механизм, ответил Паркер. – Не волнуйся, мы все отыщем...

– А еще бы не отыскать, – солидно сказал Янгер. Идиотски-блаженная улыбка не сходила с его распаленного, маслянисто-лоснящегося лица.

Часть третья

Глава 1

Господь дал Эбнеру Л. Янгеру и природный ум, и врожденный здравый смысл, сподобил его повидать немало: тридцать семь штатов Америки, четырнадцать стран, и среди них Англия, Германия, Япония, Египет... Да и оттрубить тридцать лет в армии Соединенных Штатов, – это, как выразился бы Янгер, – “не хухры-мухры”... С такой службы увольняются в запас людьми бывалыми, умудренными...

В ту Великую Депрессию, охватившую Америку, отец Эбнера долго не мог сыскать никакой работы. Семья влачила жалкое существование. Именно тогда двадцатилетний Эбнер и стал рядовым армии США, – уж она-то, по крайней мере, могла обеспечить оголодавшему сагаморскому простофиле трехразовое нормальное питание да крышу над головой.

Очередные воинские звания присваивались в те суровые времена весьма неохотно; но вот в 1941 году грянула Вторая Мировая, и Янгер сразу стал рядовым первого класса. Тот, кто был предусмотрителен и находчив, во время войны пристроился к дармовым кормушкам да к непыльным, теплым местечкам... Янгер к этому времени уже стал и на-

ходчивым, и предусмотрительным, и пересидел всю войну в учебно-тренировочном лагере, став к ее исходу уже младшим сержантом.

После двадцати лет воинской выслуги он имел полное право уйти на заслуженный отдых, однако Янгер уже научился к тому времени держать нос по ветру. И чуткий нос его сказал, вероятно, своему обладателю следующее: “Янгер, старина, зачем ты рвешься уходить из армии на невидную пенсию младшего сержанта” Добро бы тебя ждал кто-то на гражданке... Дослужись до нашивок старшего сержанта, потяни эту привычную тебе ляжку еще десять лет – они пройдут на привычных кругах незаметно! – но у тебя будет пенсия, а не кошачьи слезы...”

Итак, Янгер отслужил дополнительных десять лет. Подходило время оформления вождеденной пенсии; в ведомстве, оформляющем документы, у Янгера осведомились, на какой адрес направлять будущие пенсионные чеки.

Янгер несколько растерялся. Он как-то не успел для себя решить, где же будет его пристанище. Перебрав в памяти всех родственников, с которыми давным-давно оборвал все связи, вспомнил отца и мать, незаметно проживших и незаметно умерших в Сагаморе, и обнаружил, что он, в общем-то, в мире один, как перст. Кроме адреса молодости, ничто как-то не приходило ему на ум, и Янгер продиктовал чиновнику, занимавшемуся его особой, временный, как он подчеркнул, адрес: “Сагамор, Небраска. До востребования”.

Вернувшись в свой маленький, уютный городок, где все всех знали, Янгер вдруг почувствовал, что уезжать отсюда, собственно, у него нет ни малейшего желания... Янгер стал в Сагаморе членом Клуба ветеранов Американского легиона, перезнакомился со всеми зажиточными горожанами, и стал жить припеваючи, имея бездну свободного времени и жизнь вполне обеспеченную.

Было ему в то время всего лишь пятьдесят лет. Прошло совсем немного времени, и Янгер как-то странно затомился на свободе. Пенсия при ближайшем рассмотрении оказалась не так уж и велика, увлечений у него не было, книги он не читал никогда, в бридж играть не любил.

Он заметил за собой все возрастающий интерес к еде, все костюмы скоро начали на нем трещать по швам; ел он много и часто, особенно любил плотно наесться на ночь. Спал Янгер чуть не до полудня, а все свободное время проводил, прилепившись к экрану телевизора, и не только дома, но и в гостиной Клуба ветеранов легиона. У него стало побаливать образовавшееся к тому времени брюхо – от неумеренного курения и беспорядочной частой выпивки.

Янгер уже с тоской вспоминал то блаженное время, когда, надев утром форму, он целый день в необходимом месте выполнял точно поставленные задачи, прислушивался к вышестоящим, распекал и мелочно тиранил нижестоящих...

И вот в Клубе он случайно услышал, что появилась вакансия: выходит на пенсию капитан Грин, а приемника ему сис-

кать не так-то просто: среди городских полицейских нет достойной кандидатуры, а человека со стороны даже и приглашать неловко на столь мизерное жалованье... Увеличить же его не позволяет и без того тощий муниципальный бюджет.

Янгер воспламенился мгновенно и всерьез. Он хотел быть капитаном, и он стал им!

Не рядовым, не рядовым первого класса, не младшим и не старшим сержантом – но капитаном. Нынешнее звание было для него самого ничуть не ниже генеральского – ведь во всей округе больше не было капитана, шефа полиции, у которого под началом работали аж семнадцать полицейских!

Он долго обдумывал служебный костюм, соответствующий его нынешнему высокому положению, даже отдал перешить брюки для верховой езды, а в дополнение к ним надевал темно-синюю форменную куртку и форменную же фуражку. Но сбросить лишний вес ему так и не удалось, форма сидела на нем смехотворно неловко, и Янгер стал проигрывать для себя вариант штатской одежды (его новое положение давало такие преимущества).

Тут в душе Янгера начались борения. В форменной одежде он во всей красе являл миру свой ранг капитана, а одежда гражданская делала из него весьма склонного к полноте обывателя – и не более того... Он долго прикидывал и отвергал самые разные варианты, наконец, пошел на компромисс: приобрел ковбойскую шляпу. Что лучше, чем солидная, какого-нибудь бежевого цвета ковбойская шляпа, может на-

мекнуть о недюжинном характере того, кто ее носит? Поистине, есть определенная пикантность в этом сочетании: какого-нибудь хорошего костюма-тройки – и ковбойской шляпы... Просто и удобно в штатском костюме полнеющему не по дням а по часам организму, тепло и уютно в шляпе голове – не продуют ее вечные сквозняки, гуляющие в машине...

Янгер взобрался на свою вершину в пятьдесят один год. Он получил все, что хотел: вес и положение в обществе, должность шефа городской полиции, недавно его избрали секретарем Клуба ветеранов...

И тут судьба подсунула ему под руку роскошный кусок пирога. Правда, чужого... Но это было не суть важно.

Все свершилось почти само собой. Приступив к работе, Янгер взялся за дело с безумной энергией: ему папками носили на прочтение пожелтевший пыльный архив, он выстроил четкий график несения патрульно-постовых дежурств на дорогах Сагамора, затеял служебную переписку с шерифом штата... Он вздумал узнать в своем сумасшедшем рвении лично каждого жителя, чтобы навести порядок во всей его красе и силе в этом пыльном, глухом, затерянном среди сельскохозяйственных равнин городке. Янгера интересовало все: социальный статус и семейное положение каждого обывателя, его почтовые отправления, его доходы, его чистота пред законом (если закон не утверждал обратное).

Но томительно-скучен оказался город Сагамор. Отбушевав и отхулиганив во дни своей юности, молодые люди поки-

дали родные места, уезжая на поиски счастья в большие города. Люди постарше ничем не интересовались, кроме своих (или чужих) жен, кроме детей, машин, коттеджей, пива и газонов...

Общую картину захолустной ни шаткой ни валкой жизни Янгер составил довольно быстро, а составив – заскучал... Но был один человек, которые никак не вписывался в эту картину, все время чем-то раздражая и притягивая шефа полиции. Звали его Джозеф Т. Шардин.

О нем было известно совсем немного. Пять лет назад, став пенсионером, он купил в Сагаморе дом. Довольно часто ездил в Омаху, когда дня на два, когда на неделю. Изредка к нему приезжали гости – абсолютно незнакомые всему Сагамору личности. Здесь, в городке, у Шардина родственников не было, поговаривали, что кто-то есть в Омахе...

Янгер, как ни старался, так и не смог определить, кем же был Шардин до выхода на пенсию, ничем не смогли ему помочь и в сагаморском банке: у Шардина был счет, и на него время от времени перечислялись дивиденды от каких-то акционерных компаний, поступали небольшие деньги по социальному страхованию, однако это было и все...

Закрытость и неподатливость шардинской жизни только подхлестывала и раззадоривала Янгера. Так недоступная женщина притягивает и манит, как манила и притягивала капитана тайна Джозефа Шардина... Впрочем, с приличными женщинами у Янгера почему-то всегда возникали проблемы.

Надо сказать, полицейский занимался поначалу Шардиным лишь на чистом энтузиазме, в силу своей идиотской добро-совестности. Он “разминался” на новой работе, пытался объ-ять необъятное и надеялся с налету разрешить для себя за-интересовавший его такой нетипичный случай Шардина.

Люди, общавшиеся с таинственным приезжим, никакой новой информации Янгеру не дали. Пришлось обратиться за разъяснениями к самому объекту исследования. Янгер нашел молодого простоватого патрульного, способного вы-полнить отведенную ему роль переписчика населения. Этот весьма ограниченный молодой человек с потрясающе стан-дартной внешностью, справился с делом лучше некуда. Ян-гер внес в стандартную анкету четыре лишних пункта, и по-мимо вопросов о возрасте и количестве домочадцев надо бы-ло назвать место рождения, основную профессию, последнее место работы, и, как минимум, три последних адреса, кото-рые сменил в разного рода переездах...

Ничего не подозревающий Джозеф Шардин ответил на всю анкету с легкостью необыкновенной.

Все четыре ответа при проверке оказались липовыми...

Шардин написал, что родился в Гаррисберге. Янгер запро-сил в архивах Гаррисберга подтверждение, что Джозеф Т. Шардин родился именно здесь 12 января 1894 года.

Из архивов бесстрастно ответили, что запись об этом в муниципальной книге регистрации отсутствует.

Шардин указал профессию – “менеджер со спортивным

уклоном”, и разъяснил, что занимался рекламой и организацией боксерских состязаний на востоке Америки, преимущественно в штатах Нью-Йорк и Пенсильвания. Янгер послал запрос в Федерации бокса обеих штатов – ему единодушно ответили, что интересующее мистера Янгера имя в архивах не значится.

Местом последней своей работы Шардин назвал компанию “Мидстейт арена атрэкшнз” в штате Пенсильвания. Янгер направил запрос в пенсильванский город Скрэнтон – ему вернули его же конверт с сакраментальной пометкой “адресат неизвестен”...

Суммируя свои впечатления, Янгер понял одно: он случайно нащупал того, кто был связан с дельцами теневой экономики, – отсюда и несколько странные источники доходов, и умышленное искажение биографических сведений, открывшееся лишь вследствие Янговых запросов в разные места.

Капитан пошел дальше по пути своего частного расследования. Выбрав момент, когда Шардин отправился в Омаху, Янгер, воспользовавшись отмычкой, посетил его домик, чтобы снять отпечатки пальцев. Капитан специально взял несколько уроков у техника-криминалиста, и довольно ловко справился с делом: в уютной кухоньке Шардина он обнаружил в сушилке стакан, который старик не счел нужным тщательно протереть посудным полотенцем. На стекле Янгер обнаружил три восхитительно четких отпечатка, и пере-

снял их. В участке он проявил пленку и, не мешкая, отправил снимки в Федеральное бюро расследований в Вашингтон. Он принялся терпеливо ждать, – письма ли, звонка ли, – и промаяться ему пришлось целую неделю.

Из отделения ФБР в Омахе позвонил агент, сразу взявший быка за рога:

– Я по поводу отпечатков, отправленных вами в Вашингтон...

– Что, они есть в картотеке?

Но агенты ФБР не отвечают на вопросы, они задают их сами:

– Послушайте, капитан, как они к вам попали?

У Янгера похолодело между лопаток... Вон оно что! Стало быть, Шардин секретный агент, а он, Янгер, чуть было не “засветил” его в своем идиотском расследовательском рвении...

Но, с другой стороны, Шардину уже за семьдесят, да и какой из него, к шутам собачьим, секретный агент? И чего бы матерому шпиону и разведчику делать в Сагаморе? Разве что разведывать, как на колбасной фабрике изготавливают колбасы?

Собеседник на том конце провода подождал и нетерпеливо осведомился:

– Капитан, вы не заснули там? Где взяли отпечатки?

– А? Да, да, это, знаете, здесь на прошлой неделе забрались в винный магазин, мы сняли оставленные всюду отпе-

чатки пальцев, но они не совпадают...

– Очень странно, – перебил его фэбээрщик, – он – и грабеж винного магазина?.. Да, вот бы не подумал...

– Кто, кто он, тот, чьи отпечатки я отправил? – Янгер так сжал телефонную трубку, что сперва побелели, потом налились свинцовой синевой суставы пальцев.

– Это Джо Шир. Только я...

– Продиктуйте по буквам, плохо слышно!.. Агент нехотя продиктовал, с досадой заметив:

– Странно, что он появился, мы думали, он давно мертв...

– Он в возрасте?

– Да, ему за семьдесят.

– А что на нем висит?

– Ограбления банков. Четыре ордера на арест – последний выдан нашей конторой в пятьдесят третьем... Да, видно, не шикарные у него дела, коли взялся за винные магазины... Я их немало наблюдал в своей практике – этих зубров, и к старости они, бывает, опускаются до мелкого разбоя...

– Да, публика та еще... – осуждающе заметил Янгер. – А где, говорите, он оставил пальцы в пятьдесят третьем?

– В Кливленде... Вам перешлют из штата всю информацию.

– Громадное спасибо за звонок, – прочувствованно сказал Янгер.

– Если вдруг его задержите, звоните нам, – небрежно сказал агент, абсолютно не веря, что капитан из захолустья мо-

жет выйти на такую крупную дичь.

– Обязательно! – горячо сказал Янгер. Но трубку на том конце провода уже опустили.

Янгер задумался. По идее, он должен был минуту назад сказать своему невидимому собеседнику следующее:

– Постойте, мне известно, где скрывается Джо Шир! Срочно вылетайте сюда, а я арестую его, надену наручники, поставлю охрану, и подержу так до вашего появления...

Вот как он обязан был сказать, но только почему-то смолчал.

Да, началось все с любительского, дилетантского уголовного розыска, но вот он узнал, что напал на след матерого грабителя... и что же? Он не только не арестовал его, но зачем-то сочинил сказку про винный магазин... Зачем?

Он уже прекрасно знал зачем.

Как в море акула издали чует вытекающую из чьей-то раны кровь, так Янгер, сначала бессознательно, потом вполне определенно уловил самый притягательный для него в мире аромат – запах денег...

Там, у этого старикана, запасено, поди, не на одного такого, как Янгер. . Тряхнуть его как следует – от этого Шир... Шардина не амулет, а капитану хватит по гроб жизни. А то – пенсия, пенсия... Кошке под хвост она пошла бы, эта хваленая пенсия по сравнению с такими громадными деньжищами... Да, там деньги. Их немислимое количество. Он не знал даже примерно – сколько.

Но мог спросить.

Итак, свершилось! Пропели невидимые серебряные трубы и ему, бывшему сагаморскому простофиле, рыхлому от грубой и бедной еды...

Он глубоко надвинул ковбойскую шляпу и двинулся к дому человека, известного ФБР как Джо Шир.

Глава 2

Янгер явился в игрушечный домик с широкой улыбкой:

– Добрый день, мистер Шардин. А я к вам с проверкой, такая наша занудная служба...

Старик стоял в полосе заходящего света, одетый в линялую ковбойку с закатанными рукавами и парусиновые штаны. Он был неприятно поражен бесцеремонностью вторжения и раздосадованно спросил:

– Что это значит? Какая еще проверка? Кто вы такой?

– Ох, простите, не представился. Капитан сагаморской полиции Эбнер Янгер.

Старик выжидательно замер у двери, вовсе не собираясь закрывать ее, хотя незваный гость развязно болтал уже в коридорчике.

Взгляд Шардина был тверд и насторожен. Он выглядел весьма неплохо для своего возраста: высокий, выше Янгера, подтянутый, худощавый, морщинистое лицо покрывал коричневый загар, так же сильно загорели по локоть и его жилистые руки. Он, вероятно, проводил много времени на свежем воздухе, две трети года копаясь в саду и на грядках участка; зубы у него были, судя по цвету, свои собственные, а пепельно-серые волосы выгорели на солнце, в них виднелись совсем светлые пряди.

Янгер, между тем, уже направлялся в гостиную, на ходу

удовлетворенно кивая головой. Старику ничего не оставалось, как последовать за ним.

Янгер, окинув гостиную взором, обернулся к Шардину, не переставая поощрительно улыбаться:

– Славно, славно вы устроились, мистер Шардин... Уютно и со вкусом... Прежний домовладелец был Хайт?

– Да, дом куплен у наследников Хайта, – сухо подтвердил старик. – Но что вам угодно, капитан?

Янгер сделал вид, что не слышит недружелюбного тона.

– Профилактическая проверка, – успокаивающе сказал он, неопределенно разводя руками. – Да я не спешу, – миролюбиво подчеркнул он и, сняв ковбойскую шляпу, вертя ее в руках, сладкими глазами оглядел гостиную.

– А я как раз работал в саду, – со значением сказал старик, – и хотел бы там еще кое-что сделать, пока светло...

– О, в саду! – с восторгом олигофрена воскликнул капитан, и словно от непереносимого счастья зажмурил глаза. – Мне безумно хочется увидеть ваш сад. Я с малых лет мечтал о клочке земли с какими-нибудь плодовыми деревьями... Но так сложилась моя кочевая жизнь, что, увы... Не показывайте мне дорогу. Я уже начинаю ориентироваться у вас...

Старик как стоял, так и остался стоять, недовольно следя за Янгером, который уже переступил порог кухни, чтобы пройти на заднее крыльцо.

Шардину, видимо, все же ничего не оставалось, как, скрепя сердце, последовать за удивительно бесцеремонным го-

стем.

Янгер уже превосходно ориентировался в этом доме, где, по его представлениям, в любом помещении мог быть тайник с десятками, нет, сотнями тысяч долларов!.. Более того, перед тем, как навестить старика, он побывал у агента по торговле недвижимостью и внимательно рассмотрел план дома.

Итак, он проводил рекогносцировку на местности.

Военная кампания с огнем на поражение началась. Противником в ней был семидесятилетний старик. Лобовая атака ничего не дала бы Янгеру. Гораздо выигрышнее, представлялось ему, вести изматывающие арьергардные бои...

Через кухню он вышел на крыльцо, и оказался на любовно ухоженном садовом участке. Не исключено, что деньги зарыты в земле, хоть под этой вот зеленой яблонькой; хотя нет, скорее всего они в доме. Ясно, во всяком случае, что здесь, в Сагаморе. Хотя, может быть, и в Омахе. Но деньги обычно прячут там, где обитают большую часть времени...

Джозеф Шардин вышел на крыльцо, он стоял, как матрос на палубе, расставив ноги и засунув сжатые кулаки в карманы парусиновых штанов.

Янгер льстиво сказал ему:

– У вас чудный сад, мистер Шардин. Правильно я вас называю? На миг в глазах старика явилась тревога, однако он вполне владел собой и бесстрастно кивнул:

– Совершенно верно...

– Прелестно, прелестно, – протянул Янгер, щурясь от закатного солнца, освещавшего сад. – Прошу простить за беспокойство, я вас больше не отвлекаю...

Старик насупил брови:

– Так вы уходите?

– Да, да. Не провожайте меня. Приятно было познакомиться... Старый худощавый человек с прядями выгоревших на солнце волос неуверенно двинулся за капитаном, окликнув его своим несильным, надорванным голосом:

– Для чего вы приходили, скажите на милость?

– Профилактическая проверка, – обернулся Янгер и, небрежно помахав рукой, удалился.

Глава 3

От пышного, похожего на сливочный торт, сагаморского вокзала отходил поезд. Едва перрон поплыл за окном, Янгер уселся на пустующее возле старика место.

– О, да мы попутчики! Вот не ожидал...

Джозеф Шардин, занятый своими мыслями, невидяще смотрел в окно. Он вздрогнул, услышав голос, и растерянно обернулся. Прошло секунд двадцать, пока он овладел собой и хрипло ответил:

– Это вы...

– Я с такой отрадой вспоминаю нашу вчерашнюю встречу... Я поставил целью познакомиться со всеми, кто появился в нашем Сагаморе, пока я тянул армейскую ляжку...

Старик, послушав выжидательное молчание Янгера, вынужден был неопределенно ответить:

– Вот оно что...

– Да. Тридцать лет армейской службы, не хухры-мухры, – не удержался от хвастовства Янгер и произнес с почтительным ужасом перед чином, до которого дослужился. – Вышел старшим сержантом... Полгода назад. Вот, вернулся к родным могилам... Согласился взвалить на себя местную полицию, сейчас кручусь, как белка в колесе... Вы лет пять в Сагаморе?

– Совершенно верно.

– Чудный город. А в Омахе часто навещаетесь?

– Да когда как...

Янгер уже имел нужную ему информацию об этих поездках. Он прошлый раз проследил за стариком от дверей сагаморского вокзала, и до двери того respectable дома в Омахе, где находилась его квартира.

В прошлую свою поездку Джо Шир остановился в ней на два дня. Его навестили визитеры: плечистые мужчины где-то за пятьдесят. Было их трое. Прибыли на “плимуте”, номерные знаки которого указывали на принадлежность к штату Нью-Йорк, Янгер тут же переписал себе эти знаки... Гости пробыли у Джо Шира целый день и весь вечер, уехали около полуночи.

Янгер проницательно предположил, что плечистые, в кожаных регланах, господа имели самое непосредственно отношение к ограблению банков. Ясное дело, Джо Шир отошел от работы по своей узкой специальности, но не исключено, что он тренировал на досуге свой ум, продумывая, как шахматные задачи, хитроумные планы ограблений... Сообщникам оставалось лишь четко следовать его скурпулезным разработкам.

В тот раз капитан понял, что уже не сойдет со следа чудом укарауленного крупного зверя...

Некоторое время Джо Шир и Янгер ехали в молчании. Но вот Янгер достал сигару и, ничуть не принимая во внимание прямо перед его носом запрещающую курить табличку, рас-

крутил прозрачную обертку, небрежно бросил ее на пол, откусил, выплюнул себе под ноги кончик сигары и полез в карман за спичками. Прежде чем прикурить, он повернул свое сдобное лицо к старику, подмигивая ему:

– Вот оно, преимущество нашей собачьей службы... Спутник нехотя спросил с плохо скрытым отвращением:

– Что вы имеете в виду?

Янгер показал носом на табличку, запрещающую курить.

– Нам закон негласно разрешено чуть-чуть обойти... Буквально чуть-чуть... – Он жадно затаился, кинул на пол горелую спичку и смачно сплюнул. – Однако, – он предостерегающе поднял палец, – когда закон преступает простой гражданин, ему нечего ждать пощады... Если ты, – декламировал он, обращаясь впрямую к Джо Ширу, – думаешь, что тебя не найдут, – ты глубоко заблуждаешься. Поздно ли, рано ли, но ты все равно будешь выслежен, даже если придется тебя искать двадцать лет... Сие должен знать любой закоренелый преступник, кто бы он ни был: взломщик сейфов или карманный вор... Такие вот пироги на нашей нелегкой работе, – усмехнулся Янгер, стряхивая пепел меж туповатых носов своих пыльных ботинок.

Старик молчал, покусывая свои подвявшие, неяркого цвета, губы; говорить он был явно не намерен.

Янгер начал вновь:

– Так вы не были в армии?

– Нет, – сказал Джо Шир, сначала намереваясь этим отве-

том ограничиться, но что-то заставило его продолжить, словно бы даже извиняясь:

– Меня комиссовали по слабости легких в начале первой мировой.

– Да, вам не повезло... Армия забирает всего тебя без остатка, – тут тебе и дом, и семья...

– Вероятно, – вежливо ответил Джо Шир.

Янгеру редко попадался столь терпеливый и безответный слушатель, и его как прорвало... Он понес все, какие знал, были и небылицы об армейской службе, мешая правду с вымыслом, соленые солдатские байки и анекдоты – с чужими рассказами, а события, реально происходившие – с теми, что никогда не имели места...

Старик слушал с отменным вниманием, он не задал ни единого вопроса, лишь иногда молча взглядывал в окно, словно ища у кого-то ответ на тайные свои мысли.

По прибытии в Омаху Янгер и Джо Шир ненадолго задержались на привокзальной площади.

– Вы тут долго будете? – без обиняков спросил капитан.

– Как выйдет... Может, несколько дней... – пожал плечами Джо Шир.

– Не исключено, что мы и на обратном пути окажемся с вами соседями по купе, – широко улыбнулся Янгер.

Старик окинул его ледяным невнимательным взором и отвел глаза.

– Я вовсе не удивлюсь этому, – бесстрастно сказал он. Ста-

рик и впрямь вовсе этому не удивился.

Глава 4

– О, какая неожиданная встреча! Добрый день, мистер Шардин! Старик выходил из супермаркета в Сагаморе, держа на уровне груди два объемистых пакета с продуктами, и, услышав капитана, недовольно повернул голову. Он сразу намного постарел.

Янгер угодливо забежал перед ним, заступая Джо Ширу дорогу:

– Наверное, тяжелая ноша... Давайте-ка я подвезу вас, как раз еду в вашу сторону...

– Нет-нет, не нужно...

– Да о чем разговор, – сказал Янгер, силком забирая пакет и неся его в машину. Старик волей-неволей поплелся за ним.

Янгер, как правило, обычно разъезжал на своем собственном “форде”, напоминающем лакированного черного жука. Нынче он взял новый, только полученный патрульный автомобиль, ярко сверкающий свежей краской – зеленой и желтой, с устрашающе рубиновой мигалкой наверху, с долгой серебристой антенной над передним окошком. По всему капоту и дверцам шла гигантская надпись: “Полиция”.

– Пожалуйста, – сказал Янгер. К тому времени, как Джо Шир добрал до новой полицейской громадины, Янгер устроил стариков пакет на заднем сиденье и теперь распахнул дверцу для старика, который, помешкав, все-таки сел рядом

со своим мучителем.

Янгер отметил для себя, что тот рубикон, на котором обложенный флажками зверь мог бы вцепиться ему в горло, – уже позади.

Янгер снисходительно усмехнулся, адресуясь к сутулой стариковской спине, закрыл дверцу, обошел патрульный автомобиль и уселся за руль.

Щеголевато-бездушный, оборудованный по самому последнему слову техники салон почему-то вызывал в памяти видение операционной и буквально подавлял торжеством и величием технической мысли: блистающим приборным щитком цвета слоновой кости, до предела заполненным какими-то ручками и ручечками, скобами и разноцветными кнопками, тумблерами управления мощной сиреной, компактной, но мощной полицейской рацией, рубиновой мигалкой. К щитку крепился при помощи магнита внушительный блокнот, впрочем, без единой записи. Рация что-то бормотала и бубнила, трещала и хрипела...

Новенькие пристежные ремни поблескивали пряжками. Янгер демонстративно-тщательно пристегнул пряжку ремня, хотя обычно плевал на такие глупости. При этом он сказал старику со значением:

– Рекомендую последовать моему примеру, Джо, – ты ведь позволишь называть тебя на “ты”, – превыше всего у нас безопасность. В безопасности себя совсем по-иному чувствуешь... Не правда ли?

Опустив голову, старик тихо ответил:

– Правда...

Янгер завел мотор, и патрульный автомобиль, сияя своей желто-зеленой раскраской, мягко вышел на серебристо-голубое шоссе.

– Да, Джо, вот бы удивились твои друзья, когда бы увидели, как ты разъезжаешь в полицейской патрульной машине. Они бы сказали: “Ну-ну! Как ни крутился Джо, как ни выкручивался, а попал в полицейские лапы...” И чем же ты отговоришься, а, Джо? – Янгер весело рассмеялся, поглядывая то на дорогу, то на старика.

Тот затравленно спросил:

– Чего вы хотите, капитан? Чего вы от меня хотите?.. – Янгер был в нерешительности, не пришло еще, по его ощущению, время решающего сражения: он занимался Джо Широм всего третью неделю, и тот, видимо, не сломлен еще до конца.

Будет время, когда этот же вопрос Джо задаст совсем другому... А пока Янгер балагурил:

– Приедем, угости меня кофе. А то еще вздумаешь мне заплатить, как таксисту, и местная шоферня вытрясет из меня душу! – Он по-свойски, подмигнув, ткнул старика локтем в бок.

Джо Шир гневно глянул на капитана, порываясь что-то сказать, но смолчал, откинулся на сиденье и стал в прострации провожать глазами пролетающие мимо автомобили.

Он сдал неприятелю очередной рубеж.

На пути их внимание привлек дом с белым плакатиком на зеленой лужайке перед оградой. Объявлялось, что дом продается. Янгер спросил, не отрываясь от дороги:

– Джо, надеюсь, ты понимаешь, что в этом доме живут совсем безумные люди?

Джо Шир с напряжением оторвался от окна и шальными глазами посмотрел на капитана.

– Почему?

– Совершенно сумасшедшие. Какой же идиот именно сейчас уезжает из маленького городка? Время для этого очень неподходящее. В глазах пестрит от объявлений, где по дешевке предлагают дома и домики, земельные участки... Те дураки, что продают их, теряют на этом просто громадные деньги. Это должно быть очевидно любому сагаморскому жителю, Джо. В такой момент нельзя все бросать и ехать куда-то, очертя голову... Такое сумасбродство может окончиться катастрофой... Я бы и в гости никуда не ездил. Сидел бы себе в старом добром Сагаморе, чего трепыхаться?... Надеюсь, ты просек мою мысль?

– Да. Я вас понял, – ответил старик. Слабый, надорванный голос его был почти неслышен за шумом мотора.

Глава 5

В своем кабинете, в здании сагаморского полицейского участка, Янгер вот уже четверть часа напряженно созерцал телефон. Позвонить? Или подождать еще?

После той, насильственной для Джо Ширы, поездки в патрульном автомобиле минуло три дня. Янгер не предпринимал новых атак, давая страху угнездиться в старом, потрепанном жизнью сердце, пустить там корни, дать уродливые побега... А потом внезапным броском Янгер возьмет последнее укрепление своего семидесятилетнего неприятеля.

“Итак, час пробил”, – кому-то подражая, подумал Янгер.

Он наизусть помнил номер Джо Ширы, тщательно набрал цифровой код и приложил трубку к почему-то вспотевшему уху.

Где-то после пятого гудка он услышал надорванный голос Джо Ширы:

– Алло.

– Это Джо Шир?

– Да, – неуверенно сказал старик, хотя прекрасно узнал голос своего мучителя.

Янгер вздумал нынче вести серьезную игру, он просчитал все до мелочей:

– Это беспокоит капитан Янгер. Тут всплыл один спорный вопросик, его надо как-то разрешить. Дело серьезное, по пу-

стякам я не стал бы тебя отвлекать...

– Что же у вас теперь? – издевательски ледяным тоном осведомился старик.

– Дело в том, Джо, что я просматривал наши старые полицейские архивы, и, как выяснилось, у нас идет какой-то сбой в написании твоей фамилии. Я решил уточнить у тебя непосредственно... Подожди-ка, я открою папку... Вот. Я читаю тебе каждую букву:

Ш-И-Р-Д-И-Н... Джо, где тут неточно?.. Алё, алё, Джо, куда ты пропал?

В трубке царило гробовое молчание, кажется, на том конце провода перестали дышать.

– Джо, ты слышишь меня? Почему ты молчишь?

– Что тебе надо от меня, Янгер?..

– Мне нужно всего-навсего знать, как правильно пишется твоя фамилия... Не понимаю, почему надо от этого так заводиться...

– Ты прекрасно знаешь, как пишется моя фамилия!

– Да я хотел проверить, что ее не переврали где-нибудь в актах переписи, а то, бывает, машинистка...

– Брось ты идиотничать, Янгер...

– Ты что там, с ума сошел? Какая муха тебя укусила?

– Ты прекрасно знаешь, сукин сын, что я имею в виду...

– Ох, Джо, ты себе раньше такого не позволял... Значит, на самом деле ты вот так неуважительно ко мне относишься? А я-то думал, что мы добрые приятели!..

– Ты не по закону себя ведешь, Янгер... Я позвоню адвокату... Я знаю свои права... – Голос его прервался, видно, нервы старика не выдерживали напряжения, и он еле сдерживался, чтобы не закричать.

Янгер прекрасно рассчитал свои ходы, его-то нервы как раз были в полном порядке. Он иезуитски любезно осведомился:

– Ты хочешь на меня пожаловаться? Милости просим, являйся в участок. Но боюсь, Джо, тебе тут не очень понравится. У нас, знаешь ли, тут атмосфера несколько иная, чем у тебя там в твоём приятном домике... У нас ведь решетки на окнах, и в подвальных помещениях, где камеры, неприятно, сыро, холодно, крысы бегают, а у тебя ведь, наверное, кости болят... Ты ведь, как-никак, старый человек, Джо! Организм у тебя изношенный...

Ты слабый, дряхлый старикан, Джо... Ты убежден, что хочешь к нам, сюда?

– Я знаю свои права! Ты занимаешься вымогательством, это у тебя не пройдет; это против закона... – Голос старика так дрожал, что, казалось, Джо Шир лихорадочно вытирает своим темным кулаком слезы ярости и бессилия...

Янгер миролюбиво произнес:

– Джо, ну ты ведешь себя как ребенок. Разве можно быть таким старым ребенком? Во-первых, ты ведешь себя так, словно у тебя есть что скрывать, а во-вторых, ты слишком кипятишься... Тебе не надо бы хамить мне...

– Если ты что-то против меня имеешь, почему не начнешь следствие по закону?

Янгер, усмехнувшись, сделал глубокую паузу, потом он спросил со значением, но мягко:

– У тебя есть предложения, Джо?

После ошеломленного, как показалось Янгеру, молчания, старик протестующе произнес:

– Отстань от меня!

– Я отстану от тебя, не волнуйся. Мне и всего-то надо знать точную букровку в твоей фамилии. Потому и звоню.

– Ну разумеется, – с усталой иронией подтвердил старик.

– Вот послушай, еще раз тебе прочту запись из архива. В досье написано – читать, Джо?..

– Не зачем прокручивать по второму разу. Фамилия там перевернана.

– Я так и понял... Продиктуй, как правильно!

– Может, хватит морочить меня?

– Давай, говори. Медленно, не спеша, я не умею писать быстро...

Янгер взял, улыбаясь, из массивной пепельницы свою дымящуюся, докуренную до половины, сигару:

– Я взял карандаш, диктуй!

Через силу, запинаясь, Джо Шир продиктовал свою ненастоящую фамилию.

– Ну вот... А ты горячился. Ты, может, плохо спал сегодня и не с той ноги встал?

– Все?

– Пока все.

Опустив трубку, Янгер устрашающе поворачивал глазами, засмеялся и сунул в рот сигару.

Глава 6

Патрульный полицейский автомобиль встал прямо напротив домика Джо Шира. Янгер опустил стекла, на полную мощность включив рацию, издающую треск грозových разрядов, закурил сигару и, удобно устроившись в просторной кабине, стал ждать.

Он курил, вытянув ноги наискосок салона и упорно не глядя на стариковский дом. Чудовищно искаженный динамиком голос даже его заставил вздрогнуть от неожиданности: голос проговорил минут пять в хаосе грозových разрядов что-то неразборчивое, смолк, и треск усилился.

Янгеру не было нужды глядеть на белый игрушечный дом. Он знал, что Джо Шир сидит сейчас в гостиной, вены на лбу у него набухают от гнева, он ладонями пытается зажать себе уши... Ясно, что скоро занавеска на окне отодвинется и в окне появится искаженное от бессильной ярости лицо...

Так прошло полчаса. Время от времени по рации что-то горячо обсуждали, препирались, несколько раз отчетливо прозвучали ругательства. Янгер выкурил уже вторую сигару, выкинув и ее окурок на газон перед домиком...

Вдруг входная дверь распахнулась, как от пинка, и с размаха ударилась о белую стену.

Янгер лениво посмотрел: из дома выбежал старик, волосы его развевались, коричневые кисти рук с рельефно выступа-

ющими узловатыми венами сжались на бегу в кулаки... Однако, выйдя за пределы ограды, он перешел на быстрый шаг и, почти задыхаясь, приблизился к патрульному автомобилю.

– Ты что творишь?!!

– Приветик, Джо! Чего ты навзводе?

– П-почему т-ты встал перед моими окнами? – заикаясь, с трудом выговорил старик. Голова его мелко тряслась, тряслись и руки, он был страшен в своем бессильном гневе. Казалось – миг – и он вцепится Янгеру в глотку своими скрюченными пальцами.

Янгер недоуменно пожал плечами:

– Ну ты даешь! Я случайно тут встал, патрулировал улицы и решил перекурить в тихом, приятном месте...

– Ты уж сорок минут перекуриваешь!

– Да, кстати, насчет вчерашнего телефонного разговора...

Пардон, если чем-то обидел!..

– Это невыносимо, Янгер, и так продолжаться не может!..

– Не понял тебя... Мне так дорого наше přátельство, я тебе рассказал всю свою жизнь, естественно, мне хочется знать твою.

Старик ухватился скользящими пальцами за автомобильную ручку на сияющей дверце и прикрыл глаза. С закрытыми глазами его лицо казалось лицом покойника. Тень смертельной усталости и тревоги обостряла черты; старик явно боролся с дурнотой.

– Эбнер Янгер и Джо Шир... – как бы про себя произнес в раздумье капитан. – Ну прямо как в пьесе... ты никогда не играл на сцене, а?

Старик открыл глаза и потрясение уставился на Янгера:

– Как ты сказал?

– Я спрашиваю, ты, случаем, не играл на сцене?

– Ты как меня, сукин сын, назвал, а? Ты какое имя сказал? – Янгер, смеясь, махнул рукой:

– Да не суетись ты, вот еще... Мы же с тобой друзья-приятели... Я все это время знал твое настоящее имя...

Старик неверяще покачал головой и, ошеломленно глядя перед собой, оттолкнулся от автомобиля и неуверенно пошел к дому.

Янгер подождал, когда старик на дрожащих ногах одолеет последнюю ступеньку крыльца, и зычно скомандовал:

– Шир! – Голос его мгновенно стал жестким и грубым, куда и делись показное добродушие и фамильярность... – А ну вернись! – приказал он тоном сержанта, заметившего, что новобранец убегает, куда захотел...

Вот он, решающий момент! У старика несколько вариантов дальнейшего поведения, но одно очевидно: точка над *i* поставлена... Дальше притворяться и тянуть время старик просто не сумеет...

Он, конечно, может сейчас зайти в дом, запереться на свои несчастные запоры и сидеть и ждать, когда мощный пинок полицейского сломает дверную филенку.

Старик может начать отпираться и громоздить одну ложь на другую, впрочем, шансов выиграть игру у него нет...

Старик стоял лицом к двери. Так простоял он с минуту, проигрывая все варианты, пришедшие в голову.

Он отшел и вполне бессмысленное в его положении пустое запирающее устройство, не стал занимать последнюю, смертельную оборону в доме, он развернулся на сто восемьдесят градусов и медленно, волоча ноги, спустился с крыльца и побрел к Янгеру.

– В машину! – голосом ожившего стального пресса приказал Янгер.

Старик без звука забрался в автомобиль. Янгер сунул ему блокнот и ручку:

– Укажешь тут в хронологическом порядке все до одного ограбления: год, город, сколько на твою долю... Не целиком сумму, а лишь твой пай. Ты все понял? Пиши в три столбца...

Старик потерянно шептал, опустив голову:

– Что вам надо, Господи, что вам надо?..

– Ну все! Я дважды не повторяю... Писать разборчиво...

Старик с ужасом посмотрел на блокнот с уже открытой ручкой, лежащий у него на коленях, – так приговоренный к смертной казни смотрит на гильотину... Он бессильно вскричал:

– Я же не помню все точно!..

– Надо будет – вспомнишь...

Старик писал полчаса. Янгер выкурил за это время две си-

гары, иногда отзываясь на заповоленные вызовы полицейской рации. Ему некуда было спешить – он ждал этого момента пятьдесят один год и сколько-то месяцев...

Закончив, старик поднял голову от блокнота и распрямил сутулую спину.

– Все. Я указал все...

Янгер, взяв блокнот, внимательно проглядел все три столбца, укоризненно покачал головой и, опустив блокнот на колени, со всего размаха ударил старика по лицу ладонью так, что у того мотнулась голова.

– Не будешь врать! – назидательно проговорил Янгер, вырвал из блокнота исписанный лист и возвратил блокнот старику. – Не пропускай, перечисляй все!..

Не сказав ни слова, старик вновь стал заполнять листок своим угловатым, наклонным почерком. Закончив, он прикрыл ладонью глаза: Янгер вновь скурпулезно исследовал написанное. На этот раз кливлендское ограбление пятьдесят третьего года Джо Шир упомянул.

Янгер удовлетворенно кивнул и небрежно молвил:

– Замечательно. Теперь выметайся. Старик оторопело поглядел на него.

– Что вы говорите?

– Выметайся из машины и дуй домой...

– Ради Бога, что вам нужно от меня?

– Вернись, поговорим, – ответил Янгер. – И тебе же лучше меня дожидаться...

Глава 7

– Миллион восемьсот семьдесят шесть тысяч долларов, – любовно произнес итоговую сумму Янгер. – Ты недурно заработал за всю жизнь, очень даже недурственно, Джо.

Они сидели вдвоем спустя три дня в гостиной, старик радительно переменялся, словно совсем перестал есть и спать. Янгер добивал его вальяжно и не торопясь.

Он предвкушал небывалое наслаждение от близкой победы и не желал теперь комкать и рвать естественное течение событий. Он любил получать удовольствия неспешно, с чувством, с толком, с расстановкой...

– Поговори со мной, Джо... Расскажи мне, как у вас готовились и проводились операции. Ты понимаешь, это чужой для меня мир, но мне страшно интересно... Возьми, например, хоть это кливлендское дело пятьдесят третьего... – Янгер резонно решил чуть ослабить узел, неумолимо затягивающийся на шее старика, боясь, что тот в припадке отчаяния натворит глупостей, сорвется или сбежит...

Старик тускло глянул на него.

– Почему именно кливлендского?

– Ну, мне же интересно... не приходилось вот так запросто беседовать со знаменитыми взломщиками, даже лестно, так сказать... Я ведь тоже человек, Джо, мне ничто человеческое не чуждо. Вот, например, сначала о Кливленде, потом о Де-

Мойне, в каком это году, ага, в сорок девятом... Давай...

Старик дернул шеей, неловко сглотнув слюну.

– Не понимаю, зачем это...

– Ну, Джо, прошу тебя!.. Я ж тебе рассказывал мою жизнь, теперь ты расскажи мне свою...

Старик, невидяще глядя в пространство, неуверенно стал говорить. Сначала он запинаясь, мучительно подбирая слова, все время, видимо, терзаясь мыслью, для чего это нужно его мучителю. Постепенно он увлекся, расслабился, и с каким-то старческим жалким тщеславием, видя страстный интерес Янгера к его повествованию, стал говорить все свободнее и выразительнее. Перед ним проходила вся его бурная жизнь, от юности до преклонных лет, в памяти всплывали невероятные по дерзости идеи ограблений, старик вспоминал волнующие подробности, хитроумное запутывание следов после операций, роковые неожиданности в ходе их, ронял, уже не контролируя себя и все более разгораясь, имена особенно талантливых подручных, – Янгер цепко запоминал, а потом, отлучась в туалет, быстренько записал их...

Янгер был благодарным слушателем, он внимал рассказам с тем же наслаждением, какое испытывал сам, говоря старику о своей службе в армии.

День, между тем, склонялся к вечеру, в комнате стало сумрачно, однако старик продолжал свой негромкий и связный рассказ. Янгер слушал так, точно ему вслух читали “Графа Монте-Кристо”... Он улыбался, кивал головой, бил в ладони,

вскрикивал, сочувственно ахал или охал... В общем, он прожил, пожалуй, чуть ли не самый незабываемый день своей жизни.

Уже окончательно стемнело, когда старик закончил свое повествование. Оно странным образом словно бы придало ему сил, неуловимый легендарный Джо Шир расправил плечи, стал уверенней в себе, спокойнее... Он сказал, отхлебнув глоток вина (два больших стеклянных стакана красного столового вина он принес на подносе в гостиную).

– Я все же никак тебя не пойму... Вот ты капитан полиции. Тебе известно обо мне все до мелочей. Но ты почему-то меня не арестовываешь... Чего же ты ждешь?

Янгер уже стоял у дверей, он улыбнулся и просто сказал:

– Чего ты спрашиваешь? Да пока половину всей суммы... – Он нахлобучил на лоб шляпу и вышел в темноту.

Через час он вернулся, дав старику на досуге поразмышлять и сделать верные выводы.

В гостиной горел свет, окна были занавешены тяжелыми плотными шторами. Старик сидел на кушетке, опираясь на валик спиной. Он, вероятно, поужинал, но не включал телевизор, а просто сидел, размышлял.

– Ну, Джо, что ты надумал мне ответить?

– Господи, да у меня просто нет этих денег! Я тебе жизнью клянусь!..

– Джо, голубчик, они у тебя есть, ты дал мне цифры, а я сделал необходимые выкладки...

Старик, все так же сидя на кушетке, нервно потирал пальцы, словно они у него мерзли. Но в комнате было очень тепло.

– У меня давно нет наличных. Все, что осталось, я вложил в ценные бумаги и акции... Кто же держит деньги дома?

– Джо, Джо, не за-бы-ва-а-ай: полмиллиона! У тебя столько Должно остаться. И половина пойдет мне. Мое терпение велико, но не безгранично...

– Что? Да ты смеешься надо мной, наверное! У меня давным-давно нет больших денег, я клянусь тебе, клянусь, вот чем хочешь... Господи, чем хочешь поклянусь... что ж ты мне, старику-то, не веришь?

Янгер, тяжело вздохнув, укоризненно покачал головой.

– Что ж, придется, видно, говорить с тобой по-другому, раз не понимаешь по-доброму... Неприятно мне это, я бью людей с неохотой, а с тобой мы и вообще... так о жизни поговорили... Да, видно, делать нечего... – Янгер сжал тяжелый кулак и поднес к пульсирующей венке на виске старика.

– Подожди! Постой! Я отдам, все, что есть, слышишь, все, что у меня есть... У меня тут спрятана записка, тысяча долларов, я пока отдам ее, а потом остальные...

Янгер с брезгливой и презрительной гримасой посмотрел на сутулящуюся фигуру, прошлепавшую на кухню в своих домашних тапочках. Всего тысяча? Несчастливая тысяча, после всех-то ухищрений и ожиданий? Хотя одна запрятанная тысяча должна вывести к остальным... Он пошел следом за

стариком.

Тот достал с полки желтую, в белый горошек, банку с мукой, разрыл содержимое и достал целлофановый пакетик с тысячью долларов. А где остальные? Не мог же старый идиот рассовать их по банкам с крупами, специями, солью и сахаром? Старик торопливо отряхнул над раковиной пакетик от муки, и чрезвычайно торжественно вручил его Янгеру, добавив дрогнувшим голосом:

– Отдаю все, что было... А потом закрою банковские счета, бумаги ценные продам – и все будет твое...

– Да ты что, обалдел? Не городи чушь! Ты что это со мной вздумал вытворять? Я тебе мальчик?!

Янгер в диком гневе бросил пачку денег на кухонный стол.

– Плевал я на твои дерьмовые ценные бумаги! Мне нужны наличные, понял?! Где твои сотни тысяч, куда ты их спрятал? Старик медленно покачал головой и обреченно закрыл глаза. Страшным ударом Янгер уложил его на линолеум цвета морской волны.

Глава 8

Спустя неделю Янгер минут семь безуспешно звонил в игрушечный дом старика. Потеряв терпение, он высадил замок в парадной двери. Янгер был совершенно уверен, что старый обманщик никуда не отлучался, а безвылазно сидел дома. Что еще задумал этот скот, хренов романтик моря?..

Янгер почувствовал неладное, лишь обойдя в мертвой тишине весь дом и толкнув дверь ванной. Аккуратной стопкой на пластиковом стуле была сложна одежда старика. Сам он, обнаженный, висел на вмурованном в бетонную стену кронштейне для душа, бельевой шнур надежно удерживал над ванной его посиневшее тело. Лицо старика было ужасно. Янгер взял лежащую на стуле рубашку и набросил ему на голову.

Он попятился из ванной, опасливо прикрыв за собой дверь, поспешней, чем следовало, вышел на крыльцо, сел, дрожащими руками достал сигару. Почему старик сделал это? Что, разве у него не было иного выхода? Отдал бы Янгеру половину своих бешеных денег и жил бы, как прежде, ни о чем не заботясь. Иные только мечтать могут о том достатке, в каком ему предстояло дожить до конца...

Но где же эти проклятые деньги? Янгер посидел на крыльце, несколько пришел в себя и ринулся обыскивать дом, опасливо обходя стороной ванную комнату.

Янгер старательно обследовал дюйм за дюймом, но готов был в итоге с отчаянием признать, что денег в доме действительно нет. Они не были зарыты в подвале; их не было ни за деревянной обшивкой, ни за кирпичной кладкой, ни под внахлест набросанными досками на чердаке, которые прикрывали собой форменный слоеный пирог из опилок и шлака, для тепла насыпанных на потолок дома... Денег не было ни в матрацах, ни под ящиками комода, ни под днищем старинного платяного шкафа – денег не было нигде...

Квартира в Омахе исключалась, на неделе Янгер ее обследовал, денег там не было. Не было никакой шкатулки, в которой лежала бы, например, пластмассовая бирка от вокзальной камеры хранения или причудливый ключ от банковского депозитного сейфа. Не было нигде скупо набросанного, схематичного, понятного только самому рисовальщику – плана земельного участка, где зарыты деньги в какой-нибудь большой, герметично закрытой посудине...

Однако у старого Джо Шира не было автомобиля, следовательно, круг поисков не особенно, не чрезмерно велик – он должен соответствовать тому, достаточно узкому, домо-седскому кругу стариковского существования, в котором и обитал Джо Шир.

Деньги Янгер, конечно же, отыщет. Этому эгоисту, этому вертопраху, висящему там, в ванной, рано торжествовать. Пусть он отдал концы, но денежки-то его живы...

Но решать с ним надо. Здесь никак не годится версия са-

моубийства, потому что, во-первых, если все же посмотреть правде и глаза, на теле старика полно синяков, кровоподтеков и просто разнообразных ран (Янгер плохо соображал, поделает, когда у него закипала душа), были и следы от натерших стариковскую кожу веревок, – Янгер всю неделю занимался со старым олухом, пытаясь выбить из него правду...

Во-вторых, Янгер слишком афишировал свой интерес к одиноко живущему Шардину. Он поручал своим полицейским слежку за Джо; в участке был оставлен здешний телефон, – мало ли что, – позвонят из штата, а подчиненные туг же поставят в известность начальника, свяжутся с ним... И если сейчас будет официально зафиксировано самоубийство, – то веселое времечко Янгера ждет... При осмотре тела и вскрытии как раз и всплывут первым делом стариковы синяки да кровоподтеки...

Следовало как-то избежать правдивого медицинского заключения. Но как? Янгер, куря сигару за сигарой, мерно шагая по гостиной, вспомнил вдруг мягкотелого и податливого доктора Рейборна.

И требовалась-то от него самая малость: указать в свидетельстве хотя бы смертельный исход от разрыва сердца, но только не самоубийство, это исключено... Естественно, доктор, не говоря ни слова, должен выполнить просьбу Янгера, а то у капитана не заржавеет и намекнуть о компромате, собранном на местного эскулапа...

Рейборн, против ожидания Янгера, долго отнекивался,

пришлось, в самом деле, напомнить ему про доктора Уоша, погоревшего на подпольных абортах в распутной Омахе... Рейборн стал тише воды и ниже травы.

Гораздо меньше хлопот было с Глиффом. Тот впрямую зависел от милости или немилости шефа полиции, поскольку имел статьи дохода весьма и весьма деликатного свойства; а когда капитан объяснил, что нет никакого криминала, просто, мол, прячутся в воду, то бишь в бурю сагаморскую почву, концы позорящего старика самоубийства; да еще, мол, безумец, наложивший на себя руки, оклеветал в прощальном письме ни в чем не повинных людей, – Янгер и Глифф достигли полного взаимопонимания.

Все устраивалось, как подобает, ни Глифф, ни Рейборн понятия не имели о тайных капиталах покойного; теперь оставалось лишь найти эти самые капиталы.

И вот, когда после всех нервотрепок и хлопот Янгер возвращается к домику Джо Шира, чтобы всласть предаться одиноким, никем не нарушаемым поискам, что же он видит? А видит он незнакомца, который говорит с Риксом, долговязым малым, живущим по соседству. Янгер благоразумно не стал останавливать свой черный “форд”, через квартал развернулся, и сопровождал незнакомца до отеля “Сагамор”. Он узнал у ночного портъе, что высокий, плечистый тип – это прибывший из Майами Чарльз Виллис.

Что за Чарльз Виллис? Кто он? Какая надобность ему в этом городе, а конкретно – в доме только что умершего Джо?

Ясное дело, приехал этот Чарльз ни за чем иным, как за тайным богатством Шира. Судя по всему, одного поля ягоды со своим дружкой, которого завтра и зарюют—Может, конечно, гость из Майами пронюхал, где у Джо хранятся денежки. Стоит держать его в поле зрения, и он выведет прямо к вожаемой цели; что ж, тогда его приезд – очень кстати...

Янгер следил за высоким франтом неотступно. На другое утро Чарльз Виллис прокатился в такси до редакции в Линбруке, и хоть Янгер пробовал выудить что-то у водителя Сэмми, ничего путного тот не сказал, все отводил глазищи.

Янгер строго-настрого наказал таксисту не трепать языком с пассажиром об их беседе, отошел к своему бедному многострадальному “форду”, который только что не чихал от пыли, и стал разглядывать вышедшего с газетой приезжего.

Что-то этакое, нетипичное было в Чарльзе Виллисе. Янгер хорошо разглядел его, стоящего на крыльце, прямо на солнце. Видный мужик, крупный, как лось из заповедника, руки сильные, длинные, морда недурна, хотя на чей вкус, но слишком надменная, волосы густые светлые, а взгляд ледяной, отстраняющий... Одет он, по правде говоря, был прилично. Серый костюм, тонкая белая рубашка, чуть серебриющийся галстук, хорошо начищенные кожаные туфли, – и все говорило, что он привык носить эти дорогие вещи постоянно, ощущение было, что он сросся с ними, но относился к ним небрежно, не то, что, например, Янгер, который испытывал к “приличным” вещам, но более всего – к форме! –

почтительное уважение.

Янгер бы ни в жизнь просто так не подошел к приезжему ферту, однако деться было некуда, полмиллиона – хоть и призрачная, но чересчур притягательная цифра.

Потом этот щеголь куда-то скрылся, потом нарисовался сперва у Глиффа, потом у Рейборна, и у Янгера земля под ногами зашаталась. Не помня себя, он бросился вослед за приезжим, полагая, что сможет как-то перекрыть его бурную расследовательскую деятельность, ничего хорошего лично Янгеру не сулящую.

Он буквально оторопел, увидев этого лося грохнувшимся в отключке у Шира в подвале. Янгер спускался себе, не торопясь, и вдруг чуть было не наступил на лежащего с раскинутыми руками Чарльза Виллиса. Первое желание, молнией пронзившее Янгера, было: убить! Немедленно достать револьвер и выстрелить – никто не услышит, а больше такой шикарной возможности разом расквитаться с опасным соперником Янгеру уже не подарят.

Янгер, однако, не выстрелил. Виллис был нужен живой. Жадность Янгера была сильнее всех резонов.

Тут еще появился второй охотник до денег Джо Шира, у Янгера просто помутилось в голове: эти рецидивисты, как пчелы на мед, один за другим налетают на призрачное богатство отдавшего концы старикана.

Однако все завертелось с еще большей скоростью, когда Тифтуса внезапно убили, и Янгер отчетливо понял, что

ему одному теперь во все стороны не разорваться. И Янгер неосмотрительно предложил Виллису партнерство, а уж после понял, что его высокомерно фыркающий напарник ну просто ничегошеньки не знает о тайне Джо Шира.

Новоявленные сообщники решили распределить обязанности так: Янгеру следует искать убийцу Тифтуса, Виллису – фантастические капиталы Джо.

Найти убийцу Тифтуса надо было как можно скорее, потому что он тоже, известное дело, рвался прикарманить стариковы деньги.

Янгер нимало не обольщался по поводу Виллиса. Он прекрасно знал, что его партнер спит и видит, как, найдя деньги, смыться с ними...

Но его самого, Янгера, некоторые люди напрасно держали за идиота... Полицейские не спускали с Виллиса глаз, Янгер моментально узнал бы о всех его вольных перемещениях.

Да и сам-то Янгер, уж себе можно признаться, надеялся заполучить все целиком, не дробя на части. Заезжий ферт, очевидно, захочет надуть простоватого захолустного капитала...

Не было никакого резона делиться с ним.

Глава 9

Янгер мотался по осеннему безрадостному пустырю, начинавшемуся сразу за домиком Джо. Он ощупывал взглядом все неровности бурой земли, на которой шелестели подсыхающие сорные травы. Янгер хотел найти лопату.

По идее, она должна была валяться где-то здесь. Убийца, крепко врезав Виллису, прикончил Тифтуса абсолютно другим предметом.

Пришло заключение экспертизы из штата, где черным по белому было изложено, что Тифтуса убили громоздкой стеклянной пепельницей, красовавшейся в номере на столе, а отнюдь не лопатой.

Янгер никак не мог объяснить себе, для чего убийца, убегая, утащил лопату? Может, чтобы никто другой не вздумал копать в подвале? Вопиющая глупость. Забрать лопату, чтобы не нашли отпечатков пальцев? Вот уж идиотизм. Ведь можно было протереть черенок первой попавшейся тряпкой – убийца догадался провести такую процедуру в номере отеля с пепельницей.

Самое вероятное объяснение – растерянность. Убийца караулил за дверью подвала, затаился там, во тьме, прождал битый час, прислушиваясь к звуку шагов бродящего там, наверху, ни о чем не подозревающего Виллиса. Он не представлял себе, кто войдет, мог только гадать о цели прихода

того, кто зачем-то явился... Дверь открылась, его ослепила полоса света из коридора, он плашмя и не очень ловко ударил незнакомца лопатой и страшно растерялся, когда тот покатился по ступеням без чувств. Ему и в голову не пришло отшвырнуть прочь лопату, он лишь на пустыре обнаружил, что бежит вместе с нею...

Но унести далеко он ее не сумел бы. Буквально через час убийца был уже в отеле, и никто бы его туда с лопатой не пустил. А может, он бросил орудие убийства, преспокойно пройдя несколько улиц... Но... мог ведь он и подкатить к дому на машине, и теперь лопата валяется у него где-нибудь в багажнике, а то и просто лежит на заднем сиденье. Но – тогда возле дома Джо должен был довольно долго стоять автомобиль, а он, Янгер, когда проезжал, кружа и разыскивая Виллиса, не видел ничего подобного.

Янгер, вообще-то, предполагал, что на самом деле все было по-житейски до ужаса просто. Убийца вошел в дом через заднее крыльцо, а, сделав свое дело, вышел тем же путем, чтобы не мелькать на людях.

Эх, Янгеру требовался всего лишь какой-нибудь вспомогательный фактик, чтобы расследование сдвинулось с мертвой точки, но никакой подвижки не маячило.

Если бы Янгер мог отвлечься от своих догадок, что убийца – не профессионал, а дилетант... Он не может быть приезжим, скорее всего из местных, сагаморских...

Но кто же из местных? Кроме самого Янгера, никто в точ-

ности не представлял, что здесь к чему, Рейборн, Глифф, три полицейских – все вместе, и каждый в отдельности, знали недостаточно, чтобы что-то раскрывать. Янгер последовал совету Виллиса, и на всякий случай проверил каждого... Но в те временные промежутки, когда убийца сидел в подвале и когда он напоролся на Тифтуса, каждый из пятерых имел убедительнейшее алиби.

Итак, это неизвестный... Лопата. Неизвестный... Неизвестный. Лопата...

Янгер так хотел мысленно восстановить то, что случилось в подвале, что у него даже мороз пробежал по загривку. Он буквально готов был из своего теперешнего часа впрыгнуть в тот, слепополуденный час.

Итак, убийца притаился за тяжелой подвальной дверью, на голове у него хозяйственный огородный мешок, сквозь грубую холстину которого практически ничего не видно, да еще в подвале абсолютно темно. Убийце поди и самому-то не по себе – кто там ходит по дому, над его головой? Хозяина еще и похоронить не успели... Такой расклад. Потом рывком открывается дверь, в полосе света появляется человек, кто это – сквозь мешок, да еще после часовой отсидки впотьмах – не разберешь. Убийца бьет, как придется, лопатой плашмя, вошедший тяжело скатывается по ступеням, – он большой, громоздкий, – и отключается... Убийце надо снять с головы мешок, выбежать с мешком и лопатой в руках по коридорчику на заднее крыльцо, и за пределами участка, где-нибудь на

пустыре, он, пригибаясь и оглядываясь, отбросит в сторону мешающую ношу и помчится прочь.

А как с отпечатками пальцев? Успел их стереть? Может, успел, может, не успел...

Надо пройти эти пустыри, кустик за кустиком, выпросить всех жителей – ведь должен был кто-то заметить странного человека, бегущего с лопатой?

– Коп, доброе утро! Что-то потеряли?

Капитан Янгер вздрогнул от неожиданности и резко обернулся. Перед ним стоял высокорослый малый дет девятнадцати с обсыпанной веснушками физиономией. Капитан напряг память и вспомнил, – его фамилия Рикс, он был соседом Джо Шира, с ним как раз говорил Виллис, появившись вечером у домика Джо.

Звали его, кажется, Альфред.

– Приветик, Альфред, – добродушно сказал Янгер. Он старался хранить в памяти, как в картотеке, не только фамилии жителей, но имена их самих, их детей и внуков...

– Может, вам помочь что-то поискать? Янгер спросил на всякий случай:

– Скажи, ты вчера здесь не видел мужика с лопатой?

– Мужика?.. Я видел только лопату...

– Где? – отвесил челюсть Янгер.

– Да вон рядом с кустом татарника. Я как раз утром, когда тут проходил, наткнулся на лопату, и еще валялся мешок, в какие насыпают картофель...

Янгер чуть не рысью кинулся к татарнику, серебрящемуся издалека своим волчьим остистым пухом, летящим во все концы.

Янгер крикнул на ходу:

– Думаешь, они там до сих пор?

– Да нет... Я подобрал их, – замялся Рикс, – вижу, валяются, а в хозяйстве все сгодится...

– Где они теперь? У тебя?

– Да. В подвале.

– Быстренько веди меня...

– Ага... Пойдемте.

Рикс привел его к родительскому роскошному коттеджу, и, спустившись в подвал, Янгер обнаружил там на заваленном стружками верстаке мешок и лопату.

Янгер цвел, как пунцовый пион: его догадка подтвердилась, убийца записывал и дал деру пустырями, кинув по пути лопату и мешок. Следовательно, на черенке лопаты есть не только отпечатки пальцев Рикса, но и отпечатки убийцы... Стало быть, дилетант, из сагаморских, его можно будет вычислить методом исключений...

Капитан озабоченно поглядел на Рикса:

– Мне надо забрать это, Альфред. Мешок и лопата будут фигурировать в следствии как вещественные доказательства, впрочем, когда дело закроется, я верну их тебе, раз ты нашел...

Малый поднял вверх свои угловатые плечи.

– Да ладно! У нас свой инвентарь есть...

Янгер, перехватив лопату там, где в железный штык входил деревянный черенок, и аккуратно неся на весу мешок, последовал к “форду”.

Виллис, вставший в самом дурном расположении духа, прыжком слетел с парадного крыльца, и в мгновение ока очутился рядом с Янгером:

– Откуда вещички?

Янгер, думая блеснуть перед ним, горделиво начал:

– Я продумал версию, когда убийца...

– Где взял, японская мануфактура?.. – невежливо перебил Виллис, отбивая у капитана всякое желание излагать такому грубияну свою восхитительную версию.

– На пустыре. Убийца их там бросил... – обиженно насутился Янгер.

Виллис остро глянул на дом Рикса.

– Так это ты сам нашел на пустырях?..

– Да нет... Соседский малый, этот, веснушчатый...

– Все ясно.

– А у тебя что?

Виллис безрадостно покачал головой.

– По нулям...

– Конечно, в доме ничего нет, мы ведь с тобой, как ищейки, обнюхали каждый дюйм...

– Все же пошарю еще, – мрачно решил Виллис и, повернувшись, зашагал к дому в молочном свете неяркого сен-

тябрьского утра. В такую пору особенно уютно глухо бренчат на тележках бидоны, стекла оранжерей в крупной алмазной испарине, а по сторонам дорожки, ведущей к дому и усыпанной пестрой галькой, цветут белые, розовые и сиреневые астры, пахнущие так же горьковато, как пахнут потом хризантемы.

Янгер смотрел в широкую спину и мощный светловолосый затылок Виллиса. “Чистый лось, – думал Янгер. – А угрюм, как тюремная решетка. Ни пошутить, ни рассказать чего-нибудь веселенькое, ни о бабах...”

Янгер уложил вещественные доказательства, хлопнул дверцей черного “форда” и укатил.

Часть четвертая

Глава 1

Паркер закрыл за собой парадную дверь игрушечного домика. Войдя с чистого воздуха, он почувствовал, какой тяжелый табачный запах напитал за эту ночь уютное и хорошо пахнущее прежде жилье Джо Шира.

Он подошел к окну гостиной и потянул, перебирая в руке, шнур фрамуги. С улицы нежно и грустно запахло сырой землей, жесткой подсохшей травой, почти океанской, мельчайшей и пестрой галькой дорожки...

Янгер не должен появиться здесь несколько часов: он будет блаженствовать у себя в участке, снимая отпечатки пальцев со всей поверхности лопаты, а может, в очередном припадке идиотизма, – со всей грубой дерюги мешка...

Паркер находился в неприятном ему самому состоянии беспричинной раздражительности, хотя причины, конечно же, были: во-первых, бездействие, которого Паркер терпеть не мог; во-вторых, – явственная угроза, нависшая над чистой его защитой и прикрытием – Чарльзом Виллисом; в-третьих, ему полагалось терпеливо ожидать, когда этот очкастый Риган изловит убийцу. Тифтуса – на Янгера в этом плане Паркер махнул рукой.

Впрочем... Ему, Паркеру, тоже кое-что известно, а десяток минут назад этой информации он не имел...

Он перевел взгляд на роскошный соседский коттедж.

Внизу была гостиная, темная сейчас, при матовом свете небес, уставленная старинной, драгоценной мебелью. На втором этаже, над гостиной, белели сборчатыми муслиновыми шторами окна спальни. Веснушчатый малый вышел вновь на просторное, обнесенное перилами, крыльцо.

Паркер, потянувшись, как сладко выспавшийся зверь, так что хрустнуло где-то в позвоночнике, вышел на простенькое джошировское крылечко.

Участки разделяла живая изгородь из шиповника, усыпанного сейчас коралловыми каплями плодов. Паркер окликнул малого:

– Эй, давай-ка сюда, есть разговор!..

Малый обратил в его сторону веснушчатое продолговатое лицо. “Словно пестрое, засиженное мухами яйцо”, – отметил Паркер.

– Вы меня позвали?

– Да, приходи ко мне...

– Зачем это?

– Я сказал, есть разговор.

– Не-а. Я не могу. Мне позвонить должны.

Вокруг не было ни единой живой души.

Паркер, прищурясь, выжидательно глядел на него, доставая сигарету и закуривая.

Малому стало неловко. Однако отказаться впрямую, либо найти веский повод, чтобы не ходить, он не сумел.

Он еще помялся, потом нехотя произнес:

– Ладно. Ненадолго только. А то звонка не услышу...

– Ну естественно...

Малый пролез в узкий провал в стене шиповника и ступил на крыльцо. Покуривая и рассеянно улыбаясь, Паркер небрежно открыл перед ним дверь. Рикс, потупясь, неловко вошел, и тут же в его глазах, по цвету напоминающих бутылочное стекло, отразилось смятение, ибо Паркер запер зачем-то входную дверь, прислонился к стене и буднично спросил:

– Ты зачем забирался в мой номер?

Парень растерянно захлопал рыжими ресницами.

– Не понял вас...

– Все ты прекрасно понял... Давай не будем тратить время на вранье. Ты забрался в номер, Тифтус вошел, думая, что никого нет, и накрыл тебя, ты ударил его, как в подвале меня, только не лопатой, а тяжелой, как булыжник, пепельницей...

– Да я... да вы... не понимаю...

– Вот что для меня загадка, – перебил его Паркер, – так это твой визит в номер. Думал, деньга старика уже у меня?

– Да я клянусь...

– Не лги, – назидательно сказал Паркер и вполсилы ударил его ладонью по щеке... – Молод еще, чтоб лгать...

Рикс начал хватать ртом воздух, на его бутылочно-зе-

леноватые паза навернулись слезы, левая щека покраснела как ошпаренная. Он готов был разрыдаться, как испуганный школьник, которого застукали за воровством клубники из чужой оранжереи.

Он кое-как справился с собой:

– Непонятно, почему вы себе такое позволяете...

– Слишком ты, мальчик, любознателен, – снисходительно заметил Паркер. – Твое лицо все время передо мной мелькает – то в окне гостиной, то в открытую, на крыльце, ты пялишь глаза...

– А что тут такого?..

Паркер снизошел до пояснений:

– Дело в том, что капитан Янгер все наседавал на Джо, старика, хозяина дома, а ты следил и мотал на ус, впрочем, таковых у тебя не предвидится... А вот хороший морской бинокль наверняка есть. С наступлением темноты, подкравшись, ты обычно слушал под окнами...

Малый замотал головой, его краснотубый рот был мокрым, а бутылочные глаза оторопело тарасились на Паркера.

Тот пояснял дальше:

– Потом ты, как последний балбес и бойскаут, поверил во всю эту лабуду насчет полумиллиона долларов...

– Л-лабуду?

– Ну конечно. Ничего подобного здесь нет. Джо никогда не прятал наличные, и он выдал Янгеру чистейшую правду: все, что у него имелось, вложено в ценные бумаги...

– Но ведь он совершил все... – Малый смолк, и в ужасе уставился на Паркера, зажимая рукой свой пухлый красногубый рот.

– Да, он совершил все эти ограбления, – спокойно подтвердил Паркер, – но у него были запросы гораздо разнообразнее, нежели представляется вам с Янгером. Шальные деньги он проживал очень быстро.

–А...

– А ты, мальчик, поверил в сказки и легенды Древней Греции. И еще ты, видимо, любил читать “Остров сокровищ”, иначе не стал бы копать яму в подвале... Услышав звук открывшейся двери и поняв, что кто-то вошел в дом, ты затаился во тьме подвала, а когда я захотел туда спуститься, – оглушил меня и убежал, но с лопатой у тебя вышла неувязка. Домой тащить ее не надо было; ты захотел как-то выправить ситуацию, и рассказал Янгеру про мешок и лопату. Но теперь ты окончательно попался, потому что существует в мире криминальная дактилоскопия – экспертиза, очень точно определяющая преступника по отпечаткам пальцев. Ты сочинил Янгеру сказку, что лопату нашел, и думаешь, что капитан настолько туп, что не сличит все отпечатки пальцев на черенке? В общем, скоро тебе придется предстать перед законом.

– Да я ничего не делал, – развесил малый свои пухлые красные губы. – Я ничего не делал. Подслушивал – да, но не больше...

– А как насчет моего номера?

– Я не лазил...

Паркер совершенно, впрочем, спокойно дважды ударил Рикса по лицу. У того покатались крупные, словно горошины, слезы.

– Говори немедленно. Я должен все знать.

– Да-а, ты полиции скажешь, – уже в открытую ревел молодой человек.

– Нет. Мне с полицией не по дороге, – твердо ответил Паркер. Малый захлопал слипшимися мокрыми ресницами.

– Ты правду говоришь?

– Да. Я некоторое время сотрудничал с Джо, и у меня прохладные отношения с законом...

Рикс кулаком вытер глаза и облизал еще более распухшие от плача губы.

– Это получилось как-то само собой. Но я не собирался нападать ни на тебя, ни на того, в номере... Мне деньги позарез нужны были...

– А что насчет моего номера?

– Да мне про тебя хотелось узнать. Когда ты упал, – а я этого как-то даже не ожидал, мне стало так муторно, что я убежал и не додумался взять твой бумажник. А вернуться я побоялся – ты мог уже очухаться... Ну, мне было любопытно – кто ты такой, может, думаю, он из ФБР, раз так смело осматривает дом...

– А как узнал, где мой номер?

– За тобой все время следил коп Янгер, а я всю дорогу шпионил за ним. Но это еще до твоего оглушения, помнишь, вечером мы с тобой разговаривали?.. Ты топтался тут на крыльце...

– А Тифтус напоролся в номере на тебя?

– Да. Никого не было, и я не ожидал, что кто-то войдет, ты еще не мог по идее в это время... И вдруг дверь так тихонечко пошла, кто-то открыл ее отмычкой, я спрятался за одежный шкаф, а он сразу заметил и молча кинулся на меня. У меня не было выхода, и я не думал, что убью, когда тюкнул его пепельницей...

Да, Тифтус вплоть до его нелепого убийства так и не перестал думать, что Паркер обладает информацией... Он, вероятно, рассчитывал найти в Паркеровом чемодане письмо Джо, а из него почерпнуть эту самую информацию...

Рикс дрожал нервной дрожью. Веснушки выделялись на бледном его лице, словно брызги темной охры на физиономии маляра, неаккуратно красившего дом...

– Ты не донесешь полиции? Скажи, ты ведь обещал?..

Этот малый стал крупно мешать Паркеру.

Мало того, что он практически все знал, но он был новичок и ляпал одну грубейшую ошибку на другую. За каким, спрашивается, хреном полез он к Янгеру с мешком и лопатой? Теперь либо Риган, либо Янгер быстренько просчитают убийцу, и тот с громадным треском расколется... И выложит все до мелочей.

Паркер удрученно покачал головой: помеха в лице Рикса была слишком очевидной. Он спросил, закуривая:

– Дома ты один?

– Да, мать поехала через весь город к подруге.

– Чудесно. Тебе надо смываться, иначе тебя с минуты на минуту застукают. Денег я дам.

– Правда? – горячо обрадовался Рикс.

– Давай пиши матери записку, чтобы она не поднимала на ноги всю полицию до Омахи включительно, разыскивая тебя.

– О, это мне не трудно, я напишу...

– Записка в нашем деле – уже полдела! – Философски заметил Паркер. Они прошли на кухню. За квадратным столом на листе найденной Паркером бумаги Рикс написал несколько строк с четырьмя орфографическими ошибками. Паркер прочел и хмыкнул:

– Сгодится. Теперь давай быстро. Беги за вещами, но не бери их много. И бегом сюда.

– Понял вас, я моментом...

Паркеру нелегко дались эти десять минут, прошедшие в напряженном ожидании Рикса. Он как маятник ходил по гостиной: за такое время может случиться все, что угодно...

Малый, запыхавшись, влетел в дом, через плечо у него висела небольшая сумка.

– Все, я готов. Записку положил в кухне на столе.

– Превосходно, – сказал с тяжелым вздохом Паркер. Он

дважды ударил его.

Зарыл он Рикса в подвале, в той самой яме, что Рикс вырыл собственными руками.

Глава 2

Паркер вышел из дома через заднее крыльцо. Он прекрасно видел, что Янгеровы полицейские ведут за ним попеременно слежку, дабы невольный партнер Янгера по-английски не покинул город... У Паркера, однако, был резон думать, что подчиненные вряд ли уж так намного превосходят умом начальника...

Паркер все знал и про асфальтового цвета “плимут”, дежуривший на изгибе улицы, чтобы виден был дом старика, и про веселый зелененький “додж”, далеко видный на пустырях, поставленный прямо поперек дороги через поле.

Паркеру надлежало пройти на том стыке зон внимания, когда наблюдатель в “плимуте” полагал бы, что вон там – уже не его угол обзора, а его коллега в “додже” думал бы аналогичным образом...

Паркер не пошел на пустыри, а из заднего двора Джо переместился в соседний задний двор и, близко держась домов, прошел квартала полтора. Потом он вышел на улицу и спокойно добрался до центра Сагамора.

Он хорошо помнил широкую скрипучую лестницу пожарного выхода и, легко ею воспользовавшись, поднялся в отель. Номер Тифтуса он миновал, резонно решив, что Бронзовая Ронда вряд ли осталась бы из-за пылкости женского воображения в номере, где случилось убийство ее близкого знако-

мого. Он постучал в следующий номер.

Дверь немедленно открыла сияющая пшеничным золотом волос Бронзовая Ронда. Она была в пушистом, розовом, словно из перьев, свитере, и прекрасно подчеркивающих ее стройные ноги черных эластичных брючках. Духи у нее были все те же.

– О, привет, – сказала Бронзовая Ронда. – Ты очень кстати... Паркер, притворив за собой дверь, обернулся к ней.

– Такое ощущение, что ты куда-то собралась и теперь сидишь на чемоданах...

Серые глаза укоризненно глянули на него:

– Ты ведь сам велел мне сидеть в номере и ждать твоего звонка, видишь, у меня уже волосы дымятся от ожидания...

Паркер находился все в том же взведенном состоянии, правда сейчас его стало хоть немного отпускать. Он тихо сказал, не глядя на нее:

– Нам придется уехать из этого города. Она утвердительно кивнула.

– Мне и вообще здесь как-то неуютно...

– Но уехать мы сможем, только когда полиция сыщет убийцу Тифтуса, имей это в виду...

– Я знаю, – она потерянно кивнула, – и думаю, они теперь примутся за меня, у тебя-то железное алиби, да еще этот... Юнгер... Янгер...

– Не раздражайся, пожалуйста. Я не мог позвонить тебе ночью. У меня как раз была встреча. Но не с женщиной, с

Янгером. А Тифтуса я не убивал, это правда. Вот еще... не было печали с таким связываться...

– Грешно тебе смеяться над ним, – сказала она, по-детски обиженно надувая свои прекрасные нежно-розовые губы. – Он был ужасно забавный, хотя одевался безобразно и речь у него была просто чудовищна... Но он был добрый и очень щедрый, – сказала она, – чертя по ковру носком своей черной туфельки. – Он меня буквально боготворил...

– И правильно делал, – заметил Паркер. – Правильно делал...

– Тифтус о тебе плохо не говорил никогда, – продолжала она, глядя на него исподлобья. – Он считал, что ты умнее многих его знакомых...

– Вот спасибо, – сказал Паркер.

– Но тебе, наверное, нет смысла тут больше оставаться. Это мне Риган уезжать не велел, а у тебя есть алиби...

– Нет. Все не так. Если уеду я, Ригану это совсем не понравится...

– Я не понимаю, – тряхнула она своим пшеничным золотом, – кто там ведет расследование, Риган или этот самодовольный толстяк?

– Янгер. Однако и Ригана нельзя исключать...

– Безумно радостно... Интересно все же, когда эти господа изволят отыскать убийцу?

– Уже никогда.

От неожиданности что-то дрогнуло в ее лице. Она вскочи-

ла и, подойдя, вопросительно уперлась в его стальные зрачки своими испуганными глазами. По серой радужке вокруг ее расширенных зрачков шла россыпь мелких золотых крапинок; Паркер в юности в музее минералогии видел похожие на эти глаза драгоценные камни.

– Как понять твое “никогда”?

– Я разобрался с убийцей, – неохотно сказал Паркер, тщательно выбирая слова. – Но это история длинная и не очень интересная для женских ушей...

– Не расскажешь мне?

– Нет.

– Ну ладно. На нет и суда нет, – задумчиво сказала она. – Что же будет теперь?

– А теперь мы подсунем следствию на вакантное место убийцы совсем другую фигуру...

– Какую?

– Того, кто ушел от нас по черным булыжникам ада очень и очень далеко, как выразился бы какой-нибудь твой знакомый стихотворец с Брайтон-Бич...

– Вон оно что!.. А думаешь, поверят?

– Янгер поверит. И если он прекратит следствие, Риган уже не встрянет. Он здесь только в качестве советника.

– Но как ты введешь своего кандидата в убийцы?

– А вот, чтобы мне сориентироваться, ты расскажешь мне дословно, что излагала Ригану.

– Ой, он мне совершенно не верит, я перевернула на вто-

ром допросе свои показания с ног на голову...

Паркер нервничал. Не исключено, что Янгер вздумает среди дня заглянуть в домик Джо Шира и, не застав Паркера, крупно захихует. Паркер предпочел бы, чтоб такого не произошло и Янгер пребывал в приятном неведении по поводу своего партнера...

– Подожди, я возьму сигарету, – сказал Бронзовая Ронда.

– Дай и мне, – хмуро сказал он, понимая, что разговор не кончится быстро. Он оторвал фильтр от той слабой дамской сигаретки, что она ему протянула, и прочно уселся на стул, обтянутый черной кожей.

– Я сказала в первый раз – правду. А во второй – наоборот, сказала, что была неточна...

– Пожалуйста, подробно расскажи мне все, что говорила первый раз... Вот представь, я инспектор Риган. Начинай.

– Ну это уж чересчур... – Сев на стул и скрестив ноги. Бронзовая Ронда подняла глаза вверх, что сделало ее похожей на очень хорошенькую дорогую куклу. – Милый инспектор, когда мне было пять лет...

– Не балуйся, Ронда, у меня совсем нет времени...

– Понятно, – сказала она. – Итак, вот что было на допросе. Я сказала, что Адольф и я выбрались ненадолго в тихий городок, потому, что устали от суеты и шума, и Адольф, когда мы оформляли документы у портье, тебя увидел и чуть ли не сразу побежал повидаться с тобой... О чем вы говорили, я не знаю, но ты ударом свалил его с ног и обещал убить, если

он к тебе еще полезет...

– А ты говорила, что я его притащил и увидел тебя?..

– Ну нет. Я не стала об этом... Я выдала сглаженную версию:

ты ударил его, а Тифтус вернулся и сказал мне об этом.

– Что ж тогда записано в протоколе допроса, погоди... Что Тифтус вернулся в номер и объяснил, что мною избит?..

– Да. Так.

– Постой, а как Тифтус это сказал, ну, вспомни свою версию... Упомянул мое имя или сказал, например, – тот тип, которого мы встретили в вестибюле...

Бронзовая Ронда не очень помнила детали. Она прямо так и сказала Паркеру, который, суммируя все услышанное, решил внести уже переосмысленную и отредактированную информацию в ее чудесную легкомысленную голову.

– Вот послушай! Ты сказала Ригану буквально следующее: вы с Тифтусом вселялись в отель, увидели проходящего по вестибюлю мужчину, Тифтус тебе сказал: вот мой знакомый... Спутник твой отправился в гости, вернулся и посетовал, что этот самый знакомый его избил. Верно?

– Да. Один к одному...

– Так. А что ты выдала на втором допросе?

– Я сказала, что обозналась, и в вестибюле был другой, такой же высокий человек, похожий на тебя, но не ты...

Паркер размышлял. Он сознался Ригану, что Тифтус утром заявился к нему, а позже они столкнулись в этом тес-

ном городе. Следовало теперь, откорректировав сумму двух показаний Бронзовой Ронды, выдать иную версию, которая увела бы следствие в сторону.

Подумав, Паркер удовлетворенно кивнул.

– Послушай, вот третий вариант. Мы ничего не меняем, а только привносим некоторые свежие детали. Вы с Тифтусом увидели высокого мужчину там, в вестибюле. Тифтус заметил, что знаком с ним. Он пошел к нему, вернулся избитый, тот тип даже грозился его убить. Это все он тебе рассказал... Ты увидела меня, и в запале приняла меня за того неизвестного, он был на меня похож, такие же плечи, такие же светлые волосы... Но он был гораздо моложе меня. И ты наконец вспомнила, что Тифтус назвал его, увидев: “Да это ведь Джимми Чамберс!” Запомнила?

– Да это ведь Джимми Чамберс! – зачарованно повторила Бронзовая Ронда. – А потом?

– Потом я дам информацию о Джимми Чамберсе Янгеру, – просто сказал Паркер.

– Но ты, что ли, выдумал этого Джимми Чамберса?

– Отнюдь. У него уже были трения с законом. Риган сможет отыскать его данные в картотеке... Ну, это тебе непонятно. Но, что весьма важно, Джимми был с Тифтусом хорошо знаком...

– Но его ведь не было в Сагаморе?!

– Не было.

– Нет. Версия не пройдет...

– Как то есть не пройдет?

– Ну, у этого типа, Чамберса, будут сложности. Ты лучше выдумай другого кого-нибудь...

– Ничего подобного. Риган поднимет досье. Чамберс правда пару месяцев назад погиб при взрыве... Но об этом официальной информации нет и не будет. Так что за него не тревожься.

– Ты ручаешься, что он погиб?

– Ну конечно. Мы были в одном деле, и все произошло у меня на глазах, а я не имею обыкновения продавать своих, по крайней мере, пока они живы...

– Ладно. Когда мне теперь о нем рассказывать?

– Лучше завтра утром.

– Завтра утром будут похороны...

Паркер глядел на нее в замешательстве, пока до него не дошло, что имеется в виду Тифтус. Он сказал ей:

– Риган как раз и придет на похороны... Там ему и скажи.

– Словно бы я вдруг вспомнила, да?

– Нет, не так. Ты все вспомнила нынче вечером, но не хотела рассказывать, боялась, что Риган тебе не верит. Но вот на погребении ты решила открыться, потому что захотела отомстить за убитого!..

– А поверит ли он мне?

– Поверит, не волнуйся.

– Тогда хорошо! – У нее заметно улучшилось настроение, она встала и прошлась по номеру. – Я разыграю там сцену

безутешной вдовы. Выдам по меркам первоклассного сценического искусства: плач, причитание, и все, что полагается...

Простит меня Бог!

– Не переиграй, – поднимаясь, посоветовал Паркер.

– Не волнуйся. Я ведь все-таки профессиональная актриса, пусть и безработная сейчас...

– Превосходно. А я-то все думал, отчего ты такая...

–Какая?

– Легкая. И женщина и девочка одновременно. И красивая. – Паркер опустил голову. – И я все время слышу запах твоих сумасшедших духов...

– Ты все-таки уходишь? Останься! – Она подошла к нему совсем близко.

– Нет. Я не могу. В другой раз. – Это правда?

–Да.

Глава 3

Янгер позвонил ему только к двенадцати ночи. Паркер не включал света в гостиной домика Джо, и где-то к десяти вечера, когда он вернулся от Бронзовой Ронды, все терпеливо сидел в кресле, проигрывая в голове свои ходы, вопросы и ответы, свои грядущие шаги...

Он позвонил сразу, едва пришел из города, Янгеру в полицейский участок, но того не оказалось на месте, и Паркер попросил дежурного полицейского передать, чтобы Янгер сюда позвонил.

Паркер умел вот так, спокойно и молчаливо, часами слушать свои мысли – как некоторые, сидя в темной гостиной, слушают классическую музыку.

Телефон зазвонил в полночь. Это был Янгер, он, видно, прибыл откуда-то раздосадованный и, запыхавшись, нетерпеливо спросил:

- Ты нашел?
- Нет. Но поговорить обязательно требуется.
- О чем?
- Это не телефонный разговор... Приезжай, говорят тебе!
- Виллис, я ошалел от работы, и уже поздно...
- Дело не терпит промедлений. Ты пойдешь утром на похороны Тифтуса?
- Да, Риган, знаешь ли, порекомендовал... Он сам там бу-

дет.

– Ясно. Давай ко мне. Я долго тебя не задержу. Янгер что-то пробурчал, но сказал, что выезжает. Паркер поднялся, обошел все комнаты и всюду включил свет: он хоть и любил просиживать в темноте целые вечера, не желал, чтобы полицейский знал о его маленькой слабости. Он успел сварить кофе, принести его в гостиную, выкурить одну сигарету, – и тут в дверь позвонили.

Паркер открыл, и Янгер, проходя в дом, не смог удержаться от сварливой реплики:

– На улице глубокая ночь, между прочим... Ты, вообще-то, в курсе, что уже полпервого?.. Давай свои новости.

– Садись. Вот кофе. Я буду краток. Послушай меня. Вопрос первый. Тыловишь убийцу Тифтуса. Риган занимается тем же самым. А что будет, если первым поймает он?

– Ну, убийца перейдет ко мне, поскольку я официально веду следствие...

– Ничего подобного... Тыглубоко заблуждаешься, Янгер. Преступник перейдет к тебе, лишь когда Риган всюду раструбит, что поймал его он. Вопрос второй: когда Риган поставит тебя в известность о том, что преступник теперь в его руках?

– Незамедлительно, – Янгер начинал волноваться.

– Зачем же? – смеясь, осведомился Паркер. – Ему спешить незачем. Он с чувством, с толком, с расстановкой допросит убийцу, продержит его хоть день, хоть два, составит

полную картину... Что ты станешь предпринимать?

– Подам рапорт на него, прямой наводкой и по полной схеме! – возмутился Янгер.

– Ох, не смей ты меня... В захолустном городке шеф полиции раскипятился из-за того, что заезжая важная птица ему чем-то не угодила! Ну и пойдет твой рапорт в долгий ящик...

Все это было и так до головной боли очевидно Янгеру, но он захотел сделать хорошую мину при плохой игре:

– И ладно. И пускай. Не все ли равно, кто поймает преступника?

– Вовсе не все равно. И это вопрос третий. Риган возьмет его в свои бархатные ручки, и железными клещами вытянет из него всю правду. А раз этот очкастый Риган чувствует, что между нами что-то есть, он станет копать глубже и дальше... Все всплывет наружу, денег уже не видать, и т.д. и т.п. Вот тебе вкратце.

Янгер нервно вытащил новую сигару, но не стал раскуривать ее.

– Как же нам быть?

– Предлагаю программу: убийцу найти, дело закрыть, Ригана вывести из игры!

– Но как? Ввести подставное лицо? А если на свет явится настоящее? Мне в жизнь не отвертеться, в случае чего...

– Никакой фильсификации, – брезгливо поморщился Паркер. – В качестве подставного будет фигурировать лишь

имя, и ты вот сейчас, моментально вернешься в участок, и свяжешься с Вашингтоном, чтобы тебе срочно нашли досье на Джимми Чамберса, которого ты знаешь, как партнера убитого Тифтуса...

– Какой Джимми Чамберс? Для чего?

– Помолчи, пожалуйста, и внимательно послушай. Нынче днем я сказал тебе то, что до этого времени держал втайне. Суть этого запоздалого признания такова. Я пересказал тебе наш разговор с Тифтусом, когда мы столкнулись с ним в городе за несколько часов до его гибели. Ну, вспомни мои показания там, у Ригана... Я ведь тогда видел Тифтуса дважды – один раз у меня в номере, второй раз – возле похоронного бюро... Янгер утвердительно кивнул.

– Я вспомнил.

– Ну вот. Мы встретились, я увидел, что ему крепко засветили. Я говорю: “Кто тебя так?” а он отвечает: “Джимми Чамберс, этот мелкий фраейр...” Я еще сказал тогда: “Да что ты! А я и не знал, что этот тип в Сагаморе...” Он тогда горько так сказал мне: “Что делать, он тоже примчался на похороны”. Вот и весь рассказ. Повтори его.

Янгер повторил близко к тексту и запечалился:

– Знать бы только, кто этот Джимми Чамберс?

– Вот придет из ФБР срочный ответ, все сразу узнаешь.

– А дальше что?

– А дальше пишешь заключение, что Тифтуса убил этот Чамберс, вежливо прощаешься с Риганом и выходишь его

проводить к поезду.

– Все бы ничего, да мало одного лишь твоего якобы запоздалого признания...

– Не тревожься об этом, будут в подкрепление и другие, параллельно идущие, свидетельства...

– Скажи мне, какие?

– Терпение, и еще раз терпение. Тут самое главное, чтобы ты был несказанно удивлен, когда эти свидетельства проявятся. А сейчас не медли, поезжай в участок и тут же направь запрос. Прямо сейчас, понял? А утром скажешь Ригану так: сначала о моем запоздалом признании про этого Чамберса, потом о запросе. Ты ничего не перепутаешь?

– Обижаешь, Виллис...

– Ну вот. А как только Риган отойдет в сторону, мы на приволье съедем и убийцу, и денежки.

– Да, вот именно, – брюзгливо начал Янгер. – Теперь о деньгах. Я все ближе и ближе к тому моменту, когда убийца будет в моих руках. Сегодня я нашел мешок и лопату, важнейшие, ключевые вещественные доказательства... А вот что в это время делаешь ты, паритетный партнер, так сказать? Пряди волос на палец мотаешь?

– Я весь дом осмотрел, – обиженно сказал Паркер. – Вот завтра, например, днем, когда Риган отойдет от нас в сторону, я планирую съездить в Омаху, досконально обследовать ту квартиру Джо...

– Виллис, не морочь мне голову! Я уже все осмотрел в той

квартире, и, окажись там деньги, уж я бы их не пропустил... Паркер насупился.

– Квартиру надо обследовать капитально, а не так, как ты, – в спешке и между дел... Я съезжу один, ты не против?

– Да никогда в жизни я не пущу тебя одного! Паркер пожал плечами.

– Значит, поедем вдвоем. На твоём “форде”. Заезжай за мной к трём часам.

– А думаешь, к этому времени Риган от нас отойдет?

– Почему бы и нет! Смотри. Запрос уходит с пометкой “срочно”, к утру будет ответ. К полудню Риган уже не у дел.

– Ну, если будет так, я приеду. Если нет – не обессудь...

– Все, не теряй времени, отправляй запрос, а Ригану скажи завтра, что послал его нынче днем...

– Да. Я понял. Все. Ухожу.

Паркер постоял минуту на крыльце, вглядываясь в сырую темноту, потом, заперев парадную дверь, вернулся в дом, и тут же вышел через заднее крыльцо, двинулся, прижимаясь к задворкам, повторив тот же самый маневр, что и несколько часов назад, когда ходил к Бронзовой Ронде.

Завтра, да, завтра, понадобится ему пистолет, и необходимо теперь найти его...

Центр городка был абсолютно пустынен и тих, пахло росой и пылью, как на деревенской улице. Нигде не было видно ни одного прохожего.

На главной улице шли ряды примыкающих друг к другу

магазинчиков, но и там, в их темных недрах, только подсвеченные изнутри электрические часы призрачно светились, как многочисленные луны, да кое-где пульсировала то белым, грозовым, то фиалковым огнем неисправная неоновая трубка на какой-нибудь вывеске.

И лишь отель да железнодорожный вокзал ярко освещались огнями, они, сияющие многочисленными лампочками, стояли, как нарядно освещенные корабли в тихом и темном ночном море.

Недалеко от главной улицы, в совершенно темном переулке, Паркер в предыдущий свой выход обнаружил магазинчик спортивного инвентаря и сейчас направился прямо к нему. С тыла здания, возле черного хода, тускло блестело окошко. Отжать подъемную раму вверх оказалось делом несложным. Паркер забрался внутрь, и ощутил запах сыромятных кож, оружейной смазки и футбольных мячей. Стеной стояли ружья. Он подошел к чуть видной во тьме витрине, и там обнаружил то, что искал. Это был “инвер-джонсон” двадцать второго калибра, с коротким стволом, как раз по руке Паркера.

Взяв коробку патронов, он выбрался через окошко, аккуратно приведя раму в прежнее состояние, чтобы служащие наутро не сразу заметили его ночной визит.

Из темноты и сырости ночи Паркер вернулся в тепло Джошировского дома, включил на кухне свет и, присев к столу, занялся пистолетом: разобрал его, вытер тряпицей смазку, вновь собрал, зарядил и лег спать, положив пистолет под по-

душку в той уютной гостевой спальне, где ночевал когда-то еще при жизни Джо.

Глава 4

Паркер поздно проснулся в гостевой спальне Джо – усталость наслаивалась на усталость, две бессонные ночи дали себя знать, – он проспал почти до двенадцати.

Спальня была наполнена янтарным светом и блеском – это солнце гуляло по шафрановым шторам; весело вставать в такой день, если б не темные тени, вступающие в сознание одна за другой: одна – легкость, худощавого, словно обточенного жизнью старика, другая – долговязого малого, с лицом, усыпанным веснушками...

Паркер успел приготовить кофе и основательно позавтракать эскалопом, омлетом, паштетом и сыром, когда в дверь позвонили.

Паркер отворил. На пороге стоял Риган в каком-то простецком дешевом дорожном плащике. Паркер вежливо пригласил его:

– Проходите.

Физиономия у Ригана была такая, словно он только что за стойкой по ошибке хватил стаканчик уксусу.

Он вяло кивнул Паркеру, вошел и безрадостно произнес:

– Надо бы переговорить...

– О чем речь, – с бодрой готовностью ответил Паркер, закрывая дверь. – Как будем говорить: без протокола?

Риган состроил презрительную и одновременно высоко-

мерную гримасу:

– Нет уж, увольте, я больше не связан с тем делом...

– Простите, не в курсе... прошу вас, проходите, садитесь.

Риган вошел в гостиную, но садиться не стал. Он одобрительно оглядел обстановку, подошел к акварелькам на стене, пощурился сквозь золотые очки на книжную полку и остался стоять, прислонясь к подлокотнику глубокого кресла.

Не стал садиться и Паркер. Он почтительно, и все же как равный на равного, глядел на коротковолосого, в затрапезном плащике полицейского, чем-то неуловимо напоминающего школьного учителя, видя и волевой четкий рот, и зоркие глаза его за стеклами очков, понимая, что этот человек не свернет с дороги, даже если у него в стволе останется единственный патрон...

– Ну как, вы сыскали убийцу Тифтуса? Риган не без сарказма ответил:

– Да об этом, по-моему, ты знаешь лучше меня... – Он продолжал озирать гостиную. – Жаль, я не застал в живых Джозефа Шардина. По-моему, он та загадочная центральная фигура, вокруг которой и вертится все дело...

– А почему вы думаете, что я знаю лучше, чем вы? – спросил Паркер.

– Ты ведь, собственно, его и разрешил, дал нам звено, которого недоставало, ну и вот итог... – Риган был устало-насмешлив, но говорил не обидно.

– Этот самый Джимми Чамберс?

– Да, – почему-то зевнув, ответил Риган.

– И он, как по всему выходит, убийца Тифтуса?

– Вероятно. Эбнер пляшет и поет от восторга.

– А вы?

– А я – нет. Но это теперь не имеет никакого значения, потому что расследование прекращено.

– А ведь вы, мистер Риган, все хотите задать мне какие-то вопросы. Давайте, я попробую ответить...

– Зачем тебе это, тем более – сейчас?

– Я предпочел бы объясняться все-таки в вами, нежели с местными полицейскими.

Риган хмуро поглядел на него и поправил очки.

– Не исключено, что сейчас ты вполне искренен... Непонятно только, отчего ты так поздно вспомнил о Чамберсе. У тебя что, провалы в памяти?

Паркер не удержался и улыбнулся:

– Да я сначала решил, что он ни при чем, потом, когда убийцу все не находили, стал исподволь его подозревать; у него и судимость, по слухам, уже была... Вам говорить не стал, вы бы сразу все следствие, как одеяло, перетянули на этого Чамберса, – а если он не виновен? А виновен – какой мне резон покрывать его? Он арестован хоть?

– Нет. Его нет здесь, – покачал головой Риган.

– Ну, это его коронный номер – убить и скрыться... Он предпочитал самолеты...

– Да, все как-то утряслось, распределилось по ячейкам,

жаль только, что слишком поздно... Знаешь, как в калейдоскопе – потрясешь горстку стекляшек, глянешь в картонную трубку – а они выстроились в стройный узор. Все зависит от системы зеркал... Между тобой, Рондой Сэмуэльс и Эбнером тоже ведь имеется пока необъяснимая для меня связь...

– Что касается Ронды Сэмуэльс, я познакомился с ней уже после убийства Тифтуса...

– Охотно верю... А что вас связывает – не понимаю. – Ригану надоело стоять на одном месте, он принялся разгуливать по комнате, как по музею, время от времени наклоняя голову набок и рассматривая антикварную мебель. – Да, центральная фигура – Шардин. Умирает старик, на похороны съезжаются трое: два уголовника, третий бизнесмен, он летел из Майами... Один уголовник зачем-то именно здесь прикончил другого, а импозантный бизнесмен почему-то стал закадычным дружкой начальника полиции и нежным советчиком скорбной загорелой леди... Странно, странно, господа присяжные заседатели...

Да-с. Загорелая леди то признает в нем убийцу, то уверяет, что она, ах, извините, ошиблась; а то вдруг вспоминает о некоем призрачном злодее Чамберсе, а о нем-то уже немного раньше вспомнил и бизнесмен. Странно все, не так ли. Виллис? Я до нынешнего утра слыхом не слыхивал ни о каком Чамберсе, а теперь, кажется, даже птицы на ветках четко произносят: “Чамберс, Чамберс...”

Паркер вновь не мог удержаться от улыбки:

– Янгер вчера узнал о Чамберсе... А дама что?

– Ну да, ты ведь не знаешь, тебя не было на погребении...

Она именно сегодня утром вдруг вспомнила, как Тифтус называл того, кто его избил. Это был, разумеется, Чамберс...

– Тифтус и мне это говорил, – подтвердил Паркер. Риган поглядел на Паркера и внезапно заскучал. Он вновь заходил по гостиной.

– От чего, интересно, умер Джо Шардин?

– От сердечного приступа.

– Эту версию передо мной уже проиграли, это я слышал...

Ну ладно. Все, Виллис. Меня интересовало, отчего ты раньше ни звука не проронил о Чамберсе... Ты дал мне ответ.

– Я сказал вам правду...

Риган, пожав плечами, повернулся к выходу, небрежно бросив:

– Не сомневаюсь... В конце концов у меня об этой истории голова болеть не должна. Легендарного Чамберса арестуют, а что всплывет на суде – кто его знает. Мне любопытна концовка этой истории.

– Мне тоже, – вежливо вставил Паркер. Риган сказал уже в прихожей, стоя лицом к солнечному свету и затылком к Паркеру:

– С тобой было любопытно познакомиться. Виллис... –

Ответ на эту стереотипную фразу, произносимую столь часто и по самым разным поводам, – не предусматривался. Паркер отворил дверь. Риган повернул на пороге коротково-

лосую голову.

– Ты, видимо, скоро покинешь Сагамор?

– Не исключено...

– Ну – тогда до свидания, Чарльз Виллис.

– До свидания.

Глава 5

Ровно в три часа явился Янгер. Паркер не стал дожидаться, пока он вылезет, качая брюхом, из “форда”, пока дойдет до крыльца и позвонит... едва завидя машину, он, взяв чемодан, легко сбежал с крыльца.

У поворота дорожки он через плечо посмотрел на дом старика: на окнах были всюду опущены шторы, словно веками прикрыты глаза.

Он открыл дверцу “форда”, и Янгер с тревогой спросил:

– А зачем взял чемодан?

– Может, придется там ночевать... Пока доедем... А темнеет рано...

– Мог бы мне позвонить, я бы тоже взял, – обидчиво сказал Янгер.

В планах Паркера такое предусмотрено не было.

– Да какая разница? Что будет нужно – позаимствуешь у меня... Он положил на заднее сиденье свой чемодан, устроился рядом с Янгером, захлопнул дверцу и, стараясь не глядеть на осиротевший дом, произнес:

– Ну, поехали отсюда...

– Сей момент, только мотор заведу. Паркер насмешливо указал на “плимут”, будто вросший в землю на изгибе дороги.

– Заодно хоть разбудим твоего часового...

– Что-что?

– В дневное время он, обыкновенно, отсыпается: видно, где-то промышляет ночами... Янгер свирепо спросил:

– И давно ты его просчитал?

– Да как только он встал тут.

– Гад полосатый! – кулаком саданул по рулю Янгер. Он, все так же свирепо, завел “форд”, развернул машину, и они оставили позади и стариковский дом, и злополучный “плимут”.

– Что ж ты не смылся, узнав про слежку, тем паче, что этот сурок без просыпу спит?

– Деньги, – кратко напомнил Паркер.

Ответ вполне удовлетворил капитана. Он повернул к Паркеру голову в своей неизменной ковбойской шляпе. Пахло от него лошадьё, которая курит сигары. Он как-то очень фри-вольно улыбнулся:

– Да, деньжонки теперь тебе ой как нужны! С дамами расходы большие...

– Ну да.

– Я это предполагал, – игриво сказал Янгер, которому явно понравилась тема. Но развить он ее не мог. Он стал внимательно следить за дорогой. – Она, твоя дама, так здорово залепила про этого сукина сына Чамберса! Риган буквально отпал. Ты отлично поставил пьесу.

– Так она сыграла нормально?

– Ох, что ты... Одно слово – актриса! Я чуть сам нюни не

распустил... Но вот как быть, когда твоего Чамберса поймут?

– Это исключено...

– Ты какой-то чересчур самоуверенный!

– Нет.

Некоторое время они ехали молча. Янгер все выбирал какие-то объезды, что было весьма кстати, – и правильно, что не поехал через центр, нечего чтобы видели их рядом в машине... Хотя сейчас это было уже без разницы.

Когда они выбрались на широченное шоссе, идущее на Омаху, Янгеру явно наскучило молчание.

– Слушай, так ты из Майами?

– Бываю там наездами...

– Я вот тоже так буду. Как только заполучу деньжищи, – уеду на фиг из Сагамора. Куда захочу. В Майами, на Ривьеру, в Акапулько, а? Не хило?

– Города все на одно лицо, – рассеянно заметил Паркер, зная, что говорит впустую. Так оно и вышло.

– Ну, не скажи, – протянул Янгер. – Уж когда в кармане полмиллиона – это извините, подвиньтесь...

– Четверть миллиона, – корректно уточнил Паркер. Сдобное лицо Янгера стало лицом школьника, которого застукали, когда он прогуливал уроки.

Он лукаво и виновато засмеялся – только и всего.

– Ой, конечно, ты прав. Виллис, это я оговорился. Я совсем зарпортовался: хотел сказать “четверть миллиона”, а

вышло... Конечно, ты прав...

– Да что ты!

– Поверь мне, клянусь...

– Нет. Поверить я тебе никак не в состоянии. Ты это прекрасно знаешь и, в свою очередь, не доверяешь мне. Как вспомню твои “плимут” и “додж”!..

– А ты, что ль, и “додж” просек?

– Мы вовсе не верим друг другу. Призрак бешеных денег никак не дает нам покоя. Но учти, по-шакальски следя один за другим, – мы не сможем найти ничего. Убийца Тифтуса перебьет нас по одиночке...

– Да я его арестую, наверно, на днях...

– Ах, не в нем дело, не в нем одном дело...

Янгер не отрывал глаза от серебристо-серого полотна шоссе.

– Я понимаю. И ты абсолютно прав, мы должны – кровь из носу! – научиться верить друг другу.

– О том и речь.

– Но как? – Янгер повернул голову, искоса глянул на Паркера и опять обратился к дороге. – Знаешь, Виллис, я тебе открытым текстом скажу: вот пускай ты, хоть положив руку на Библию, скажешь, что солнце взошло, – я непременно выйду на улицу и погляжу сам. На свете нет такой силы, которая велит мне поверить тебе...

– Один путь есть.

– Какой же?

– А я дам тебе в руки козырь, чтобы ты смог достать меня, если я куда-то свильну.

Янгер был ошеломлен. Он пробормотал:

– Не понял...

– Что ж тут не понять... Я составлю такое признание, например: “Я убил Адольфа Тифтуса при таких-то обстоятельствах...” и подпишусь. Это будет твой козырь, можно даже сказать – козырной туз... Можно назвать это – гарантийное письмо... Ты отдаешь это признание в запечатанном конверте своему адвокату, а хочешь – близкому человеку, и предупреждаешь: если что-то случится с тобой, – письмо должно тут же уйти в полицию. И тут уж я получу, как ты выражаешься, “прямой наводкой и по полной схеме...”. Следовательно, я даю тебе в руки гарантию твоей безопасности и не посмею причинить тебе ни малейшего вреда.

Янгер потрясение кивнул.

– Ты смотри, какая шикарная идея... Мне нравится. После этого мы станем друг другу даже как-то ближе.

– Ну конечно.

– Так и сделаем, когда вернемся в Сагамор...

– Да что ты! Давай прямо в Омахе, Эбнер, на квартире Джо. Чем скорее, тем целей оба с тобой будем... Янгер пожал плечами.

– Сделаем, как хочешь... А что же алиби, я ведь тебе его дал?

– Я обязательно упомяну о нем в гарантийном письме.

Объясню, например, что все дело с Тифтусом сделалось раньше, но у тебя стояли часы... И я тебе дал неточный временной отсчет.

– Чудненько. Очень богатая, ценная мысль. Мне нравится.

– Но и с тебя причитается такого же плана признание, – увлеченно продолжил Паркер.

Янгер недоверчиво покосился на него.

– И мне тоже надо писать?

– А как же?! Ты что, хочешь односторонних гарантий? Так не бывает.

– И что мне писать? Мол, я убил Тифтуса? Это будет полная глупость.

– Зачем? Напиши, что ты убил Джозефа Шардина. – Янгер дернулся, как от удара, и закричал:

– Ты с ума сошел? Не убивал я его! Ты слышишь. Виллис?

– А я, между прочим, не убивал бедолагу Тифтуса. Дело не в тексте. Мне, согласишься, тоже ведь требуется гарантийное письмо от тебя! Я имею на него право, как и ты на мое...

– Какой вздор, ну просто кошмар... И что нужно будет мне писать?

Паркер сказал, пристально глядя на Янгера:

– Ты напишешь вот что: “Я убил Джозефа Шардина. Я вымогал у него деньги. Это стало основной причиной его гибели”. И поставишь подпись. Хотя нет, постой. Сделаешь приписку: “Доктор Рейборн в курсе этого дела”. Он ведь в курсе,

не правда ли?

Янгер от гнева сделался клубничного цвета.

– Тварюга, дрянь... Все разболтал тебе...

– Да нет же. Последний раз я видел его, когда он занимался моим лицом...

– Ох, что-то мне все это сильно не по душе. Я не убивал Джо Шардина. Для чего мне возводить на себя напраслину?..

Паркер безмолвствовал.

Янгер был в полной панике, он кусал губы, растерянно косился на своего монументального спутника, несколько раз останавливал машину, выходил из “форда” и стоял, сняв шляпу, подставляя разгоряченное лицо прохладному ветру. Он бормотал еле слышно: “Не нравится мне это, не нравится...”

Паркер безучастно смотрел в окно. Желтые поля пронесли за окошком “форда”, и ни одного деревца не было на этой сельскохозяйственной равнине, даже такого искривленного, как та, изломанная ветрами, но все равно живая, милая сердцу яблонька в стариковском саду.

Янгер как-то странно отяжелел. Он держал в своих потных ладонях руль; исходивший от него запах лошади, курящей сигары, становился все крепче. Янгер никак не мог, вдобавок ко всему, смириться с призрачной четвертью миллиона, – он слишком долго мысленно укладывал в карман целый, неподделанный, кусок.

Между тем, на краю равнины уже виднелись белые при-

города Омахи. Янгер наконец решился. Он сказал, не глядя на Паркера:

– Ладно. Пусть так и будет. Это все же лучше, чем ничего. Это гарантия...

– Ты абсолютно прав.

Глава 6

Гарантийное письмо Паркера выглядело так:

“Я убил Адольфа Тифтуса. Он явился в мой номер и затеял скандал. Я ударил его тяжелой пепельницей. Сразу после убийства я свіделся в доме Джо Шардина с капитаном Янгером, но ввел его в заблуждение тем, что на вопрос капитана: “Который час?” назвал то время, что меня в действительности бы устраивало для получения чистого алиби. Ронду Сэмюэльс я запугал до такого состояния, что она дала ложные сведения о Джимми Чамберсе.

Чарльз Виллис”.

Янгер перечитал признание на разные лады и остался очень доволен:

– Хорошо сказано. Все, что надо, тут есть.

Сидели они в Омахе, в квартире Джо Ширы, за столом на просторной кухне.

Жилье не навещалось людьми и выглядело запустелым и одичалым, хотя все здесь оставалось на своих местах, только явственнее сделался в наглухо запечатанном помещении запах пыли и старой бумаги.

Паркер нашел листок и ручку и, чтобы несколько усыпить подозрительность Янгера, стал писать гарантийное письмо первый. Янгер был в крайне растрепанных чувствах и напоминал засаленный трющобный диван с торчащими наружу

пружинами...

Он подвинул к Янгеру, сидящему по другую сторону кухонного стола, спиной к холодильнику, чистый лист бумаги:

– Теперь твоя очередь.

– Разумеется, – согласился Янгер, дольше, чем следовало бы, задерживая в руках гарантийное письмо Паркера и что-то сосредоточенно решая для себя...

Паркер посмотрел на него прохладным и ясным взором и дружески посоветовал:

– Не стоит. Не стоит этого делать, Янгер. Я тебе еще понадобится, чтобы найти и деньги, и убийцу Тифтуса...

– Да что ты, тебе почудилось! – не глядя на него, пробормотал Янгер и, взяв ручку, склонился над листом.

Паркер смотрел на него все тем же прохладным и ясным взором, сидя напротив.

Квартиру Джо купил в уважаемом, тихом районе Омахи, У него под окнами, во дворе, росло долговязое пыльное дерево. Городской шум не проникал сюда, было удивительно тихо, и только мерно капнула, вслед другой капельке, вода из крана, да скреблась, точно мышьяк в коробке с ванильными сухарями, ручка по листу хорошей, крахмальной и твердой, белой, как снежное поле, бумаги...

Янгер сочинял приговор самому себе.

Когда он отложил, со вздохом облегчения, ручку, Паркер взял листок и поднес к глазам, потому что в комнате уже поселились осенние сумерки.

“Я убил Джозефа Шардина. Я долго вымогал у него деньги, но не думал, что это убьет его. Подробности знает доктор Рейборн, который помогал мне, но под моим нажимом, я пригрозил ему...”

Капитан Эбнер Л. Янгер”.

– Ну и как тебе? – с видом романиста, закончившего роман, спросил Янгер.

– Годится, – одобрительно сказал Паркер, доставая из кармана пистолет двадцать второго калибра.

– Руки со стола не убирай, – спокойно посоветовал он. Янгер остановившимися глазами смотрел на пистолет. Язык ему с трудом повиновался:

– Чт-т-то т-т-ты хочешь со мной сделать?

Паркер взял листок со своим признанием, смял его и небрежно сунул в карман. Потом поднялся за столом во весь свой нормальный рост.

– Не смей двигаться. Не шевелись.

– Значит, деньга... – горестно всхлипнул Янгер. – Ты их все-таки нашел в доме...

– Я не нашел ничего. Ты зря не поверил Джо. Он говорил тебе чистую правду. А ты придумал химеру. Полмиллиона – твоя фантазия.

– Не ври, Виллис, – проговорил Янгер, наливаясь своим клубничным соком.

– Мне врать сейчас тебе нет никакого резона... – Паркер чрезвычайно аккуратно, за уголок, взял лист бумаги с Янге-

ровым признанием и переместил его на холодильник, за спину Янгера, подальше от него.

– Но ведь, если денег нет, зачем тогда убивать меня? – застонал Янгер, неотрывно глядя в черный зрачок пистолета.

– Я уже в любом случае не могу тебе доверять, что бы ты сейчас не говорил. Если оставить тебя в покое, ты все равно вернешься к своей идиотской мысли, что полмиллиона существует и надо искать до конца жизни; или будешь думать все время, что деньги прикарманил я, и безумно осложнишь мою жизнь...

– Нет, я больше никогда...

– Хорошо. Давай обсудим вопрос, но вот оружие свое отдай. Оно придает нашей беседе некоторую напряженность.

– Вот-вот... все и обсудим... – лихорадочно заговорил Янгер. – Ты совершенно прав, надо мирно взвесить... Мы ли с тобой не сойдемся...

– Пистолет, – негромко и размеренно сказал Паркер. – Очень осторожно, медленно, ты сейчас вынимаешь его, берись большим и указательным пальцем за рукоятку, и тут же опускаешь, – повторяю, очень аккуратно, – сюда на стол.

– Ну да. Виллис, конечно... Я все исполню, как ты велешь... Лицо Янгера масляно блестело от пота. Он был так испуган, что страх перехлестывал пределы его существа, волнами расходился вокруг, и в мире больше совсем ничего не осталось, кроме тоскливого, звериного, предсмертного, безысходного страха.

Янгер доставал пистолет, стараясь в точности следовать команде Паркера, наконец он опустил оружие на поверхность стола.

Это была тридцатая модель “смит-и-вессона”, тридцать второго калибра. Паркер вытащил из кармана своей безупречно отглаженный, белоснежный носовой платок и сквозь ткань правой рукой ухватил пистолет Янгера. Он устроил его поудобнее в ладони, все так же сквозь платок держа в правой руке.

В левой у него был его собственный, двадцать второго калибра. Руки Янгера ходили ходуном на поверхности кухонного стола, хотя он всячески старался сдерживать дрожь; более того, капитан, как заведенный, улыбался, улыбался и улыбался, стараясь продемонстрировать Паркеру, как он верит ему, не боится его и не ждет для себя никакого дурного исхода.

Он даже в подтверждение своей глубокой душевной перемены сумел составить фразу:

– Я тебе верю, Паркер. А денег нет. А тебе верю.

– Поздно, – бесцветно ответил Паркер. Мгновенно обогнув стол, он легко приставил “смит-и-вессон” к груди Янгера, точно под таким углом, как если бы тот стрелял себе в грудь, держа оружие в правой руке.

Янгер открыл пересохший рот, его руки пытались оттолкнуть прижатый к сердцу невыносимый, холодный и грубый предмет, в котором таился тот страшный огонь, разрываю-

щий мягкие, беззащитные ткани живого существа... Он ничего не успел.

Паркер уже нажимал курок.

Он привел все в порядок за десять минут. В еще теплую податливую руку Янгера вложил “смит-и-вессон”. Он поместил на столе перед капитаном его признание, стерев платком с уголка листа отпечатки своих пальцев.

Обмотав платком руку, он протер все предметы, которых ненароком коснулся: дверную ручку, краны в ванной и на кухне, спинку стула, на котором сидел...

Вынув из кармана полицейского конверт с реестром ограблений и списком Джо Ширы, Паркер добавил туда же свое признание в убийстве Тифтуса, скомкал всю бумагу, поджег ее в пепельнице, дал прогореть корчащемуся комку и спустил в унитаз пепел. Пепельницу он не забыл протереть тем же платком, который после всех манипуляций проще было выбросить в мусоропровод, нежели пытаться отстирать.

Он еще раз все осмотрел и проверил, и остался доволен своей аккуратностью и тщательностью.

Да, Риган теперь найдет недостающие звенья, так волновавшие его воображение.

Ему хотелось все узнать о смерти Джо Ширы – предсмертная записка Янгера удовлетворяет его любопытство. Янгер гнусно и грубо вымогал у старика деньги, чем фактически и отправил его на тот свет.

Три знакомца умершего старика приехали в Сагамор на

его похороны – двое из них оказались людьми с темным прошлым, и один прикончил другого... Третий здесь ни при чем.

У этого, третьего, были подозрения, что Янгер приложил руку к внезапной смерти старого Джо, но третий держал свои подозрения при себе, поскольку не имел убедительных доказательств. Потому-то ни словом не обмолвился о своих терзаниях инспектору Ригану. Третий покинул Сагамор, когда закрыли следствие по делу Тифтуса, найдя убийцу...

А вот Янгер, терзаемый раскаянием, не выдержал – он неожиданно, под вечер почему-то, помчался в Омаху, и тут, в квартире старика, которого погубил, полицейский капитан написал предсмертную записку, выпустил из своего пистолета пулю прямо в сердце, так и оставшись сидеть за столом в уже явственных сумерках, все оседая на стуле и все сильнее каменея...

Все было сделано правильно. Оставалось вызволить из Сагамора Бронзовую Ронду.

Паркер, обернув платком руку, словно ему на поле боя прострелили кисть, еще постоял на пороге со своим чемоданом и тихо закрыл за собой дверь, не запирая ее на ключ.

Глава 7

В Омахе Паркер зашел в опрятную телефонную будку с маленьким откидным сиденьем на стенке, и переписал номер этого телефона-автомата. Уже темнело, зажигались огни. Он отправился на железнодорожный вокзал, в компанию “Вестерн юнион”. На вокзале волнующе пахло дальней дорогой, сновали носильщики с чемоданами, под сводами гулко звучал голос вокзального диктора, объявляющего возбужденным пассажирам их участь...

Пахло мандариновыми корками и жареным арахисом.

Паркер поместил свой чемодан в ячейку автоматической камеры хранения.

В отделанном светлым лакированным деревом помещении “Вестерн юнион” Паркер, взяв телеграфный бланк, написал: “Ронде Сэмуэльс, отель “Сагамор”, город Сагамор, Небраска”. Он указал номер телефона-автомата, того, что понравился ему своей уединенностью, и приписал: “Позво- ни в девять из автомата”.

Девушка, принимающая телеграммы, подняла бровки:

– Но здесь нет вашей подписи!..

– Это текст должен идти без подписи, – сказал Паркер. – Она поймет...

– Нет, без подписи не положено, – заупрямилась девушка. Он склонился к ее круглому окошечку и заговорщицки

подмигнул:

– Дела сердечные... там ревнивый муж...

– Ясно, – сочувственно улыбнулась девушка, – тогда все понятно...

Заплатив за свою мгновенно ушедшую телеграмму, он покинул вокзал и посидел за ресторанным столиком, выпив две чашки превосходного кофе. Есть ему не хотелось.

Выйдя из ресторана, он прошел не спеша по бульварам и без десяти девять оказался у облюбованного телефона-автомата. Примостившись на откидном сиденье, Паркер прикрыл глаза.

Позвонила она в три минуты десятого. Паркер взял трубку, но не сказал ни слова. Бронзовая Ронда выжидающе молчала, было слышно ее прерывистое дыхание. Наконец она робко отозвалась:

– Алло?

– Это я. – Он сказал так, словно расстался с ней только что.

– Ой, – обрадовалась Бронзовая Ронда, – ты нашелся!

– Собрала чемодан?

– Ты смеешься надо мной, да?

– Возьмешь два билета. Поезд до Омахи. Ближайший отходит в одиннадцать двадцать, а будет здесь в одиннадцать сорок пять. Два билета. Не забудь. Я тебя встречаю.

– У меня чемодан не собран! – в отчаянье сказала она.

– Кидай все, как попало. Здесь разберешься. Я жду тебя.

– Хо-ро-шо! – выдохнула она и опустила трубку.

Он вышел из телефонной будки и вновь двинулся бульварами на вокзал. Город был полон уже ночной жизнью, ярко горели вывески, пульсировали, переплетаясь, разноцветные нити реклам, летели стаи светляков – это проносились автомобили...

Город был как город, а все города на одно лицо, верно сказал он Янгеру.

Лучше всего было бы сидеть сейчас в неосвещенной гостиной, в глубоком кресле и слушать гул мыслей – как ровный гул океана или гул ветра там, на пустырях, в сонном, пустом Сага-море...

Без двадцати одиннадцать он забрал свой чемодан из камеры хранения.

Без пятнадцати одиннадцать Бронзовая Ронда ступила своей легкой ногой на перрон Омахи.

Он подошел к ней, забирая чемодан, и увидел поднятое к нему, счастливое и одновременно молящее лицо.

Она тихо спросила:

– Мы вместе?

– Да.

– А надолго? Мне хотелось бы надолго! – Она даже чуть подпрыгнула на перроне.

– Да.

– Мы уедем в Майами?

– Да. Завтра.

– А сегодня?

– Пойдем в отель.

– Господи, опять отель, – вздохнула она, поправляя свой белый, так оттеняющий смуглое лицо, плащ.

– В этом отеле все будет совсем по-иному, – тихо сказал Паркер, беря ее под руку.

Но были, оставались еще неувязки, могущие там, в Сагаморе, разогнать волну такой силы, что она захлестнет, докатившись, и Чарльза Виллиса, и Паркера к нему впридачу...

Предсмертная записка Янгера. Она давала одну зацепку, которую, безусловно, использует полиция, когда станет вытряхивать показания из Рейборна.

Он будет отпираться сколько сможет, а потом, естественно, выложит всю правду о смерти Джозефа Шардина. “Он повесился”, – заявит доктор Рейборн, и отсюда, петелька за петелькой, начнет ползти, распускаться все тщательно сработанное вязание.

В расследование вступит Риган, и он расшибет свою коротковолосую голову в кровь, но докопается до правды.

Он добьется разрешения суда на эксгумацию Джозефа Шардина. Экспертиза покажет, что старик наложил на себя руки, но не оттого ли, что его жестоко пытали и мучили?

Были и другие зацепки.

Например, лопата в кабинете Янгера.

Риган прощупает дом старика, методично, дюйм за дюймом, и найдет закопанного в подвале веснушчатого малого,

что якобы уехал на неопределенное время в неизвестном направлении...

И вот Риган в своей системе зеркал увидит фигуру, которая даст большую работу его мыслительному аппарату.

Это будет фигура Чарльза Виллиса.

Интерес Ригана к загадочному бизнесмену будет столь велик, что он снимет отпечатки пальцев Виллиса – как ни тщательно перетирал Паркер тряпицами все поверхности, которых он мог ненароком коснуться, – отпечатки его явно остались в домике Джо!

Да нетрудно их было, впрочем, сыскать и в номере отеля, носящего звучное название города Сагамора...

Итак, сняв несколько четких отпечатков, инспектор Риган отправит их в Вашингтон со своим срочным запросом.

Все бы сошлось, когда б Янгер собственноручно убил Джо Шардина. Но фактически он не убивал старика. И, схватив своими крепкими полицейскими пальцами эту зацепку, Риган примется распускать вязание, как заведенный...

Пришлют из ФБР ответ на запрос инспектора Ригана. На срочный запрос! После проведения идентификации отпечатков федеральные эксперты сообщат, что Чарльз Виллис – это, на самом деле, Рональд Каспер, и он сейчас находится в розыске за убийство охранника и побег из тюрьмы в далекой золотоносной Калифорнии...

К свидетельству экспертов, дактилоскопических светил, будет приложена и фотография Рональда Каспера.

Паркер, правда, после пребывания в тюрьме изменил свою внешность, пойдя на крайнюю меру – пластическую операцию.

Так что лицо Каспера будет неидентично лицу Виллиса, и это обстоятельство несколько притормозит Риганово расследование...

Притормозит, но лишь на какое-то время. Риган – стреляный воробей, он так просто от своего не отступится.

Инспектор направит новый официальный запрос, теперь уже в Майами, в здешнее отделение Федерального бюро расследований. Он убедительно попросит обстоятельно проверить Чарльза Виллиса и добавит, что последний адрес, которым он располагает, скорее всего вымышленный, и все же...

К удивлению агентов ФБР, адрес Чарльза Виллиса при проверке окажется абсолютно реальным.

Глава 8

Прошло две недели с тех пор, как Паркер вернулся из Сагамора. Он жил с Бронзовой Рондой в Майами, и эта жизнь необыкновенно нравилась ему.

Он полюбил свой номер в отеле – Паркер вообще любил отель, в котором он останавливался вот уже десять лет, и жил то месяц, а то и два...

Ему иногда казалось, что у него возникло какое-то подобие теплого, уютного гнезда, – не птичьего, которое ветер срывает и швыряет оземь, а теплого и прочного – человеческого, с милой женщиной, любящей и умеющей молчать, распеваящей под душем какие-то школьные песенки и оказавшейся большой выдумщицей, озорницей и насмешницей, оказавшейся настоящей актрисой...

Странно, Паркеру никогда не было скучно с ней...

Вот и сейчас он вызвал лифт и стоял, прижимая к груди только что купленную коробку. Там, в высоком кожаном футляре, крепко и восхитительно пахнущем какой-то прочной, доброй, старинной жизнью, в футляре выложенным изнутри нежнейшей фланелью, помещалось чудо, которое Бронзовая Ронда спала и видела во сне: там был морской бинокль.

Эта невероятная женщина хотела разглядывать корабли, облака и птиц, дальние деревья, луну и звезды, пролетающие в заиндевелой вышине самолеты, – словом, она мечтала о

морском бинокле...

Лифт остановился перед Паркером. В тот же миг к нему как-то очень быстро подошел, почти подбежал его многолетний знакомец – управляющий отелем, и поманил куда-то пальцем.

– Мистер Виллис! По деликатному делу!

Паркер, словно очнувшись ото сна, зорко посмотрел на него.

Управляющего звали Дж. Э. Фридмен. Это был небольшой человек с внушительным брюшком, глядящий на мир с веселым изумлением сквозь свои громадные очки в роговой оправе.

Фридмен опасливо коснулся плеча Паркера пальцем и тихо молвил:

– Очень и очень важно.

Они прошли в кабинет Фридмена, и управляющий, не предлагая Паркеру присесть, начал с места в карьер:

– Мистер Виллис, разговор весьма деликатный... Даже не знаю, как приступить...

– Что такое?

– Я так понял, – Фридмен неопределенно помахал в воздухе рукой, – что у вас неприятности... Конечно, не мое дело... Но все же уклонение от уплаты налогов – сопряжено с неприятностями для вашей особы...

– Откуда вы это взяли, мистер Фридмен?

– Пришли двое из ФБР... Сагамор! Ну конечно.

– И чем же они интересовались?

– Ничем, мистер Виллис, как ни странно... Они просто разыскивали вас.

– А что вы?

– Мне деться некуда, я лицо подневольное... Вы как бизнесмен должны меня понять... Дал информацию.

– Ну естественно...

– Я сказал, где ваш номер и что вас пока нет. Они ответили, что подождут в номере. Это было полчаса назад. Я остался внизу, мне хотелось предупредить вас, чтобы вы хоть успели связаться со своим адвокатом... А то их двое, и они застанут вас врасплох...

Паркер вдохнул и выдохнул, унимая сердце: итак, агенты из ФБР сейчас допрашивают Бронзовую Ронду...

– Громадное спасибо вам!

– Не за что. Каждый может оказаться на вашем месте.

– Что ж... Надо действовать!

– О, конечно же... Полагаю, вы не чрезмерно пострадаете?

– Пока не знаю... Спасибо еще раз.

– Какие пустяки! Не за что.

Паркер спустился в вестибюль. Караулит ли его внизу третий агент?

Имеет ли ФБР его фотографию?

Во всяком случае, выходить следует не через вестибиль, а через бар, там боковая дверь открывается прямо на стоянку такси.

Такси подлетело мгновенно. Он назвал первый пришедший в голову адрес, лишь бы подальше от этого места...

Таксист долго вез его по улицам Майами, и все это время Паркер лихорадочно просчитывал, что же могло случиться там, на бурой земле, в сонном мареве осеннего дня, в заолустной глубокой пыли, в зловещей тиши Сагамора?..

Там могло случиться все, что угодно.

Но это уже не важно. Важно, что имя Чарльза Виллиса слетело с него сейчас, как легкая широкополая соломенная шляпа в сильный ветер...

А это значило; что шестьдесят тысяч долларов, хранящихся на банковских счетах и в сейфах – отныне не принадлежат ему...

У него осталась сотня долларов в кармане, – да морской бинокль, коробку с которым, он, оказывается, все время держал, прижимая к груди.

Он старался не думать о Бронзовой Ронде, потому что тогда в то место, где у людей должно по идее располагаться сердце, кто-то вонзал холодную и очень длинную иглу, а потом не спеша ее вынимал...

Добравшись на такси до какой-то отдаленной тихой улочки, он спокойно и непринужденно похитил автомобиль – белый “рамблер”.

Он погнал на север, оставляя за своей мощной спиной все – прошлую жизнь, прошлое время, какие-то бумажки, которые почему-то повсеместно зовутся “деньги”...

С ним осталось его новое, хорошо вылепленное во время пластической операции лицо, его стальные нервы и не менее стальные мускулы, его невероятное терпение и упорство...

Осталась та зоркая, жадная, одновременно и адская и небесная нематериальная субстанция, имя которой – человеческая душа...

Он найдет себе дело по душе. Он еще нарастит, слой за слоем, новое имя, нужно только переждать, кануть в тихое место...

По серому шоссе он гнал чужой белый автомобиль на север.